

проталина

дух дышит, где хочет

В небольшой подборке материалов юных авторов из Тюмени искорки творческого поиска. Судя по темам, которые отражаются в их сочинениях, можно сделать вывод, насколько серьезно и неравнодушно ребята относятся к тому, что они встречают в своей повседневной жизни. В основе их восприятия — светлая вера в доброе начало, в ценность человеческих поступков. Не нарочито, а вполне естественно звучит оптимистическая нота. А значит, от самого человека во многом зависит, какими могут быть сегодняшний день, завтрашнее утро и вообще будущее.

Журнал реализует свой проект «Доброе чтение во имя любви к Родине, к своей истории и к родному русскому Слову». Верность направления этой работы неоднократно подтверждалась наградами Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России» и поддержкой Администрации муниципального образования «город Екатеринбург»

**Подписка — 2016
по объединенному каталогу «Пресса России»**

Подписной индекс «Проталины» 42333

Условия оформления подписки на журнал вы найдете в каждом отделении почтовой связи в объединенном каталоге «Пресса России» (1 том, зеленая обложка) на страницах, отмеченных в тематическом и алфавитном указателях

**Подписка — 2016
в группе компаний «Урал-Пресс»**

С помощью этой компании подписаться на журнал можно с любого месяца. Сформируйте заявку и отправьте ее в офис агентства «Урал-Пресс» (www.ural-press.ru) в вашем городе

Адрес журнала в Интернете: www.protalina.com
Там вы можете найти дополнительную информацию о нас

Культура тоже нуждается в защитнике

Журнал выходит в свет благодаря постоянной помощи наших спонсоров

«Проталина»

**ООО «СВЕЙ»
г. Екатеринбург**

Производство, проектирование, монтаж, наладка
оборудования для энергетических и промышленных
предприятий

www.aura-e.ru

содержание

долги наши

Смерть опередила награды

В «Проталину» продолжают поступать отклики на наши публикации. На сей раз пришло письмо из Ярославля. Семья Кольцовых узнала о подробностях трагической судьбы их родственников — летчиков Владимира и Аркадия Кольцовых. Написала нам племянница братьев Татьяна Кедрова (Кольцова).

Не утихает боль утрат, потому что люди до сих пор не знают всей правды о своих близких, отдавших жизнь за Родину в Великой Отечественной войне. Самоотверженная работа поисковиков открывает незаслуженно забытые имена. За далью лет размышлялась острота гражданского сознания. Запечатлеть в истории имена достойных — наш неоплатный долг.

6

узлы истории

Ирина Филатова

Роковой мост

Новое расследование журналистки-поисковика Ирины Филатовой из города Калачинска Омской области. Как очеркист, она давно знакома нашему читателю, ее материалы о летчиках, о загадках АЛСИБа всегда вызывают отклики. Выруливая на аварийную посадку, экипаж погиб от нелепой случайности. Произошло это у поселка Ижевское Рязанской области 17 июня 1945 года, уже после Великой Победы. Расследование этого события растянулось на долгие годы.

10

Александр Копырин

Два цвета памяти. Черный оттиск истории. Алые гвоздики на бронзовом кране

Зловещий оттиск на русской березе — это было место захоронения немецких военнопленных на уральской земле под городом Асбестом. Автор воспоминаний Александр Копырин рассказывает о своих краеведческих находках.

16

Борис Галазимов

Из несостоявшейся книги «Красные тени»

Странная месь. Судьба легионера «Красные тени» — так должна была называться книга Бориса Галазимова, куда он включал историко-документальные рассказы и очерки, связанные во многом с Уралом, Сибирью и историей нашего Отечества. В память об этом талантливом писателе и краеведе, умевшем находить уникальные факты и удивительные судьбы, мы продолжаем публиковать очерки из несостоявшейся книги. 3 января 2015 года Борису Галазимову исполнилось бы 75 лет. Уже пять лет его нет с нами.

80

мой письменный верный стол

Ирина Римская

О хрупком и вечном

Записки бывшей россиянки

Мы продолжаем публиковать страницы дневника раздумий нашей землячки, которая теперь живет в Израиле. Ирина Римская — бывшая свердловчанка. Кандидат философских наук, она преподавала в одном из местных вузов. Ее волнуют судь-

бы людей, мятущихся в вихре повседневности, отвлекающей от чего-то главного в их жизни.

На этот раз представлен как живой урок истории рассказ о праведниках народов мира. В скромном уголке парка в Хайфе на восемнадцати валунах выбиты имена украинцев, венгров, поляков, румын, которые в нерасторжимом единстве спасали евреев, попавших в фашистский плен.

34

Борис Карташов

Отчаянное противостояние

Рассказы о войне родились у Бориса Карташова в его доверительных беседах с настоящими фронтовиками, которые, по его словам, встретили Победу не в эшелоне по дороге на фронт, а были на войне до последнего часа, и с теми, кто принял на себя все лихолетье этого страшного времени.

Беседы и встречи длились два десятка лет. Публикуются рассказы впервые.

40

Алексей Мехонцев

Запах родной земли. Рассказы

Иллюстрации автора

Алексей Мехонцев родился и живет в городе Шадринске Курганской области. Он художник, участник более 40 выставок, делает игрушки из глины. Художническое восприятие окружающего мира отражено и в его рассказах.

50

Татьяна Кулешова

Полет неспешный и высокий. Стихи

Иллюстрации автора

Стать художницей Татьяна Кулешова мечтала еще с детства, всерьез занялась творчеством в зрелые годы, уже вырастив своих детей. Пишет стихи.

Живет Татьяна с раннего детства в поселке Арти Свердловской области.

122

Сергей Платон

Тени, образы и вехи

Сергей Платонов (литературный псевдоним Сергей Платон) живет в Екатеринбурге. Он профессиональный актер, режиссер, педагог — всегда в поиске на нелегкой стезе искусства. Его рассказы — грустные и веселые, панорама детских и не детских впечатлений.

64

память сердца

Леонид Кузвесов

Лишь бы крест удержать

Автобиографическая проза

Леонид Кузвесов живет в Екатеринбурге, занимается иконописью, он прихожанин храма Успения Божией Матери на Эльмаше. В его рассказах-воспоминаниях встает образ человека активного, пытливого, пытающегося в любых ситуациях самостоятельно найти нужное и честное решение. По его словам, после 50 лет он проникся православной верой.

22

«Проталина» — ощущение весны, обновления природы. Литературно-художественный и публицистический журнал под таким названием обрел прописку на Урале, в крае, богатом литературными традициями, и он наполнен голосами самобытных, порой малоизвестных, но, главное, честных авторов.

«Проталина» — внутренний мир неординарно мыслящего человека. Ему сегодня нелегко. Многие любители словесности замечают, что постепенно вымывается мудрое писательское Слово. На смену ему приходят коммерческие поделки, и всему царь — Рубль. Мы решили в какой-то мере помочь начинающим талантливым авторам и тем, кто отправляет свои рукописи в стол, пробить дорогу к сердцу читателя. Настало время говорить в открытую: когда культурные устои рушатся, должны появиться их защитники.

«Проталина» — добрый и мудрый собеседник. Не случайно родился девиз журнала «Дух дышит, где хочет», созвучный христианской мудрости. Дух мудр, всеведущ, и от него разрослась вся культура человечества. Разумеется, в этой культуре нет и не может быть понятия — провинция. Главный принцип издания: все определяет талант, его духовный и нравственный посыл.

Так что приглашаем вас в путь!

содержание

терновый венец

Светлана Марченко

Он умел взмывать над бездной

В 2016 году большому уральскому писателю Борису Путилову исполнилось бы 85 лет. К сожалению, до этого юбилея дожить писателю не довелось. Он ушел от нас в 2007 году. В повестях Путилова любознательный читатель увидит многогранную жизнь Урала, страницы нашей истории и сложные взаимоотношения человека с эпохой.

74

От редакции журнала «Проталина»

Пассажир в чужом поезде

Виктор Говорков был в группе поиска, он азартно, не жалея времени и сил, старался помочь «Проталине» в вечном поиске и авторов, и жизненных возможностей устоять в условиях равнодушного отношения к Книге, к Слову. 7 августа 2015 года Виктор ушел из жизни.

В архиве редакции остались его рукописи. Предлагаем читателю подборку из прозы и стихов Виктора Говоркова.

128

Виктор Говорков

Листья с одной ветки

Рассказы. Стихи

130

спаси меня, леонардо!

Евгений Пинаев

Блуждания в поисках потерянной мечты

Воспоминания художника о художнике

Попытка найти свою дорогу в искусстве и в жизни. Евгений Лаврентьев превыше всего дорожил свободой самовыражения и, естественно, принял немало ударов судьбы.

Жанна Оглы (рисунки)

88

Валерий Серебренников

Рояли шли через окно

Валерия Серебренникова хорошо знают в Тюмени по его неуёмной любви к музыке. Работа музыканта многогранна — он автор шести нотных сборников, выступает с сольными концертами по области и за ее пределами, как педагог воспитал немало юных талантов. В своих рассказах он предельно откровенен с читателем.

104

простое и заветное

Маргарита Чарина

Всегда есть повод испытать себя

Стихи

Истоки ее внутреннего «я» — в послевоенном детстве. Суровый быт тогдашнего времени закалил и научил ценить даже маленькие радости и дорожить чистотой человеческих отношений.

84

ветры ищут паруса

От редакции журнала «Проталина»

Были бы помыслы чисты

Полина Могутова, София Паникарова, Анжелика Токменина, Мария Кутрунова, Виталий Ушаков — в небольшой подборке материалов юных авторов из Тюмени видны искорки творческого поиска. Судя по темам, которые отражаются в их сочинениях, можно сделать вывод, насколько серьезно и неравнодушно ребята относятся к тому, что они встречают в своей повседневной жизни. В основе их восприятия — светлая вера в доброе начало, в ценность человеческих поступков. Не нарочито, а вполне естественно звучит оптимистическая нота. А значит, от самого человека во многом зависит, какими могут быть сегодняшний день, завтрашнее утро и вообще будущее.

118

неравнодушный взгляд

Елена Минакова

Свободное трепыхание в искусстве

Встречая гостя, Виктор Мирошников рекомендует себя: «Двоечник из Казахстана». И радушным жестом просит пройти в его апартаменты, то есть в мастерскую, расположенную ниже уровня земли. Искусствоведы видят в нем тонкого мастера кузнечных дел. Но сам он утверждает: «Нет, я не кузнец и я не ювелир — я художник!» Да, Виктор Мирошников — член Союза художников, живет и творит в Екатеринбурге.

134

Виктор Мирошников

Из авторской коллекции

142

XIV Всероссийский конкурс СМИ «Патриот России»

30 июня в 2015 года в Нижнем Новгороде состоялось торжество по случаю вручения знаков отличия Всероссийского конкурса «Патриот России» на лучшее освещение в СМИ темы патриотического воспитания. «Проталине» вручен диплом лауреата в номинации «Мы — Россияне» — «За серию художественно-публицистических материалов о людях, событиях, достижениях и проблемах региона и России». Это уже седьмая награда нашему журналу от экспертного жюри конкурса.

148–150

смотрю и вижу

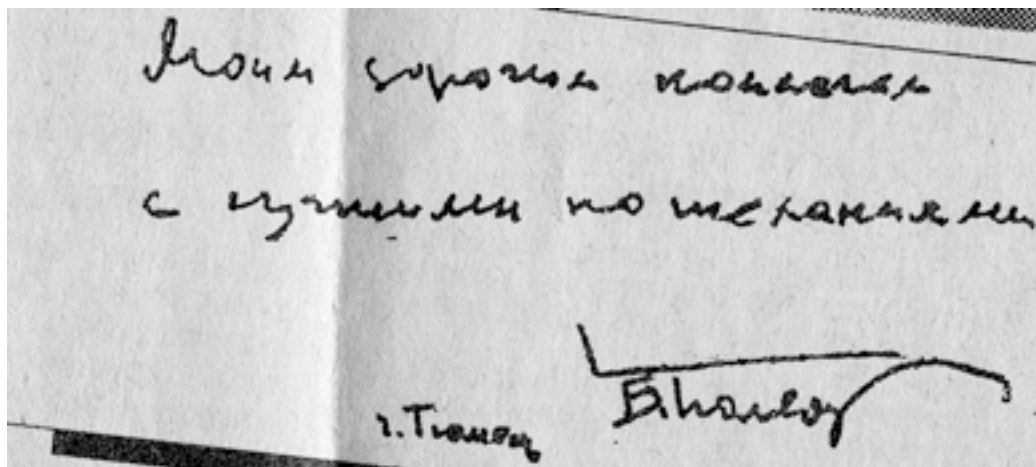
Фотовернисаж «Проталины»

Снимки наших постоянных авторов

Сергей Киселев (Тюмень),

Сергей Мальгавко (Омская обл., Тара)

33, 38–39, 49

Автограф на память.

Это был писатель, куда-то вечно рвущийся, душой добрый и никогда не теряющий своей обаятельной улыбки. Его перу принадлежит «Повесть о настоящем человеке», о летчике, ставшем кумиром для многих поколений. Каждому поколению нужен маяк, который указывает путь служения своей Родине.

Автограф писателя Бориса Полевого сейчас хранится в архиве «Проталины».

проталина

Литературно-художественный и публицистический журнал
Ежеквартальник
Издается с апреля 2008 года в Екатеринбурге
№ 1–4 (26–29), сдвоенный, 2015

Победитель Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России» в номинациях «Николай Карамзин» (2009), «Павел Бажов» (2009), «С чего начинается Родина» (2013).
Лауреат Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России» в номинациях «Наследники Победы» (2010), «Мгновения истории / Моя Россия» (2012), «Моя Россия» (2014), «Мы — Россияне» (2015).
Лауреат тюменского регионального конкурса «Книга года» в номинациях «Журнал года» (2008), «Редактор года — приз имени Панкратия Сумарокова» (2009), «Лучшее журнальное издание» (2011, 2013).

учредитель и издатель:

Автономная некоммерческая организация «Редакция журнала «Проталина». Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Москва). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-30971 от 22 января 2008 г.

главный редактор Елена Минакова-Чернова

редакция:

зам. главного редактора по литературным вопросам Светлана Марченко, **художественный редактор** Николай Пискулин, **технический редактор** Игорь Подвысоцкий, **специальный корреспондент** Тимофей Николайцев (Новосибирск), **корректор** Галина Гломоздова

16+

общественный совет:

Людмила Гришина-Гривачевская, старший преподаватель кафедры фонетики и грамматики славянских языков Киевского национального лингвистического университета (Киев), Евгений Пинаев, писатель, художник (Екатеринбург)

группа поиска:

Иван Охрименко (Екатеринбург)
Виктор Говорков (Екатеринбург)
Михаил Захаров (Тюмень)
Ирина Филатова (Калачинск)

временный адрес редакции:

620000, Екатеринбург,
Главпочтамт, а/я 640
www.protalina.com
E-mail:
post@protalina.com;
protalina-tmn@yandex.ru
Контактный телефон:
8-922-266-66-12
(Екатеринбург)

отпечатано

с готового оригинал-макета в типографии Форт Диалог-Исеть, г. Екатеринбург, ул. Монтёрская, 3, тел: (343) 228-02-32
Тираж этого номера ограничен — 300 экз.
Подписано в печать 21.12.2015 г.
Формат 60х84/8.
Печать офсетная
Бумага мелованная матовая 80 г/м²
Заказ № 1540782
Цена свободная

Редакция не рецензирует рукописи и не возвращает их авторам. Журнал размещает рекламу, приглашает к сотрудничеству спонсоров, за содержание рекламных материалов ответственности не несет. Все финансовые поступления направляются на развитие журнала. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. По вопросам распространения обращаться в редакцию. Подписку на журнал можно оформить следующим образом:
— Через каталог «Пресса России» во всех отделениях почтовой связи. Подписной индекс — 42333.
— Через интернет-каталог «Пресса России» (www.aprk.org).
— В группе компаний «Урал-Пресс» во всех федеральных округах России. Телефон отдела подписки в филиале агентства в Екатеринбурге: 8 (343) 262-65-43

смерть опередила награды

БываюТ такие скорбные обстоятельства, когда герои не могут получить заслуженные награды, потому что уже ушли из жизни. К наградам их представили за конкретные подвиги задолго до последних трагических событий. Трагических событий могло вообще не быть! Они случаются из-за преступной халатности тех, кто отвечает за безопасность исполнения воинского долга.

В этой истории к награде были представлены 9 летчиков, но из них только трое увидели награды, остальные погибли.

Не утихает боль утрат, потому что люди до сих пор не знают всей правды о своих близких, отдавших жизнь за Родину в Великой Отечественной войне. Самоотверженная работа поисковиков открывает незаслуженно забытые имена. За далью лет размышлась острота гражданского сознания. Запечатлеть в истории имена достойных — наш неоплаченный долг.

Прошло уже шесть лет с той поры, как «Проталина» (№ 3–4 за 2009 год) рассказывала в материале «Живыми им не вернуться» о гибели летчиков 11 февраля 1944 года под Казанью. Они перегоняли по сверхсекретной трассе АЛСИБ американские военные самолеты — это была помощь союзников нашему фронту. Летчики вели машины на перегоне от Свердловска в Иваново. Неверный метеопрогноз на полет и безответственность должностных лиц, отвечающих за выпуск групп, угроби́ли машины и 16 человеческих жизней.

Историю этой трагедии рассказывала Ирина Филатова, журналист-поисковик, которая долгие девять месяцев работала над архивами, чтобы найти следы происшедшего. И после публикации в «Проталине» поисковые работы по расследованию катастрофы продолжались. Шли отклики. Удавалось уточнить подлинные имена и фамилии захороненных. В материале Ирины упоминалось, что в мае 1985 года в селе Чепчуги Высокогорского района на деньги школьников, которые вели поиск имен погибших, был установлен памятник с именами трех летчиков. В их числе был назван Аркадий Кольцов. Много позже выяснилось, что имя Аркадия указано ошибочно. В том полете погиб Владимир Кольцов, брат Аркадия, — оба служили в одном полку, а в архивах допускались всякие ошибки, и эти записи передавались в военкоматы, которые в свою очередь тоже допускали ошибки. Только в мае 2010 года на памятнике в Чепчугах были правильно начертаны имена захороненных — Дмитрия Лобинцева, Александра Пашкова и Ивана Лопатина. Об этом уточнении «Проталина» сообщила в материале «Эхо наши публикаций» в № 3–4 (24–25) за 2014 год.

И вот 4 апреля 2015 года в редакцию «Проталины» пришло взволнованное письмо из Ярославля. Семья Кольцовых узнала, что прозвучали фамилии их родственников, а позже уже уточнились подробности гибели Владимира Дмитриевича Кольцова. Писала племянница братьев Татьяна Кедрова (Кольцова):

Спасибо Вам за сведения о наших родственниках: Кольцове Владимире Дмитриевиче (1920 — 11.02.1944) и Кольцове Аркадии Дмитриевиче (1922 — исключен из списков части 16 сентября 1943 г., как и где погиб,

г. Ярославль, ул. Штрауса, дом 42,
квартира 3.

КОЛЬЦОВУ Дмитрию Ивановичу.

Здравствуйте Дмитрий Иванович!

Получили Ваше письмо на которое олевым ответить. По глубине души
больно писать Вам это письмо, но ничего не поделаешь, раз судьба такая постигла Ваши замечательных сыновей, уж очень они были хорошие ребята, все мы любовались ими, но вот стихия прекратила их молодую жизнь, оба они погибли на боевом посту выполняя ответственные задания. Память о которых навсегда останется в наших сердцах и сердцах их товарищей. От всего души благодарим Вас Дмитрий Иванович за воспитание замечательных сыновей, которые принесли нашей Родине много пользы, во имя которой отдали свою жизнь.

Для Вас это утрата великая, но их не вернуть, а потому наша просьба к Вам не убивайтесь, не падайте духом, берегите свое здоровье.

Справку о гибели Аркадия выносим, так же выносим все вещи, принадлежащие им.

С приветом ТАВАРЧУК, Е. МОАИИ.

ЗАМКОМ ДИРА В/Ч 64254

ПО ПОЛ ИТ-ЧАСТИ

М.Д. О.Р.

Ерохин

/ ЕРЮХИН /

неизвестно). Их мама (моя бабушка), получив похоронки и письмо из в/ч 64254 от Табарчука и майора Ермохина, умерла в этом же году, имея еще троих детей (письмо имеется). Пожалуйста, напишите нам, если есть какие-то сведения о них, будем очень благодарны. У нас есть фото Владимира на фоне самолета, Аркадия и их семьи. Если нужно, вышлем.

*С уважением,
семья Кольцовых.
г. Ярославль*

С этого письма завязалась переписка родственников из Ярославля с Ириной Филатовой, которая живет в городе Калачинске Омской области. Эпизод за эпизодом продолжает раскрываться вся картина военной истории героев АЛСИБа. Как грамотные, опытные летчики, толковые инструкторы из-за чужой чудовищной безответственности оказались обречены на нелепую смерть, не успев осуществить свои высокие задачи? Аркадий Кольцов до сих пор числится пропавшим без вести, так как нет ни одного свидетельства его гибели, известно только, что 27 июля 1943 года он вылетел на задание и не вернулся. А Владимир, разбившийся в полете 11 февраля 1944 года, по существу, тоже не был найден. И все попытки родственников что-то узнать о Владимире тормозились из-за тогдашней архивной системы, где все было засекречено. Родственники не могли узнать подробностей фронтового пути их близких.

Но завеса времени не помешала упорству поисковиков и не ослабила интереса к истории минувшего. И вот найдены новые сведения о судьбах братьев Кольцовых — Аркадия и Владимира, летчиков 9-го перегоночного авиационного полка, базировавшегося в Красноярске:

Аркадий Кольцов (информация получена от поисковика, военного историка Вячеслава Филиппова из Красноярска)

27 июля 1943 года Аркадий в составе группы осуществлял перегон самолетов «Аэрокобра» из Красноярска в Омск. Едва поднявшись в воздух, самолет Кольцова вышел на круг с выпущенными шасси. Летчик вернулся на аэродром, отстав от своей группы. При осмотре самолета никаких неисправностей не было обнаружено. Оказалось, что летчик неправильно установил кран уборки шасси. Лейтенант получил разрешение на повторный вылет. В 7 часов 49 минут его «Аэрокобра» и группа из девяти «Бостонов» легли на курс. На высоте 460 метров звено вел командир полка майор Табарчук. Его ведомыми шли младшие лейтенанты Изофатов и Порохин, за ними — самолет лейтенанта Кольцова. Справа шло звено капитана Жамкова с ведомыми младшим лейтенантом Фартышевым и лейтенантом Ермоловым. Левее командира полка шло звено майора Логинова, заместителя командира.

Во время следования по маршруту перед летчиками встала стена сплошных облаков, нижняя кромка которых цеплялась за вершины сопков. Оказалось, что погода не соответствует полученному метеопрогнозу, и летчикам пришлось перейти на бреющий полет. Такими оказались первые 10 минут пути. Командир не спешил отдавать приказ о возвращении на аэродром. Еще через две минуты видимости не стало до самой земли.

Оценив ситуацию, майор Логинов увел свое звено на обратный курс и благополучно вернулся на аэродром. Его примеру последовал Изофатов. Остальные продолжили путь, и некоторым удалось долететь до Омска. Из полета не вернулись четверо: три летчика и стрелок-радист, старший сержант Брюньковский. Ермолова нашли на следующий день, самолет Порохина — через 2 месяца. Поиски Кольцова оказались безрезультатны. Без вести пропавшим он числится по сей день. Чтобы пролить свет на судьбу Аркадия, красноярские поисковики призвали на помощь экстрасенсов. По их словам, самолет перелетел границу Красноярского края и потерпел катастрофу в тайге в районе Мариинска при вынужденной посадке на распаханное поле. Решено продолжить поиск. Остается надежда, что кемеровским поисковикам удастся выйти на след.

Владимир Кольцов (данные из наградного листа)

С мая по сентябрь 1943 года Владимир в составе эскадрильи перегнал 6 самолетов «Аэрокобра» в качестве ведомого на расстояние 3800 км. Имел поломку самолета, которая произошла из-за выработки горючего. Представлен к награждению медалью «За боевые заслуги» 24 ноября 1943 года. На момент выхода Указа Президиума ВС СССР 2 августа 1944 года летчик уже погиб.

Кроме Владимира, к медали «За боевые заслуги» были представлены еще 8 человек, которые находились с ним 11 февраля 1944 года в полете: Константин Беляев (погиб), Михаил Ермаков (погиб), Василий Кириченко (жив; вынужденная посадка), Борис Ковалёв (погиб), Виктор Корнев (жив; вынужденная посадка), Дмитрий Лобинцев (погиб), Александр Пашков (погиб), Владимир Смирнов (жив; вернулся на аэродром). Трое из девяти летчиков увидели свои награды.

Ирине Фалатовой в переписке с родственниками удалось познакомиться с семейной родословной Кольцовых. Родом братья из состоятельной крестьянской семьи, проживавшей в населенном пункте Дыбково Титовской волости Ростовского уезда (позднее — Борисоглебского района, а само Дыбково стерто с географической карты) Ярославской губернии. Семья имела в собственности лесную пустошь. Глава семейства Иван Афанасьевич, дед братьев, вырастил троих детей: Федосию, Дмитрия и Михаила. В том же месте родились внуки: Владимир, Аркадий, Александр, Нина и Борис.

В 1935 году Дмитрий Иванович и Зинаида Александровна купили большой деревянный дом в городе

Молога (позднее город попал в зону затопления под Рыбинское водохранилище, и дом сплывали по реке в Ярославль). За три года дом был собран на окраине города и разделен на три семьи. Из этого дома Владимир и Аркадий были призваны в армию. По словам соседей, братья занимались в аэроклубе. Потом грянула война, и в отчий дом прилетели похоронки...

Подрастают новые поколения Кольцовых. 9 мая 2015 года в Бессмертном полку пронесли портреты летчиков-братьев их потомки, по возрасту — они сверстники.

«Проталина»

На снимках:

1. Письмо с фронта
2. Братья Кольцовы. Фотомонтаж. Владимир Кольцов в форме у самолета. Лицо Аркадия, очевидно, переснято из документов
3. Зинаида Александровна Кольцова с детьми — Аркадием (ему лет 12, он крайний справа), Сашей, Ниной и Борисом у своего дома

ирина филатова

роковой мост

На страницах «Проталины» новое расследование журналистки-поисковика Ирины Филатовой из города Калачинска Омской области. Как очеркист, она давно знакома нашему читателю, ее материалы о летчиках, о загадках АЛСИБа всегда вызывают отклики. И вот новая история поиска.

Июнь 1945 года. Окончена Великая Отечественная. Но перед Советским Союзом стояла серьезная задача — требовалось освободить наши территории от зацепившихся перебежчиков, которые служили во время войны фашизму и не отстали от намерения продолжать свое вредительство. Появилось даже такое общее понятие — коллаборационизм, то есть добровольная служба в интересах врага.

В Кенигсберге коллаборационистам противостоял 122-й гвардейский бомбардировочный авиационный Гомельский Краснознаменный ордена Суворова полк, выполняя боевые задачи по ликвидации остатков группировок так называемой Русской освободительной армии (РОА). 17 июня 1945 года экипаж летчика Изосима Николаева получил задание — перегнать самолет Пе-2 с авиазавода Казани для пополнения самолетного парка полка в Кенигсберге.

Полет проходил нормально, экипаж произвел две промежуточные посадки на маршруте для дозаправки и технического обслуживания самолета. В районе поселка Ижевское Спасского района Рязанской области произошел сбой топливной системы. У самолета отказали оба двигателя. Машина загорелась в воздухе. Высота полета позволяла летчикам спрыгнуть с парашютом и сохранить свои жизни. Однако в нарушение инструкции перелета один из членов экипажа парашюта не имел. Ситуация требовала немедленного реагирования, и командир Николаев принял решение садиться на воду — под крылом самолета показалось озеро Ижевское.

Боевой экипаж, за плечами которого накоплен опыт приземлений на поврежденных машинах, отказался покинуть самолет. Штурману Балалину не раз приходилось совершать посадку самолета с неработающими двигателями. Радист успел выдать в эфир сигналы бедствия. Земля, а точнее вода, приближалась стремительно.

За горящим самолетом с земли наблюдали очевидцы. В тот день на базарной площади, неподалеку от озера, было полно народу. Рев самолета привлек людское внимание. Он летел с северо-запада по направлению к озеру. Затем со страшным ударом Пе-2 упал в воду.

Троих вытащили на берег сразу, через некоторое время удалось найти четвертого. Все они погибли. Два дня тела летчиков лежали в городском морге до приезда военной комиссии. Похоронили экипаж на центральном кладбище. Как водилось в ту пору, памятники представляли собой деревянные пирамидки, а фамилии на табличке были написаны краской, которая со временем выгорела, да и сама табличка вообще рассыпалась. На долгие десятилетия ушли в тень имена героев войны.

2013 год... Только теперь удалось обнародовать имена погибших в том полете. Это были летчик **Николаев Изосим Николаевич**, гвардии старший лейтенант, командир звена; родился в 1919 году в деревне

Гудзырево Ярославской области; штурман **Балалин Роман Михайлович**, гвардии старший лейтенант, штурман звена, 1919 года рождения, уроженец станции Кутейниково Амбросимовского района Сталинской области; старший авиационный механик **Гейшелев Леонид Михайлович**, гвардии старшина, 1915 года рождения, родился в деревне Городищево Быховского района Могилёвской области. Фамилия четвертого летчика, стрелка-радиста, до сих пор не известна.

Появлению этих данных предшествовала целая цепочка расследования. В 2000 году добровольный поисковый отряд Ижевской школы заинтересовался безымянным воинским захоронением в родном поселке, но установить имена погибших не удалось. Проект ОБД «Мемориал» еще не был запущен в пользование, а многочисленные обращения в различные ведомства успехов не приносили: архив больницы, где были составлены акты о смерти летчиков, сгорел. Поиски каких-либо документов не принесли результата при повторной попытке в 2010 году. И все же летчикам было поставлено гранитное надгробие. А как же фамилии? Фамилии, подходящие по дате катастрофы, были взяты из Книги Памяти Рязанской области, составленной еще в 1993 году. Волей случая совпали две фамилии. Они принадлежат двум летчикам из погибшего в июне 1945 года при выполнении боевого задания экипажа — Николаеву и Гейшелеву. Как выяснилось, фамилия второго летчика написана с ошибкой.

«О самой катастрофе в семье ничего не известно, — позже рассказывал Алексей Сергутин, племянник летчика Николаева. — Мать получила извещение о смерти сына из райотдела НКВД за подписью капитана госбезопасности Кузнецова, но из воинской части документов не поступало». Алексей мечтает поставить новый памятник защитникам Родины с достоверными фамилиями. Фамилия штурмана Р.М. Балалина осталась не указанной. Хотя по логике событий нельзя отрицать, что его прах покоится в этой же братской могиле — это сегодня доказывают архивные документы. Наверное, этому захоронению должны придать статус воинского. А главное, еще предстоит разыскать родственников всех членов экипажа. Без сомнений, нужно заняться работой по подъему затонувшего самолета.

Разыскать племянника Изосима Николаева удалось в июле 2015 года новгородскому поисковику Александру Кисляку. Неутомимый труженик по поиску и воскрешению забытых имен, Александр создает Бессмертный полк своего деда, служившего в 119-м бомбардировочном полку. Найдено более 360 сослуживцев. В их ряду всплыло имя летчика Хохлова, ранее летавшего в одном экипаже со штурманом Балалиным в 122-м бомбардировочном полку. Это подтвердили документы ЦАМО.

Восстанавливать имена погибших защитников Отечества — дело нелегкое. Это работа кропотливая, требующая определенных знаний, внимания, логики, терпения, настойчивости и многих других качеств.

И очень нужна удача! Так и получилось у Александра. Молодой человек работал с архивами, он отправил запросы в музей Циолковского, что в поселке Ижевском, собрал воспоминания очевидцев катастрофы. Теперь нынешнему поколению будут известны факты из военной биографии членов экипажа Пе-2.

Трудно в наше мирное время представить себе риски, опасности и лишения, что испытывали воины. Прочитав наградные листы членов экипажа, невозможно не поразиться их мужеству, стойкости и героизму.

С первого дня войны оказался на фронте старшина Леонид Гейшелев, показывая образцы трудового героизма. В тяжелые дни немецкого наступления на Москву возникла необходимость быстро эвакуировать самолет Пе-2, совершивший вынужденную посадку без шасси в районе Подольска. Леонид образцово выполнил задачу: самолет был разобран и эвакуирован в течение двух суток в полевых условиях суровой зимы. Он показал рекордное время по скоростной замене моторов — 5 часов 50 минут. Первой наградой механика стала медаль «За оборону Москвы». Затем пришла вторая — «За боевые заслуги». Механик обеспечил товарищам 117 боевых вылетов без единого отказа техники, восстановил 53 самолета. Наконец, его труд был отмечен орденом Красной Звезды — за обеспечение 258 вылетов, из них — 160 боевых. Леониду Гейшелеву было лишь 30 лет.

Летчик Изосим Николаев до войны окончил курсы ОСОАВИАХИМа, затем Балашовскую военную авиационную школу. Воевать начал с 21 августа 1943 года. 24 июня 1944 года был ранен и горел в самолете. Получил ожоги 3 степени. С красными послеожоговыми рубцами приезжал на побывку домой — таким родные его видели в последний раз. Он водил на боевые задания звено самолетов в составе группы. Произвел 25 успешных боевых вылетов днем, общим налетом 44 часа. Успешность бомбометаний подтверждена фотоснимками, донесениями наблюдателей наземных войск и летавших экипажей. В составе группы бомбардировал артиллерийские минометные батареи противника в населенных пунктах Германии, Восточной Пруссии и Кенигсберге. Несмотря на сильное противодействие немецкой зенитной артиллерии, ему удавалось показать образцы меткости: будь то скопление войск и техники или схватка с двумя десятками вражеских истребителей. Храбрый летчик был награжден орденом Красного Знамени. Его жизнь оборвалась в 26 лет.

Штурман Роман Балалин был смелым и грамотным летным наблюдателем. Неустанно бомбил вражеские артиллерийские батареи в Бранденбурге и на других позициях. Произвел 54 успешных боевых вылета. Когда в пункте Кальхолц группа наших бомбардировщиков была атакована двадцатью «мессершмиттами» и одним «фокке-вульфом», уже раненный в правую руку и в ногу Роман Балалин лично сбил «фокке-

вульф». В совершенстве владея штурманским делом, привел самолет точно на свой аэродром. На одном моторе он пролетел свыше 120 км и произвел посадку. Среди наград — ордена Красного Знамени и Отечественной войны I степени. Штурману было 26 лет.

Одной из загадок остается участие в полете механика Гейшелева. Согласно архивным документам, в списке безвозвратных потерь значатся только 2 человека, погибших в авиакатастрофе 17 июня 1945 года — Николаев и Балалин. Из другого документа всплывает одна фамилия Гейшелева. Судьба четвертого члена экипажа, радиста, пока не ясна. Существует рабочая версия, что механик Гейшелев был в самолете в качестве пассажира, но ее пока невозможно принять за основу из-за недоказанности факта. Также не доказана причастность к экипажу со стороны старшего лейтенанта А.В. Петрова и рядового И.М. Корниенко, чьи фамилии увековечены на памятнике. Военское звание «рядовой» выбивается из званий экипажа. Расследование этой авиакатастрофы продолжается.

Подобных примеров неточного увековечения имен погибших встречается множество, об одном из них рассказывалось в журнале «Проталина» (№ 2–3 за 2009 г.) в материале «Живыми им не вернуться». Через год после выхода той публикации на могиле летчиков появился новый памятник с уточненными именами героев. Об этом «Проталина» рассказала в № 3–4 за 2014 год в материале «Эхо наших публикаций».

Хочется надеяться, что и эта очередная публикация поможет автору связаться с родственниками экипажа Пе-2.

Так почему прервался их полет в мирном небе? Почему шанс на спасение коварно обернулся для экипажа трагедией? Как выяснилось, на летной карте не был обозначен мост через озеро Ижевское. Самолет врезался в сваи и мгновенно затонул.

На снимках:

1. Фрагмент карты
2. Извещение жене Леонида Гейшелева

1

122
гв. бомбар. авиацион.
полк в краевом
гв. Сухоп. полк

69166
СЕКРЕТНО. КОПИЯ.
Экз. №
Могилевскому РАЙОННОМУ / ГОРОДСКОМУ /
ВОЕННОМУ КОМИССАРУ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ.

ИЗВЕЩЕНИЕ.

Прошу известить гр. Гейшневу Евдокию
Андрееву....., прожив. в Могилеве р. Бородинский
о том, что ее /его/..... муж, мех. авиацион. ст. гв. ст.
Гейшнев Леонид Михайлович погиб во время боя на фронте.....
"17".....1945 г. и похоронен.....

Н.п. КОМАНДИР ЧАСТИ.
Н.в. НАЧАЛЬНИК ШТАБА.

С подлинным верно:

НАЧ. ОО. МОГИЛЕВСКОГО РАЙОНА
МАJOR А/С

/ВОЗРОВСКИЙ/

2

1

2

г. НАСТРОМА ПОДЛИНОВАЯ УЛИЦА ДОМ 17 КВ. 6.

НИКОЛАЕВОЙ ЕВДАКИИ АЛЕКСАНДРОВНОЙ.

УВАЖАЕМАЯ ЕВДАКИЯ АЛЕКСАНДРОВНА.

Ваш сын НИКОЛАЕВ ИГОСИА НИКОЛАЕВИЧ с 1919г. рожд. трагически погиб при использовании служебных обязанностей при воздушной катастрофе 17 Июня 1945 года, в 7 часов 30 минут утра в с. Ижевском, того-же района, Рязанской области и 19/VI-45 года похоронен на центральной кладбище с. Ижевском.

Самолет загорелся в воздухе, упал в озеро и разбился.

НАЧАЛЬНИК ИЖЕВСКОГО РО НКВД ПО РО
КАПИТАН ГОС. БЕЗ.
/КУЗНЕЦОВ/

17.06.1945
№ 652
ИЖЕВСКОЕ

3

На снимках:

1. Летчик Изосим Николаев
2. Изосим Николаев с сослуживцем
3. Извещение родителям Изосима Николаева
4. Могила летчиков
5. Памятник экипажу в селе Ижевское

александр копырин

два цвета памяти

Александр Копырин родился в 1956 году в городе Свердловске. Дальше (выдержка из его письма в редакцию): «Стандартная биография советского человека — школа, студенчество, военная служба матросом на Тихоокеанском флоте, производство, жена, дети и... уже пенсионер».

Живет он сейчас в Асбесте. Активно занимается поисковой работой, член краеведческих обществ в Асбесте и поселке Рефтинском, член Уральского историкородословного общества.

Он трудится на комбинате «Ураласбест» в должности заместителя главного маркшейдера. Рассказывая о себе, признается, что «много двигается», питает большую страсть к пешеходным маршрутам по окрестностям в поисках артефактов, имеющих отношение к «истории города, района и сопредельных территорий», а все свои наблюдения берет на карандаш и на фото пленку. Он написал книгу о своем городе.

На страницах «Проталины» Александр Копырин продолжает делиться своими воспоминаниями.

черный оттиск истории

Наверное, давно ни для кого не секрет, что на территории города Асбеста Свердловской области во время войны и после находились военнопленные стран-участниц, воевавших на стороне фашистской Германии. В тот период в нашем городе их называли проще — «пленные немцы».

Лагеря для них находились как в городской черте, так и в пригородных поселках, и на отдаленных лесных участках.

Опираясь на опубликованные в официальной печати данные, можно сказать, что в уральской земле осталась седьмая часть всех военнопленных.

Пленные были люди разных возрастов. Большинство старших офицеров были уже преклонного возраста. От русского холода не спасали их усиленное питание и медикаменты.

Среди рядового состава также были и пожилые солдаты. Многие из пленных страдали от истощения и от перенесенных ранений.

Как следует из документов, основные причины смерти: туберкулез, воспаление легких, дистрофия. В разных материалах указывается, что кладбища формировались по национальному составу. Но на самом деле, по свидетельству старожилов, выходит, что военнопленные разных национальностей были захоронены на одном погосте. Отдельно были похоронены только офицеры высокого ранга — как немецкие, так и венгерские, и румынские.

Новое поколение со времен начала «перестройки» об этих кладбищах мало что слышало. Перестройка, демократия, новые друзья, открытая Европа, объединенная Германия... Много чего бомбардировало наше сознание в тот период с экранов телевизоров и со страниц центральной прессы. Вспомнили и о кладбищах военнопленных. Иностранные делегации почти всех стран вдруг захотели посетить места захоронения своих граждан. Но тогда кладбища, находившиеся в

ли от Асбеста, фактически перестали существовать. Большая часть была засыпана отвалами при горных разработках.

Кладбище, находившееся в северном карьере, было хорошо известно старожилам. Местонахождение второго кладбища офицерского состава уже фактически потерялось. Но именно оно понадобилось иностранной делегации. По опубликованной в прессе информации, там был захоронен высокий армейский чин немецкой армии дворянского происхождения. Потомки захотели забрать его прах на родину.

Архивные материалы из соответствующего ведомства были привезены в наш город, и специалистам комбината «Ураласбест» было поручено найти местоположение генеральского кладбища. В руках наших специалистов оказался план расположения немецкого кладбища со схемой привязки к дороге, контуру леса и линиям ЛЭП.

Надо сказать, что на период захоронения (50-е годы прошлого века) расположение дорог, да и весь ландшафт местности были совершенно иные. Это немудрено, так как действует крупный горно-обогатительный комбинат. Появились промышленные объекты, новые дороги, как автомобильные, так и железнодорожные, линии электропередач.

К поиску захоронений были привлечены опытные специалисты комбината «Ураласбест» маркшейдеры Сергей Кузнецов и Юрий Воронов. Люди с большим производственным стажем и опытом, они прекрасно разбираются в любых планах, картах и схемах.

Была проанализирована вся имеющаяся на руках информация. Старые карты и схемы прочитаны и обработаны. Их сверили с современными планами и попытались «посадить» на координатную сетку, с которой работает комбинат «Ураласбест».

Все кропотливо проверялось и пересчитывалось не на один раз. Были сделаны планы работ на местности.

Для поиска были использованы новые и совершенные на тот период приборы — светодальномеры (по иронии судьбы, германской фирмы Карл Цейс Йена).

На подготовку ушли два месяца. Район местоположения кладбища был найден быстро, но вот конкретные границы захоронения сначала определить не удавалось.

Помог случай. Вездесущие местные жители, увидев специалистов с приборами, живо заинтересовались, что тут опять будут строить. У населения в этом районе были обширные огороды с картошкой. И любые строительные работы на их территории — бедствие для хозяев.

Узнав о предстоящих делах, жители указали наиболее точно местоположение захоронения. Были определены на местности границы «генеральского кладбища». Прибыли соответствующие комиссии и специалисты.

Из воспоминаний военнопленных, вернувшихся на родину, было известно, что при захоронении офицера высокого ранга в его могилу клали металлическую деталь (болванку) для последующего определения могилы с помощью миноискателя. Вот именно таким образом и нашли эту могилу.

В начале XXI века в Германии вышли книги воспоминаний бывших германских военнопленных, находившихся в лагерях в Асбесте. Конечно, они вспоминают плохие условия содержания, непосильный труд и ужасные сибирские морозы. Есть в книгах и рисунки немецких художников. Некоторые не соответствуют действительности. Одна из иллюстраций изображает 2-ю фабрику как современный завод блочного типа, со стеклянными арочными проемами на крыше. А в то время 2-я фабрика наполовину была деревянной.

На всех рисунках присутствует пыльный отвал — террикон, который и сегодня находится в районе асфальтового завода. Очевидно, это самое яркое впечатление всех военнопленных.

При разговорах с жителями нашего города, которые работали на территории этих лагерей, чувствовалось, что они не хотят вспоминать прошлое. На все вопросы по теме концлагерей отвечали скупой — видимо, советская привычка не распространяться об увиденном и услышанном. Ни один не взялся что-то написать об этом тяжелом времени.

Но вернемся к поиску захоронений. Кроме металлической болванки в могиле офицера, была известна одна деталь. Для ориентировки немцами во время захоронений на одной из берез была сделана глубокая засечка, и ниже был вырезан отпечаток человеческой ладони. Об этом было известно из официальных документов.

По прошествии полувека наши маркшейдеры нашли на березе этот знак. Находка сыграла решающую роль в поиске границ кладбища.

Я хорошо знаком со всеми участниками поиска, который велся в 90-х годах прошлого века. И мне захотелось увидеть этот отпечаток, который мои коллеги называли «черной рукой».

Осенним днем мы отправились на место с одним из участников экспедиции — Юрием Вороновым.

Местоположение «генеральского кладбища» на сегодняшний день известно многим, сюда по-прежнему приезжают иностранные делегации. Бывали здесь и экскурсии до тех пор, пока проезд был свободным, но после того, как на дороге поставили посты охраны, процедура проезда намного осложнилась.

Кладбище находится в лесном массиве, на просеке, где проходит высоковольтная линия электропередач. Оно обнесено металлической оградой, на каменных столбах на территории кладбища поставлены кресты. На них надписи на двух языках — немецком и русском.

На кладбище этот порядок и следы заботы. Посредине — пешеходная дорожка, выложенная каменными плитами.

Но нам-то важно найти ту самую березу с засечкой. Вдвоем с Юрием Зиновьевичем мы медленно движемся по кромке леса, вглядываясь в гущу белых стволов берез. По словам моего проводника, «черная рука» вырезана примерно на высоте человеческого роста. Но так как прошло более двадцати лет от событий по поиску захоронений, сразу знак обнаружить не смогли.

Сначала прошли в восточном направлении, затем вернулись обратно и внимательно все еще раз осмотрели. Наконец, метрах в пятнадцати от кромки леса увидели на белом стволе «черную руку».

Подшли поближе, с минуту постояли и сделали снимок.

По местоположению отметины мы предположили, что отпечаток ладони был вырезан с одной из сторон кладбища. Возможно, были и какие-то и другие ориентиры старого захоронения.

Мы прошли вдоль кромки леса с обеих сторон высоковольной. Напротив углов современных границ кладбища, на деревьях, увидели «оплывшие» затеси.

Дальше вдоль кромки леса, за границей кладбища, затесок на деревьях больше не встретилось. Из этого

можно сделать заключение, что затески имеют отношение к границам старого захоронения.

Время идет, сменяются эпохи, политические режимы, вырастают новые поколения, на дворе XXI век. А в наших русских лесах на белоствольной березке остался отпечаток далекого прошлого, которое нельзя забыть и которое никогда не должно повториться.

алые гвоздики на бронзовом кране

Они шли непокоренными, непобежденными, но воздано им незаслуженно мало, и забвение порой стирает даты, имена и события. А ведь надо их помнить!

Мне повезло. У меня, к счастью, сохранилась живая память об одном человеке, моей родственнице, которая была участницей войны, и я даже знаю, где она воевала, и всегда могу там побывать...

В то время, когда можно было без раздумий съездить в любую сторону России, и это не разоряло до-

машинный бюджет, я решил съездить в Ленинград. Поездка туда стоила мне десятой части моей зарплаты.

Я находился дома в прекрасном расположении духа, помню, догуливал отпуск после Ленинграда. К нам в гости пришла наша родственница тетя Лена. Знал я ее с раннего детства, она часто бывала в нашем доме во время праздников, когда собиралась вся наша родня. Тетя Лена всегда была жизнерадостная, энергичная и громкоголосая и задавала тон нашему застолью.

Это была крупная женщина с короткой стрижкой и простым русским лицом. Ходила она всегда широким шагом, высоко подняв голову, расправив плечи, как сейчас принято говорить, с выправкой кадрового военного. Разговаривала громко, потому что была глуховата.

И неудивительно, тетя Лена — Ульяна Меркурьевна Бабинович, участник Великой Отечественной войны, защитник блокадного Ленинграда, служила тогда матросом Балтийского флота.

Что тетя Лена была матросом, я услышал еще в раннем детстве. Но не мог толком понять, что это значит. По телевизору все время показывали фильмы о войне, особенно запомнились «Судьба человека» и «Живые и мертвые». В кино пацаны узнавали очень многое о войне. Но о женщине-матросе фильмов я не видел.

Прошло много лет. И я сам уже служил матросом, правда, на Тихоокеанском флоте. И вот в свои отпускные дни, посредине недели я, находясь дома, с удовольствием отдыхал.

Увидев меня дома в рабочий день, тетя Лена удивилась:

— Ты что, не работаешь?

— Я в отпуске.

— А что сидишь? Съездил бы куда-нибудь отдохнуть.

— Я только что приехал из Ленинграда.

— Из Ленинграда? — удивилась она. Ее как током ударило. Она внешне мгновенно изменилась. Глаза сразу загорелись.

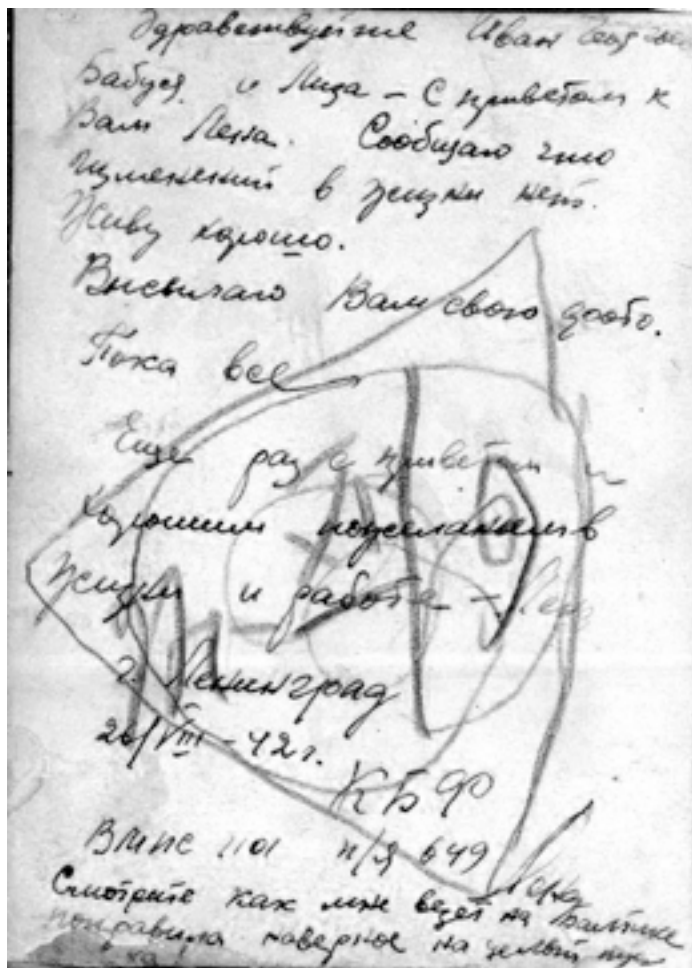
— Да, — ответил я, улыбаясь.

— Ты в Военно-морском музее был? — громогласно спросила она.

Я только год назад пришел с военной службы и, приехав в Ленинград, не мог не посетить музей ВМФ в первую очередь (а еще Эрмитаж, Русский музей, Петропавловку... да просто пройтись по старинным улицам Ленинграда).

— А в мужском туалете был? — тетя Лена уже очень строго уставилась на меня.

Я был поражен этим странным вопросом. И тут вспомнил, как один из моих близких инструктировал меня на будущий поход в музей ВМФ и сказал,

что там отличный буфет и не менее отличный туалет. Отправляясь первый раз в отпуск в Ленинград, я ехал не вслепую.

Стоит рассказать о моем «проводнике». Каждый год он ездил в какой-нибудь город отдохнуть и объездил уже всю страну. Он четко знал расписание поездов и автобусов, время работы магазинов, камер хранения и имел много всякой полезной информации, которая помогала «дикарям» (так в то время называли туристов без путевок) свободно ориентироваться в чужом городе. Этот мой «проводник» и рассказал мне, как можно с пользой провести время в Ленинграде. Сутра — музей, после обеда — магазины (в те годы при дефиците товаров в провинции это было необходимо), вечером — театр. Рассказал, где что продают... как попасть в музей в Петродворце (в то время он был на реставрации, и туда ходили только иностранцы группами). Во время групповых экскурсий тогда дополнительно продавали 5–10 билетов. Вот так мы попали с иностранцами в Петродворец.

Этот же мой родственник рассказал мне, что в музее ВМФ, как и в Русском музее, есть прекрасный буфет. Утром там можно хорошо покушать, немного посидеть, отдохнуть и уже на сытый желудок спокойно пройти по залам музея. Естественно, рассказал и про туалет...

И вот я ошарашен вопросом тети Лены:

— А в мужском туалете был?

— Да, был, — ответил я, все еще не понимая, куда она клонит.

— Там стенки выложены синей кафельной плиткой с корабликами.

Да, действительно, на кафельной плитке было изображение синих парусников.

— Да, — подтвердил я, — видел.

Тетя Лена продолжала:

— Справа на стене старинные водопроводные краны в виде птичьих голов.

Я мыл там руки и обратил на них внимание. Они были из бронзы или меди и слегка тусклого цвета, а у нас на флоте все медяшки блестели.

Я кивнул, видел, мол.

— Третий кран справа от дверей — здесь был установлен мой радиопередатчик! — громко пояснила тетя Лена и рубанула воздух рукой.

Мы до вечера проговорили с ней о войне, о Ленинграде, о блокаде. О боевых подругах и сослуживцах, живущих в городе на Неве.

Она рассказала, как они по двое возили на санках трупы на Пискаревку, как обходили полуразрушенные дома в поисках людей, живых или мертвых. Как после бомбежки расчищали проезды и как патрулировали ночные улицы Ленинграда.

Рассказала она и о том, как сидела на вахте в неотапливаемом мужском туалете со своим передатчиком и жутко простыла. Из-за этого она потеряла слух и была переведена на службу в другое подразделение.

Много чего еще рассказывала тетя Лена. Я узнал и о запахе блокадного хлеба, и вкусе невской воды, и как воют падающие авиационные бомбы, как грохочет разваливающийся дом, в который попала бомба.

Но я запомнил другое. Мужской туалет, кафель с синими корабликами, третий кран справа и радиопередатчик Ульяны Меркурьевны Бабинович.

Каждый раз, когда я бывал в Ленинграде, я заходил в музей ВМФ, в мужской туалет, и на третий кран справа крепил три алые гвоздики.

Я давно не был в Ленинграде, теперь уже Санкт-Петербурге. Но если придется еще побывать, я вновь зайду в музей ВМФ, в мужской туалет, и на третий кран справа повешу теперь уже четыре гвоздики... Моей тети Лены уже нет в живых, как и многих ее боевых подруг.

ЛЕОНИД КУЗВЕСОВ

лишь бы крест удержать

Леонид Кузвесов живет в Екатеринбурге, занимается иконописью, он прихожанин храма Успения Божией Матери на Эльмаше.

В его рассказах-воспоминаниях встает образ человека активного, пытливого, пытающегося в любых ситуациях самостоятельно найти нужное и честное решение. По его словам, после 50 лет он проникся православной верой.

Родился Леонид Иванович 20 июля 1938 года в деревне Крылосово Первоуральского района. Детство прошло в типичной обстановке тяжелых лет, как у тысяч мальчишек. Окончил Свердловский автодорожный техникум (техник-строитель автодорог), работал в Омске по специальности. Отслужил в армии. Работал оператором радиолокационной станции на острове Сахалин. За 32 года на Уралмашзаводе он прошел путь от простого электрика до главного энергетика цеха. Параллельно с работой был «вечерником», получил высшее образование. С юности многим увлекался — и рыбалкой, и бильярдом, позже — садом, а потом пришел к увлечению иконописью. Пишет биографическую прозу.

Александр Лузенин (фото)

путь в бумажном терновнике

Поиск отца

С годами все чаще вспоминаешь детство и юность. Они совпали с годами Великой Отечественной войны и послевоенной порой.

Хорошо помню, как моего отца отправляли на войну. У конторы стояли грузовые машины, в которые садились взрослые. Я очень хотел уехать с ними, но меня не взяли, и я долго плакал. Машины ушли, а меня сестра повела домой.

Помню, что в бараке, где мы жили, не было электричества, и вечерами мы сидели с керосиновой лампой. Я боялся выходить в коридор, там было темно и страшно. Временами было слышно, как в соседних комнатах сильно плакали женщины, видно, приходила очередная похоронка.

Мы очень долго не получали никаких известий от отца. Мать несколько раз посылала запросы в военкомат о месте нахождения отца, но ответ был один и тот же: «Сведений о местонахождении Кузвесова И.В. в настоящее время не имеется». В конце 1943 года пришло первое письмо от отца. Он сообщал, что был в плену и расскажет обо всем, когда вернется домой. Изредка мы стали получать весточки от него. В конце 1944 года сестра написала отцу, и я тоже добавил несколько слов, обвел свою ладошку карандашом на листе, а мать положила нитку в размер моего роста в конверт. Отец ответил, что очень был рад этому письму.

В феврале 1945 года в нашу семью пришло горе, принесли похоронку на отца. Я его образ плохо запомнил, так как был мал, но я знал, что у меня есть отец, и я его ждал. Теперь его никогда не будет, и нет того, кого бы я мог назвать родным словом «папа».

Через несколько месяцев после горького известия от отца неожиданно пришла посылка. Вернулась надежда, что он все-таки жив, но из письма, вложенно-

го в посылку, мы узнали, что она была отправлена еще до гибели.

Прошли годы, многое уже забылось. Но вот сейчас, когда подбирается старость, невольно эти воспоминания всплывают, становятся близкими. Возможно, для кого-то они не интересны, но мне хочется ими поделиться.

Расскажу, как я восстанавливал эту дорогую мне память.

Наступил уже 2005 год, год 60-летия Победы над фашистской Германией. Думаю, хорошо бы собрать в День Победы всю свою семью и рассказать об отце, об Иване-воине, честно голову свою сложившем на поле брани. Показать документы и фотографии.

Помню с детских лет, что у нас дома были фотографии в рамках на стене. Были письма с фронта и другие документы довоенных лет. После смерти матери все эти бумаги достались моей старшей сестре Анне Ивановне. Увы, но и Анны Ивановны уже нет в живых. Значит, надо искать у ее мужа Николая Андреевича и сына Валерия.

У Валеры нашел несколько фотографий, но документов у него не оказалось. Ходил туда еще несколько раз, перебирал старые бумаги, но ничего не нашел. Повезло только на четвертый раз — нашел целый «клад»: копии извещений о смерти, два письма с фронта, старые характеристики и многое другое.

Когда я все тщательно рассмотрел, изучил, то возникло много вопросов. Как узнать точную дату рождения отца? Как, имея извещение о его смерти, найти дату и место его гибели в книге Памяти?

Пишу запрос в ЗАГС поселка Октябрьский Пермской области по месту рождения отца, чтобы сообщили точную дату. Получаю ответ, что запись акта о рождении на Кузвесова И.В., 1911 года рождения, уроженца деревни Шатунова, в архиве ЗАГСа Пермской области отсутствует.

Отправляюсь в нашу главную Областную библиотеку имени Белинского. Там оказалась целая полка книг Памяти о погибших во время этой войны. Записи о гибели Кузвесова Ивана Васильевича нет. Нет и в книге по Первоуральскому району, откуда он был призван, нет и в других книгах.

С фамилией Кузвесов нашел пять человек, они уроженцы Пермской области. Сотрудники библиотеки помогли мне, дали два адреса, куда можно обратиться. Это Центральный государственный архив Советской Армии и Центр хранения историко-документальных коллекций. Пишу туда. Жду ответы. Через некоторое время нахожу адрес главного архива: Московская область, город Подольск, улица Кирова, 74, 142100, Архив ЦАМО РФ. 5 мая 2005 года пишу туда. Ждать, сказали, надо не менее года.

Рассказ об Иване-воине в этом году не состоится. Ответ пришел 17 ноября следующего года. Пока ждал его, решил съездить в Первоуральский райвоенкомат,

место призыва, вручил им свое письмо-запрос. Через полмесяца получаю ответ:

«Кузвцов, не Кузвесов, Иван Васильевич, младший начальствующий состав, сержант, призван 23 июля 1941 года и направлен в распоряжение 28 запасного стрелкового полка города Свердловска. Кузвцов И.В., член ВЛКСМ, принял присягу в в/ч 5283 24.06.39. В книгу Памяти внесен Кузнецов, не Кузвцов, Иван Васильевич, 1911 года рождения, призван в 1941 году, погиб 20 февраля 1945 года. Учитывая дату призыва, состав по призыву, дату гибели, возможно, что Кузвцов Иван Васильевич и Кузнецов Иван Васильевич — это одно лицо. Для наведения справки на Вашего погибшего отца — Кузвесова Ивана Васильевича, необходимо обратиться в военный комиссариат по месту жительства и на основании указанных выше данных оформить анкету-запрос о розыске в Центральный Архив МО РФ города Подольск Московской области».

Пишу второе письмо-запрос в Центральный архив. Посылаю копии. Первая — с ответа из Первоуральского райвоенкомата, вторая — извещение о смерти, третья — о награждении медалью «За отвагу». Письмо отправляю 28 июля 2005 года. Жду ответ.

Приходит ответ из Подольска на первое письмо:

«Кузвесов Иван Васильевич не значится. Имеются данные о Кузвцове И.В., подобные данным из Первоуральского райвоенкомата».

Значит, надо ждать второго ответа.

Ответили из Первоуральска. Сообщалось, что, возможно, имеются данные в Государственном архиве административных органов Свердловской области, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 34.

Еду по этому адресу с очередным своим письмом. Официально мне ответили через десять дней. Они повторили ответ Первоуральского райвоенкомата. Добавили, что в книгу Памяти Кузвесов И.В. не внесен. А ведь с этого я и начал свой поиск!

2 октября 2007 года получаю ответ на свое второе письмо из Подольска. Нашли Кузвесова Ивана Васильевича, но с 1922 года рождения, и мать у него Прасковья Ивановна; пропал без вести в октябре 1942 года. Явно это не мой отец. В ответе снова звучит информация и о Кузвцове И.В., о котором было сказано в первом письме. И дальше написано, что в книге учета рядового и сержантского состава 1093-го стрелкового полка 324-й стрелковой дивизии за 1944—1945 годы значится:

«Сержант Кузвцов Иван Васильевич, 1911 года рождения, прибыл 14 марта 1944 года, откуда не указано; протокол № 15 от 14 марта 1944 года, погиб 20 февраля 1945 года; жена Кузвцова Анастасия Федоровна.

В картотеках учета офицерского состава, учета безвозвратных потерь офицерского состава Кузнецов «Кузвесов» Иван Васильевич не значится.

Если вышеуказанные данные относятся к разыскиваемому лицу, то внести изменения в учетные данные отдела можно на основании ксерокопии свидетельства о рождении и браке».

Где взять эти два документа? Запись акта о рождении отца в архиве ЗАГСа Пермской области отсутствует. В другом ответе на мой запрос пишут, что по Октябрьскому отделу ЗАГСа записи о венчании на Кузвесова Ивана Васильевича и Власову Анастасию Федоровну в 1929—1931 годах в селении Богородск нет.

Кажется, что и у меня в поиске выхода нет. Но не сдаюсь.

Еду в ЗАГС Первоуральского района. Без задержек и с радостью получаю копию документа о заключении брака. Справка о заключении брака № 3: Кузвесов И.В. и Власова А.Ф. заключили брак 25.11.1938 года.

Посылаю копии ответов из ЗАГСов в Центральный архив ЦАМО РФ Подольска. Жду год!

Приходит ответ 22 февраля 2008 года:

«Сообщаем, что на основании представленной Вами справки о заключении брака № 3, выданной 24.01.07 года, внесены изменения в учетные данные отдела, а именно — изменена фамилия учтенного и его жены.

Данными о пленении, нахождении разыскиваемого в плену, не располагаем.

Сообщаем, что в картотеке учета награжденных Кузвесов Иван Васильевич, 1911 года рождения, не значится».

Передаю копию этого письма в Горвоенкомат Екатеринбург в отдел книги Памяти. Мне обещают внести уточнения и напечатать в очередном томе книги Памяти к 65-летию Победы.

В конце апреля 2010 года мне вручили 19-й том книги Памяти, в котором на 17-й странице напечатано:

«Кузвесов Иван Васильевич, рядовой, 1911 г.р., призван в 1941 г. Первоуральским РВК, погиб 20 февраля 1945 г., захоронен в д. Шлепштайн, г. Пененжно Эльблонгского воеводства, Польша».

Итак, Кузвесов Иван Васильевич, 1911 года рождения, после многих метаморфоз с его фамилией вновь стал Кузвесовым Иваном Васильевичем.

9 мая 2010 года я собрал своих родных и наконец-то рассказал им об отце. Мой рассказ соединил в себе воспоминания матери, знакомых и, что ценно, в руках моих теперь были документы и фотографии.

Точную дату рождения отца установить тогда не удалось. Известно было, что родился он в крепкой крестьянской семье. Окончил сельскую приходскую школу. Помогал отцу по хозяйству. Женился на девице

Иван Васильевич Кузвесов. 1933

Власовой Анастасии Федоровне из соседней деревни. Надо бы жить да радоваться, но пришли лихие времена. Вскоре они вынуждены были уехать из родного дома в Свердловскую область на строительство Крыловского известкового завода. Отец был человеком грамотным по тем временам и общительным. Его направили на курсы мастеров по обжигу извести. Когда завод пустили в строй, он был назначен сменным мастером печного цеха. Учился на заочном отделении Московского строительного техникума. Активно участвовал в общественной жизни завода. Занимался в стрелковой секции, был ворошиловским стрелком. Работал завклубом.

Несколько раз призывался он на военные сборы. В 1939 году он принял присягу, был принят в члены ВЛКСМ. В 1940 году ему было присвоено звание «младший начальствующий состав», сержант. А 23 июля 1941 года он был призван Первоуральским райвоенкоматом и направлен в распоряжение 28-го запасного стрелкового полка в Свердловск. Этот полк был сформирован в городе Камышлове и вошел в состав 324-й стрелковой дивизии как 1093-й стрелковый полк. 324-я стрелковая дивизия была сформирована 23 октября 1941 года на территории

Чувашии в Чебоксарах. В ноябре 1941 года была направлена на фронт. 6 декабря 1941 года эта дивизия приняла первый бой.

Подробнее об эпизодах боевого пути той самой 324-й Верхнеднепровской Краснознаменной стрелковой дивизии нам удалось узнать из книги авторов Н. Радаева и П. Моглова «От Чебоксар до Кенигсберга». Вот некоторые выдержки из этой книги:

«Дивизия сформировалась с 5 сентября по 23 октября в 1941 году на территории Чувашии в Чебоксарах, состав при формировании был 11636 человек. В действующей армии дивизия с 1 декабря 1941-го по 9 мая 1945-го.

В конце ноября 1941-го отправлена на фронт. 1 декабря 1941-го дивизия разгрузилась и сосредоточилась в районе железнодорожной станции Шилово. Маршем прибыла на передовую 3 декабря 1941-го. В ночь на 6 декабря 1941-го дивизия заняла исходное положение в семи километрах юго-восточнее города Михайлов Рязанской области. 6 декабря 1941-го приняла первый бой за село Печерниковские Выселки, недалеко от города Михайлов. В ходе наступления способствовала освобождению города с частями 330-й стрелковой дивизии, продолжила наступление в общем направлении на Елифань-Богородицк. Рано утром 15 декабря 1941 года дивизия освободила Богородицк, продолжила наступление на Ржаву-Сумароково-Сонино, 20 декабря 1941-го вышла к Оке, форсировала ее в районе Сныхово-Бережное, севернее города Белева, и начала продвигаться к Козельску. В ночь с 25 на 26 декабря 1941-го двумя полками заняла окраину этого города, взаимодействуя с частями 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, освободила его. К 30 декабря 1941-го дивизия подошла к Сухиничам, окружила город и вязалась, при поддержке 486-го артиллерийского полка, в бои с окруженной группировкой, которые потом вела в течение месяца. С 10 по 11 января 1942-го вражеским войскам удалось пробить коридор к окруженной группировке. Только 29 января 1942-го дивизия заняла оставленный вражескими войсками город. В феврале 1942-го в дивизию влиты остатки 127-го и 128-го лыжных батальонов. В ходе операции части дивизии за 25 суток продвинулись на запад на расстояние до 350 километров, освободив при этом более 300 населенных пунктов Рязанской, Тульской и Смоленской областей. Дивизия принимала участие в освобождении Кимовского, Щекинского, Одоевского, Белевского районов Тульской области. Только за январь-март 1942 года дивизия потеряла убитыми и пропавшими без вести 5710 человек!..

В конце января 1942 года бои носили особенно ожесточенный характер. 3-й стрелковый батальон 1093-го полка с остатками 1-го стрелкового батальона 1095-го полка и двумя танками под сильным огнем противника вели бои за деревню Николаево, половина которой к десяти часам утра была нами

занята. Противник стремился всеми средствами полностью овладеть деревней и направил из Понково две роты пехоты. Завязался жестокий бой. Ценой больших потерь противнику удалось окружить 3-й стрелковый батальон 1093-го полка и 1-й стрелковый батальон 1095-го полка».

Возможно, в это окружение и попал отец. Писем от него не было до конца 1943 года. На наши запросы о его местонахождении приходил один ответ — сведений в настоящее время не имеется, в списках убитых, умерших от ран и пропавших без вести не значится. Свое первое письмо, очевидно, отец послал сразу же после освобождения из плена, в нем он писал, что когда придет, все расскажет. Но он не вернулся. Можно предположить, что он попал в плен в начале 1942 года. Дивизия тогда, в январе-марте 1942-го, убитыми и пропавшими без вести потеряла 5710 человек. Возможно, он находился в концентрационном лагере около города Витебска и в конце 1943 года был освобожден. Потом прошел проверку, «чистку» и 14 марта 1944 года прибыл в полк для дальнейшего прохождения службы. Из письма Центрального архива от 2 октября 2007 года: «Сержант Кузвицов Иван Васильевич, 1911 года рождения прибыл 14.03.44, погиб 20.02.45 г., жена: Кузвицова Анастасия Федоровна».

Вот еще выдержки из книги Н. Радаева и П. Моглова «От Чебоксар до Кенигсберга». Путь следования отца по дорогам войны можно проследить по пути 324-й стрелковой дивизии:

«С декабря 1943 года по июнь 1944 года дивизия держала оборону в верхнем течении Днепра. 27 июня 1944-го, перейдя в наступление в ходе Белорусской операции, дивизия успешно форсировала Днепр. В течение июля-августа 1944-го наступала по территории Белоруссии, участвовала в уничтожении минской группировки врага.

С начала июля 1944-го стала наступать из района Новогрудок. 20 июля 1944-го части дивизии перешли реку Неман севернее Гродно, захватили плацдарм и удерживали его в течение трех дней, отражая ожесточенные атаки врага. 13 августа 1944 года дивизия вышла к реке Нарев, к крепости Осовец, а 14 августа 1944-го штурмом, вместе с другими частями, овладела ей.

С января 1945 года дивизия участвует в Восточно-Прусской операции, наступает с рубежа реки Бобр, через Мазурские озера. 24 января 1945-го овладевает Нойендорф, 27 января 1945-го принимает участие во взятии Миколайки.

С конца января 1945 года участвует в уничтожении хейльсбергской группировки противника.

За месяц боев, на подступах к городу Зеефельду, с 5 февраля по 5 марта, дивизия уничтожила до 1900 и пленила 380 немецких солдат и офицеров».

В 1944—1945 годах отец писал нам письма. Вот содержание одного из двух чудом сохранившихся писем:

«Здравствуйте многоуважаемая семья: Надя, Леня, Аня.

Шлю я вам свой боевой привет и массу наилучших пожеланий. Письмо я ваше получил уже давно, но, простите, в то время не мог ответить, не было времени.

Ты спрашиваешь и говоришь насчет учения Ньюры. Смотри, тебе виднее. Учить, конечно, надо, но если нет никакой возможности на это, то что же поделаешь. Но, в смысле того, что тебе люди завидуют о том, что я жив. Но, ведь это судьба, помереть всегда не поздно. Но, когда я уходил, то говорил, что жизнь моя не так-то дешева и немцам за нее придется поплатиться. Но, поскольку я пережил все суровые годы войны, а теперь этому близок конец, то уже совсем не хочется помирать. Хотя я много уничтожил немцев, но все же хочется жить. Впрочем, это все ерунда, на днях я задал немцам жизни: за 3 часа уничтожил 50 человек. Это же ведет к приближению окончания войны. Нахожусь близко около того города, какой области Татур. Писать много нечего. Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю. «Окончим победу, к тебе я приеду на горячем боевом коне». Пока все.

Крепко, крепко жму руку и горячо целую.

Твой Ваня.

08.07.1944.

PS. Бумаги мне не присылайте, я теперь достал немецкой».

Сказанное в письме о том, что «за 3 часа уничтожил 50 человек» наводит на мысль, что отец тогда был снайпером. В личных его бумагах, еще в годы моей юности, я обнаружил мишени от мелкокалиберной винтовки с отличными результатами стрельбы. На одной из фотографий отец запечатлен со значком «Ворошиловский стрелок».

После извещения о гибели отца мать написала письмо командиру воинской части, в которой он служил. Просила подтвердить, уточнить факт гибели мужа. Помню, она часто повторяла строку из ответа: «Смерть его была мгновенна»...

Во втором своем письме отец поздравляет Анну Ивановну с днем рождения. Делает отеческое наставление, как будто пишет из соседнего города. Есть только забота о семье и ничего о трудностях войны. Еще сохранились две открытки из разных писем, которые он посвятил мне. Сохранилось и письмо с фронта, присланное братом отца, Георгием Васильевичем, от 19.04.1945 года, — письмо боевого командира, строгое, без соболезнований, скорби и утешений.

Собранные по крупицам сведения об отце позволяют составить его образ. Это был невысокий, крепкий, мужественный, заботливый, веселый че-

Солдат Иван Кузвесов. 1941

ловек. Он любил свою Родину и семью и отдал за них свою жизнь.

Много еще оставалось неясных вопросов в биографии отца, на которые нам хотелось найти ответы. Вот три главных вопроса:

1. Нет точной даты рождения отца.
2. Неизвестен его путь по дорогам войны.
3. Неизвестно точное место захоронения в Польше.

Поиск боевого пути 324-й стрелковой дивизии и 1093-го стрелкового полка, в котором служил отец, продолжил мой сын Дмитрий на сайтах Интернета. Он обнаружил в книге потерь личного состава 324-й стрелковой дивизии список периода с 19 февраля 1945 года по 1 марта 1945 года, в который вошло 125 человек. Под номером 115 числится Кузвесов Иван Васильевич. Место призыва, год рождения, фамилия жены совпадают. Имеется карта захоронения.

Нашел еще список погибших военнослужащих 1093-го стрелкового ордена Александра Невского полка за период с 16 февраля по 21 февраля 1945 года, в котором 28 фамилий. Под номером 8 указан Кузвесов Иван Васильевич.

В извещении о гибели отца указано место захоронения — д. Шлепштайн, Восточная Пруссия, ныне

Семья Ивана Кузвесова. 1941

д. Слуп, район г. Пененжно Эльблонгского воеводства, Польша. В 1951—1957 годах были произведены перезахоронения всех погибших воинов на военное кладбище Советской Армии в Бранево. В 250 общих и 20 индивидуальных могилах похоронено 31336 солдат и офицеров, из них опознано только 3969 человек. Считается, что это самое крупное кладбище советских воинов в Европе.

На запрос о месте захоронения моего отца бургомистр города Пененжно ответил, что в захоронениях городов Пененжно и Бранево солдата по фамилии Кузнецов И.В. не числится. Видимо, не было у него с собой документов при перезахоронении.

Где же он покойся?

Мы с сыном Дмитрием продолжили поиск. О том, что в братской могиле на опушке леса вблизи деревни Слуп было погребено 28 человек, нам стало известно из списка № 107 безвозвратных потерь 324-й стрелковой дивизии (архивы ЦАМО в Обобщенном банке данных «Мемориал»). Позже мы узнали о том, что погибшие под деревней Слуп

были перезахоронены на кладбище в Бранево, об этом нам сообщил польский краевед из Гданьска Войцех Бещински. Просмотрев реестр Браневского мемориала, мы обнаружили имена троих человек, перезахороненных из Слупа, они были однополчанами моего отца (их фамилии есть в списке № 107 безвозвратных потерь). Это позволяет предположить, что все 28 воинов, и среди них мой отец, покоятся на военном кладбище в Бранево.

Официальные польские власти нам по этому поводу никаких комментариев не предоставили. Будем считать, что я нашел ответ на свой третий вопрос. В 2009 году, по моей просьбе, сестра Каролина из польского костела, который находится в Екатеринбурге на улице Гоголя, 9, побывала на мемориале города Пененжно и сфотографировала его. Сказала мне: «Чувствую, что твой отец покоится здесь».

Неожиданно, но закономерно нашлись ответы на два первых вопроса. Я обратился за помощью в музей Дома офицеров Екатеринбурга. При музее имеется архив. В архиве обнаружены следующие данные. В списках личного состава 1093-го стрелкового полка значится Кузнецов Иван Васильевич, 14 июня 1911 года рождения, погиб 20 февраля 1945 года.

Под фамилией Кузнецов отец значится погибшим в письме из Первоуральского райвоенкомата и в книге Памяти, то есть ошибка эта пришла с фронта. Будем считать 14 июня днем рождения отца.

На три главных вопроса, с большим трудом и некоторыми допущениями, мы получили ответы. Поиск продолжается...

дядя егор

Окончилась война с Германией. Победа. Все радовались. И мы, пацаны, со всеми вместе тоже радовались.

Я скакал по коридору барака на невидимом коне и рубил воображаемой шашкой воображаемых врагов. Мама пришила к моей рубашке петлицы, которые остались от отца с довоенных времен. Я чувствовал себя героем и кричал: «Ура! Победа! Я Герой Советского Союза!»

Но постепенно все свыклись с Победой. Мы с ребятами часто ходили к железной дороге, которая была недалеко от нашего барака. Военные составы шли на восток. Мы махали руками солдатам, а они нам. Стали возвращаться фронтовики. Из пятнадцати ушедших на фронт мужчин из нашего барака возвратились трое. Некоторые пропали без вести, но большинство погибли.

Дядя Егор

Наш отец погиб в феврале сорок пятого. После получения похоронки мать написала письмо командиру части. Он сообщил: «Смерть его была мгновенной». Семьи погибших еще надеялись на чудо. Мало ли как бывает на войне. Бывало, приходили домой солдаты после похоронки.

И вот однажды рано утром, когда мать ушла на работу, а мы продолжали еще спать, кто-то постучал к нам в дверь. Сестра встала, пошла и открыла. В комнату вошел военный. Они обнялись. Не помню, как выскочил я из постели, повис на шее у военного и закричал: «Папка пришел! Папка пришел!»

С большим трудом мне растолковали, что это папин брат, дядя Егор. Сестра сбегала за мамой. Собрали на стол. Они все говорили, говорили, вспоминали и плакали. Я сидел с дядей Егором, глядел на его ремни и рассматривал планшечку.

Но встреча была недолгой. Дядя Егор уже собирался на другую войну, на Дальний Восток. На прощание он подарил нам свою фотографию, а мне карманные часы. Большие, блестящие, настоящие часы. Правда, они не ходили, потому что побывали вместе с брюками в «прожарке». Но радости моей не было конца. Иметь настоящие часы, когда и обычных игрушек у нас не было!

Сестра осталась домовничать, а мы трое пошли на станцию. Эта станция была больше нашей, и дядя

Егор надеялся там сесть на свой эшелон. Как я понял, он отпрашивался у командира навестить нас. Их эшелон остановился на полдня на ремонт. Дядя Егор сел на идущий пассажирский поезд и приехал к нам.

Долго мы шли, я всю дорогу держал за руку дядю Егора. Он рассказывал про войну. На станции он спросил дежурного о своем эшелоне. Его еще не было, и мы стали ждать. И вот поезд показался.

Дядя Егор делал машинисту какие-то знаки, чтобы он притормозил. На открытых платформах стояли военные машины и солдаты. Дядя Егор разбежался и хотел схватиться за борт вагона, но что-то не получилось. Он сделал еще попытку, но снова не ухватился. Тогда он разбежался, ему удалось зацепиться, но он не удержался. Дядю сильно рвануло, фуражка слетела с его головы, он едва не упал.

Эшелон ушел. Мы с мамой облегченно вздохнули. Дядя Егор спросил у дежурного, когда идет пассажирский поезд в восточном направлении от нашей станции, и мы пошли домой. В душе я был рад, что дядя Егор не уехал. Хотя это был не мой отец, но мне было приятно быть рядом с ним.

Мы пришли домой, я сильно устал и рано уснул.

Утром, когда я проснулся, дяди Егора уже не было. Через несколько дней он прислал нам письмо, в котором сообщил, что очень быстро догнал свой эшелон, и все у него обошлось хорошо.

Иногда, когда мама искала в сундуке какую-нибудь вещь, я доставал из заветного уголка подаренные мне часы. Открывал заднюю крышку, пробовал их запустить. И мы с мамой вспоминали дядю Егора. Он писал нам очень редко. Мы знали, что он закончил войну, остался служить в армии. Когда дядя вышел в отставку, то поселился с семьей около Одессы.

Однажды моя сестра Анна поехала отдыхать на юг и по пути заглянула в гости к дяде Егору. Все ее очень хорошо приняли. Завязалась переписка.

Прошло более тридцати лет с той памятной встречи. Мне хотелось повидаться с дядей Егором. Теперь мы его уже звали Георгием Васильевичем. Облика отца своего я не помнил. Я думал, что если бы отец остался жив, то он выглядел бы, как Георгий Васильевич. Значит, мне надо увидеть его.

Случай представился. Я купил туристическую путевку «Украина-Молдавия» с посещением Одессы. И встреча состоялась. Да, я увидел, как мог выглядеть мой отец, если бы остался жив.

После этого мы с дядей Егором переписывались. Через несколько лет уже он приехал к нам в гости.

Сейчас дяди Егора нет. Но осталось доброе воспоминание о нем. А часы его долго хранились в мамин сундуке. Этими часами играл и мой сын. От него эти часы «ушли». Но не ушла память о часах, о встрече с дядей Егором.

ленька-футболист

Послевоенная жизнь начала понемногу налаживаться. Восстанавливались старые здания и строились новые. Нужно было много кирпича, цемента и извести. Нашему известковому заводу стали уделять большое внимание. Направили много молодых рабочих: демобилизованных солдат, «вербованных» и прочих вольнонаемных. Подросло поколение ребят нашей деревни. И мы искали, чем бы заняться в свободное от работы время.

Один из демобилизованных был родом из Москвы. До войны он играл в футбол в команде дублеров московского «Динамо». Он заразил футболом нашу молодежь. Организовали команду, сделали поле, поставили ворота, купили форму и мяч. И пошла игра.

Однажды приехала команда из районного центра. На состязание пришли смотреть почти все жители заводского поселка. Команда наша проиграла, но дух игроков повысился. Они целыми вечерами гоняли мяч. А мы, пацаны, большой ватагой стояли за воротами и смотрели. Мы ждали, когда мяч вылетит за линию ворот, и бежали за ним. Счастливчик брал мяч и посылал его в сторону вратаря.

Понемногу мы усваивали правила игры. Когда взрослые отдыхали, мы гоняли по полю тряпичный мяч, стараясь играть, как взрослые, по правилам. И когда у нас появился настоящий мяч, то мы просто заигрывались. Перед началом схватки все желающие делились на две команды. Чтобы силы были равны, два капитана, старшие ребята, набирали себе команды. Ребята делились парами. Каждый в паре придумывал себе пароль. Например, один — «дуб», другой — «сосна». Подходят к капитанам и говорят: дуб или сосна, а те по очереди выбирают.

Вот команды набраны, игроки расставлены по местам, и началось. Ребята разного возраста, кто как одет, кто во что обут. Но игра шла. Нередко, когда входили в азарт, то забывали о своем участке поля, все шли в нападение. Носились обе команды с криками, свистом. Игра без времени, без судьи, насколько хватало сил. Было огромное желание побеждать.

Дома у матери я был основным помощник. Работы по хозяйству всегда много, играть мне было некогда. Футбольное поле рядом с домом, и все слышно. Делаю что-нибудь, а сам только и жду момента сбегать поиграть. И так я заразился этой игрой, что в свободное время всегда был на поле. И когда проигрывали, я чуть не ревел. Ребята после игры смеялись надо мной: «Ты что ли корову проиграл?»

Примерно в это же время в нашей школе был организован городской пионерский лагерь. Из Свердловска приезжало много ребят на поезде. Они шли по деревне к школе с горнами, барабанами, в нарядной

форме. Это было для нас целое представление. Их разместили в нашей школе, недалеко от бараков. Им сделали свое футбольное поле и спортивные площадки. У них был физрук, мячи и спортивная форма. И играли они по правилам и по времени. А мы опять стояли за воротами и завидовали им.

Однажды они предложили нам сыграть с ними. Помню, два тайма по тридцать минут пролетели мгновенно. Мы здорово упирались, но проиграли. Физически мы были подготовлены лучше, но организованности и умения у нас не было. Не было и футбольной формы. После игры мы мечтали о своем тренере и настоящем футболе.

Окончив семилетку, я поступил в техникум. Мать дала мне денег, чтобы я справил себе хорошие ботинки в городе. Я сразу отправился в магазин «Динамо» и купил себе бутсы. Эх, какие это были хорошие, удобные, крепкие ботинки! Надел, хоть беги и играй. Свои старые башмаки сунул в урну и пошел. Моя давняя мечта сбылась. Бутсы — это крепкие кожаные ботинки с твердым носком и на шести кожаных шипах, прибитых гвоздями. Два шипа вместо каблука и четыре на подошве. В магазине народу много, и не слышно, как мои бутсы цокают, а по тротуару идешь, как подкованная лошадка. Цок, цок. На травяном футбольном поле шипы входят в землю, и стоишь всею стопой на земле, а на асфальте эти шипы даже через твердую подошву давят ногу.

Купил я эти бутсы примерно в десять часов утра, а домой приехал около десяти часов вечера. Весь день я проходил в них. Наигрался на всю оставшуюся жизнь.

На другой день я пришел на поле, ребята играют. Принес бутсы в сумке. А надеть не могу, ноги болят. Дал ребятам. Им понравилось. Через день играл уже сам, очень хорошо было.

Но лето заканчивалось, а с ним и мое взрослое детство. Все разъехались на учебу. Как говорит спортивный комментатор, «время истекло, игра закончилась». Московский динамовец тоже уехал.

Время прошло, но осталось у меня большое желание играть в футбол. Но жизнь сложилось так, что с футболом я разминусь. В техникуме футбольная секция, когда я туда поступил, распалась. В армии было не до футбола. На заводе несколько раз играл за цех. Надену форму, выйду на поле, поставят меня в защиту, да толку мало. Устарел. Жалко, что огромное желание играть, азарт пропали зря.

белая лошадь

Как-то раз мы с мамой возвращались из леса домой. Было уже недалеко. Вдруг около тропинки мы уви-

дели лошадь. Серо-белого цвета худая старая кляча с полузакрытыми глазами стояла перед нами. Мелко моросил дождь. Лошадь не обращала внимания ни на нас, ни на дождь. Казалось, она погрузилась в глубокое раздумье.

— Мама, да ведь это Белько!

— Да.

— А что он тут стоит?

— Он на вольном выпасе.

— Как это?

— Больше работать не может, вывели из конюшни и отпустили в лес. Сам себя корми.

— На пенсии что ли?

— Отработал свое. А какой был сильный мерин! Все вагонетки с камнем возил.

Мы пошли дальше молча. Каждый думал о своем, но думали мы о лошади. Вскоре мы вернулись домой и занялись своими делами. А вечером, когда я лег спать, снова вспомнил лошадь, одиноко стоящую на опушке леса. Вспомнил, как когда-то мы с ребятами приходили на конный двор, чтобы прокатиться верхом. После трудового дня рабочих лошадей кормили овсом, поили, давали отдохнуть. Конюх запрягал одну лошадку, клал в телегу, что ему было необходимо для ночной пастбы. После этого он разрешал нам взять каждому «свою» лошадь и ехать следом верхом. У лошадей не имена, а клички: Сивко, Чалая, Орлик, Белько и другие. Белько — это жеребец чисто-белой масти, красивый, сильный. И кому доставалось ехать на нем, тот воображал себя командиром Буденным. Конюх ехал на телеге впереди, а мы тихо трусили за ним. Но когда мы выезжали за деревню, то понемногу обгоняли телегу. Нам хотелось скорее пуститься вскачь, но конюх не разрешал. Он жалел лошадей. После речки дорога делала поворот, и мы скрывались из глаз. И тогда гнали наперегонки. Перед пастбищем мы останавливались и ждали конюха. Он спутывал лошадей, а мы разводили костер и пекли «печенки». Ели картошку и вспоминали всякие необычные случаи.

Однажды, когда мы в очередной раз поехали в ночное, в поле перед лесом сделали «гонки». Широкая полевая дорога в лесу становилась узкой тележной дорогой-тропой. Теперь надо было двигаться друг за дружкой. Ребята скакали впереди меня.

У меня была молодая кобыла Седуха. Она боялась леса и неслась очень быстро. В одном месте, с левой стороны дороги, была небольшая поляна. Корни деревьев здесь высоко выступали из земли поперек дороги. И вот моя лошадка левой передней ногой запнулась о корень и стала падать. Я кубарем свалился с нее на землю, перекатился через голову, встал на ноги, повернулся к лошади. Смотрю, как в кино, лошадка моя падает на левый бок, переворачивается через спину и встает на ноги прямо передо мной. Я еще не успел опомниться, а она рванулась догонять лошадей, видно, из-за своего страха. Я поспешил за ней. Через некоторое время прискакал парень и привел на поводу мою

Поиск отца продолжается

лошадь. Я рассказал ему, что случилось, сел верхом, и мы стали догонять ребят. Бог миловал, я не ушибся, не поцарапался, и лошадь была цела.

Коротка летняя ночь. Немного поспим-подремлем, конюх уже будит. Ищем своих лошадей, надеваем уздечки, распутываем, садимся верхом. Пора домой, надо на работу лошадок вести. На обратной дороге делаем небольшие «гонки». Лошади отдохнули, бегут хорошо. Это им разминка. Мы их жалеем, им еще работать весь день. Перед деревней выстраиваемся, конюх на телеге впереди, а мы за ним. Мы, довольнешенькие, хотя и устали, чинно въезжаем на конный двор. А лошадей запрягают и ведут на работу.

Много раз, проходя мимо завода со стороны карьера, я видел, как Белько возил железные вагонетки с камнем по узкоколейной железной дороге на завод. Вся свою жизнь он впрягался в эти вагонетки с известняком. Сколько тонн камня он перевез, никто не знает. Помогал людям. Но прошло время, и он состарился. И люди отпустили его пастись в ближний лес, чтобы не тратить напрасно корм. Корми себя сам, живи, сколько сможешь. Ты нам больше не нужен. Так

уж у людей заведено, что любая вещь, скотина, да и человек нужны, пока они приносят пользу. Хорошо, что у Бога это не так. И Его забота о своих творениях безмерна.

лишь бы крест удержать

В наше время считалось хорошим тоном, когда человек кроме своей основной работы занимался чем-то еще по совместительству. Это и прибавка в семейный достаток, и полезное использование своего свободного времени. Но бывает и такая работа — не ради денег. Я с юных лет всю жизнь регулярно ездил к матери в деревню помогать в хозяйстве. Это был мой долг и помощь родному дому.

На заводе я с первых же дней не отказывался от любых поручений и обязанностей. Уже через два года меня избрали депутатом районного Совета. Это была небольшая нагрузка в незанятые основной работой дни.

Прошло немного времени, и я поступил в институт на вечернее отделение. Это была уже большая нагрузка. Четыре раза в неделю с шести вечера и до десяти лекции, да еще время на дорогу. А еще экзаменационные сессии! Шесть лет ушло на учебу, не считая забот семейных.

Подрастают сыновья, учатся в школе. Надо и тут быть в курсе. В школе во время учебы ребят был в родительском комитете.

На производстве своя общественная жизнь. Спортивные соревнования. Много лет играл в шахматы в цеховой команде.

Со временем обозначилась новая нагрузка — парторг цеха. Здесь, правда, вдохновляла и особая нужда — получить побыстрее жилье, улучшить быт. При моей должности энергетика это было очень не просто. Около шести лет я проработал в таком напряженном режиме.

В сорок лет записался в садоводы. Дали земельный участок в коллективном саду. Значит, надо построить дом, сделать теплицы и многое другое, посадить деревья и кустарники. Дело большое. Ушли еще шесть лет работы по выходным дням и в отпусках. Все сделано, посажено, но все это надо обрабатывать, чтобы содержать участок в порядке. Это хозяйство мы вели вместе с женой.

Сад — это работа и отдых, пока не состаришься.

К 55 годам я пришел к вере. Началось постепенное воцерковление: посещение храмов, чтение религиозных книг, молитвы и обряды. Это новый огромный мир, новая жизнь.

Я ушел с большого завода с должности цехового энергетика на небольшое предприятие простым элект-

Леонид Иванович с супругой под святой защитой

риком. На этой работе у меня не было никаких общественных поручений, свободное время я посвящал духовному чтению.

Не помню, как возникло желание нарисовать икону. Некоторый опыт рисования я получил при оформлении интерьера садового домика. Длительный и кропотливый процесс — зима на одну икону! Сделал десять малых икон. В 2011—2012 годах Господь пособил мне нарисовать две большие, в полный рост, иконы: Иисуса Христа и Богородицы. Заказал рамы и установил иконы в квартире. Теперь живем мы в квартире четверо. Конечно, сказать, что я рисую, это слишком нескромно. Я копирую, малюю, мазила я. Батюшка определил меня в ряд «богомазов».

Войдя в глубокий возраст, я захотел рассказать об интересных моментах своей жизни. Уйдешь в иной мир, а после родственники будут гадать: «Как же все это было?» Начал с памяти об отце, деде и других родственниках. Собрал материала на целую книгу, назвал ее «Поиск», туда вошли письма, фотографии, карты и рассказ о пути поиска. На это ушло около семи лет.

Написал тетрадь рассказов. Заканчиваю вторую. Имею большое желание составить родословную фамилии Кузвесовых.

Это все суетные дела моей жизни, которые отвлекают меня от основного, от спасения души. Уже совсем немного остается времени, а я не возлюбил ближнего, не избавился от грехов. Крест свой несую плохо, боюсь уронить.

Дай, Господи, разумения, сил и времени, благодати Твоего Святого Духа, дабы исполнить заповеди Твои, творить волю Твою, пети Тебя во исповедании сердечном.

Господи, на все Твоя воля! Слава Тебе, Господи!

ирина римская

О хрупком и вечном

записки бывшей россиянки

Мы продолжаем публиковать страницы дневника раздумий нашей землячки, которая теперь живет в Израиле. Ирина Римская — бывшая свердловчанка. Кандидат философских наук, преподавала в одном из местных вузов. За рубежом она получила степень доктора социальной психологии, имеет ряд крупных научных публикаций. Ее волнуют судьбы людей, мнутых в вихре повседневности, отвлекающей от чего-то главного в их жизни.

В ЭТОТ ДЕНЬ...

9 мая я на койке в палате кардиохирургии. Операция уже прошла. В больнице, как всегда, рабочий день. Эти стены не знают ни выходных, ни праздников.

Операционные не простаивают. Оборудование высокотехнологичное, дорогое. У хирургов дни операций расписаны надолго вперед.

Тебя встречают с улыбкой и провожают так же.

И больные, и персонал общаются на многих языках.

В палате рядом лежит старушка-арабка. На вид ей не меньше восьмидесяти, оказалось семьдесят пять. Возле нее постоянно дежурят молодые здоровые парни. Подумалось, что внуки, оказалось, — сыновья. Одна она оставалась только ночью.

У каждой кровати — постоянно действующий экран со всеми показателями. На мне тоже проводов и датчиков килограмма два. С ними и спишь. «Тревожная кнопка» у каждого под рукой, хотя сестры и так забегают постоянно.

После операции сутки постельный режим. А потом, если все в порядке, ты уже ходячий с оставшимися датчиками и проводами.

Третья соседка, по-видимому, румынка. Ее только готовят к операции. Около нее постоянно родственники. Все к этому привыкли, никто никому не мешает. Если надо, можешь отгородиться занавеской.

Здесь работают профессионалы, которые дорожат качеством своей работы.

А что есть победа? Истинная, настоящая? Ведь это победа над собой.

Невольно приходит осознание: перед лицом болезни, смерти все воспринимается совершенно по-другому. В конечном итоге все начинается с тебя самого. И ты можешь либо справиться с собой и победить свои страдания, либо сдаться и сделать напрасными усилия окружающих.

Победа как свершившийся факт должна иметь продолжение, а не просто отмечаться по торжественным дням. То, что Победа принесла, должно людям служить на всю их оставшуюся жизнь. Сам по себе парад

— это нужный и славный момент. Но после отгремевших бравадных маршей нельзя, как знамена или декорации со сцены, убирать до следующих торжеств необходимую заботу и внимание к тем людям, которые отдали все, что могли, этой Победе. Они сейчас нуждаются в помощи тех, кого они в свое время закрыли собой. Забота ветеранам нужна постоянная и порой повседневная. Это надо помнить всегда.

Война закончилась на полях сражений, а в больницах она продолжается. Бой идет за каждую жизнь, и этому нет конца. Благодаря самоотдаче врачей легче переживается даже самый тяжелый недуг, потому что возникает взаимное доверие между врачом и больным. Так должно быть всегда и везде.

Под рукой хирурга бьется и старое больное сердце, и сердце только что родившегося человека. И каждому надо дать надежду на жизнь.

Приемная полна родителей с колясками. У детей, а семьи здесь многодетные, бывают, к сожалению, врожденные пороки, сосудистые аномалии. Врачи ко всему готовы. У каждой медсестры — передвижной компьютер, в котором фиксируются все процессы жизнедеятельности больного. Благодаря совершенствованию хирургии сроки пребывания в больнице после операций стали минимальными.

...Вот и меня на ломаном русском языке счастливо напутствуют у двери отделения кардиохирургии.

Будем жить!

Израиль, май 2013 года

сегодня вечером

Сегодня вечером заканчивается трехдневное перемирие. Это не первая трехдневка. Что будет? Возобновятся ли обстрелы от НИХ и ответы от НАС?.. Не знает никто.

Закончилось. Ракеты от них были, одиночные. Договорились еще на пять дней.

Все зависит от «тончайших» деталей. Кому и сколько заплатят? Кто? И на какой срок?

И какие будут условия? Пожелания?..

Это постоянный торг. Восточный базар. Здесь все колеблется: от погоды, от религиозных постов и праздников, от выборов в Ираке и Турции, от амбиций египетского Ассизи, от убийства палестинского подростка-каменетателя на улице Иерусалима, от борьбы курдов в Ираке, от того, кого поддержит иранский аятолла Хомейни, и еще много другого.

Восточный мир шаток.

Да по большому счету никто здесь и не знает, что такое мир.

Мир — военное понятие. Война и мир — относительно, призрачны, понятия мира и войны убедительно

На снимках:

В Израиле празднование Дня Победы стало правилом. Ветеранов здесь много, демонстранты идут по главным улицам городов. Вручаются подарки, звучат поздравления — это радость праздника со слезами на глазах. На снимках, сделанных Ириной Римской, два эпизода: демонстрация в Хайфе в День Победы и концерт оркестра военных моряков с российского корабля в Доме престарелых. Старики дарили морякам подарки, обнимали их и плакали.

Время не остановить: есть беды и радости, праздники и будни. Но вековая трагедия многих народов навсегда пребудет в человеческих сердцах. Многим известен израильский музей Холокоста с его огромным архивом документов. Он называется ЯД ВА ШЕМ (Память и Имя). А в Хайфе есть мало кому известный зеленый уголок отдыха, который имеет название «Сад праведников народов мира». Сад малолюднен, в основном его посещают жители близлежащих кварталов. Здесь на восемнадцати валунах выбиты имена восемнадцати праведников из Украины, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии и Швеции с историями жизни и поступков, совершенных этими людьми во время Второй мировой войны. Они не были евреями, но самоотверженно, рискуя жизнями, спасали евреев в годы фашистской оккупации. Пять человек из этого героического списка — выходцы из Украины.

Юная украинка Ярослава Левицка передавала еду евреям, находившимся в гетто под Тернополем. На протяжении двух лет до ликвидации гетто она прятала в своем доме двух девочек из еврейской семьи. Вместе с мамой и бабушкой доставляла еду еще 25 бывшим узникам гетто, прятавшимся в бункере.

Этот подвиг остался бы мало кому известен, если бы не горячее старание отдельных людей! Нашлись те, кто облагородил этот уголок, собрал истории и увековечил их в камне. Броня и Семен Спекторы сфотографировали каждую надпись и создали альбом памяти, который с благодарностью передают сегодня из рук в руки, и эта память живет уже в Интернете. Человечность и готовность помочь — эти чувства не имеют национальности, они свойственны всем настоящим людям.

трактует словарь. На деле «ни войны, ни мира» — естественное состояние. Это реальная жизнь.

Войны всегда были связаны с захватами, с обогащением одних и разорением и гибелью других.

Сегодня это называется военным бизнесом. Все подсчеты в долларах.

XIX век привнес идеи гуманизма, чувства любви, дома, национальной принадлежности... Сформировались основы общечеловеческой культуры — понимание ценности человеческой жизни, личностного «я» (в отличие от безличного «мы»), способность к диалогу людей разных взглядов, культур.

XX век как будто открыл «ящик Пандоры»: человеку все позволено! Две мировые войны показали: не все. К понятию «человеческое» прибавились другие понятия: права человека, международные правовые институты, свобода передвижения.

В XXI веке пришли в движение глубинные пласты. Взбунтовалась психология человека, выплеснув на поверхность бессознательное начало — человек оказался в плену иллюзий, темных страстей, потерял нравственные ориентиры. Появилась какая-то неожиданная возможность править миром, пользуясь какими-то накоплениями. Как от мощной волны, зашаталась и границы государств.

Сегодня человек — один на один с полным опасностью миром, противостоит ему и борется с ним в одиночку. Никто не в состоянии человеку помочь. И он не верит никому.

Государства для него уже нет. Это коррумпированный аппарат, который висит веригами на его ногах.

Дом для него там, где он может заработать на жизнь своей семье, детям, где может полагаться на себя и строить человеческие отношения со своими соседями.

Хайфа, 16 августа 2014 года, суббота-шабат

☞ сергей мальгавко (фото)

♣ борис карташов

отчаянное противостояние

РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ РОДИЛИСЬ У БОРИСА КАРТАШОВА В ЕГО ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ БЕСЕДАХ С НАСТОЯЩИМИ ФРОНТОВИКАМИ, КОТОРЫЕ, ПО ЕГО СЛОВАМ, ВСТРЕТИЛИ ПОБЕДУ НЕ В ЭШЕЛОНЕ ПО ДОРОГЕ НА ФРОНТ, А БЫЛИ НА ВОЙНЕ ДО ПОСЛЕДНЕГО ЧАСА, И С ТЕМИ, КТО ПРИНЯЛ НА СЕБЯ ВСЕ ЛИХОЛЕТЬЕ ЭТОГО СТРАШНОГО ВРЕМЕНИ.

БЕСЕДЫ И ВСТРЕЧИ С ФРОНТОВИКАМИ ДЛИЛИСЬ ДВА ДЕСЯТКА ЛЕТ. ПУБЛИКУЮТСЯ РАССКАЗЫ ВПЕРВЫЕ.

Родился Борис Карташов в 1951 году на севере Свердловской области. Его родители были раскулачены и сосланы из Крыма на Урал в 1930 году. «Проталина» уже публиковала его повествование о детстве, прошедшем в ссылке.

Как и героям его рассказов, Карташову пришлось преодолеть многое, но это не сломило его. Он окончил лесотехнический техникум, Высшую партийную школу при ЦК КПСС — факультет журналистики. Служил на китайской границе в Читинской области. Работал инженером в леспромхозе, инструктором Советского райкома КПСС в Тюменской области, журналистом в районной газете «Путь Октября», последние двадцать лет — директором типографии в городе Советском. Сейчас он пенсионер. Есть у него жена, сын и дочь. Живет он также в Советском.

невеселая история дмитрия баранова, одного русского солдата

День начинался как обычно. Чуть забрезжил рассвет, а он уже торопливо бежал на завод, где работал слесарем. Не дай бог опоздать на минуту. Тогда прямо за проволоку, тем более что у него уже есть два замечания.

В цехе все как всегда: верстаки, шум, грохот. Пацаны и взрослые женщины протирали станки — цех готовился к пересмене. Переодевшись в спецовку, Баранов получил инструменты. В это время к нему подошел мастер и как-то обыденно вручил повестку:

— Дмитрий, тебя на фронт забирают завтра. Иди домой, — сказал мастер и, шаркая ногами, отправился дальше.

Будущий солдат Баранов шел сосредоточенный, глубоко вдыхая морозный воздух. Он как бы заново узнавал давно знакомые улицы, дома. Вот школа, куда бегал восемь лет на учебу. Вот пустырь, где гонял мяч, играл в городки или лапту. А там, за поворотом, дом, в котором живет Катюшка — девочка с зелеными глазами. Когда она была рядом, сердце Дмитрия, казалось, вот-вот выскочит из груди от волнения.

В комнате раздавался стук швейной машинки: мать обшивала всю округу. Подняв голову, вопросительно посмотрела на сына. Дмитрий как-то засуетился и, смущаясь, сообщил ей о повестке. Та схватилась за сердце, побледнела, глаза наполнились слезами, ведь ребенок еще совсем, семнадцать всего.

Вечером пришли гости: старый мастер с завода — друг отца, сосед и Катюшка. На столе роскошная закуска — вареная картошка, квашеная капуста, сало и, о боже, бутылка марочного, довоенного вина. Все это мать выменяла у спекулянтов за отрез крепдешина, который берегла еще с мирных времен.

Неожиданно погас свет. Катя испуганно схватила Дмитрия за руку и уже не отпускала ни на минуту. Так они просидели до утра: мать, влюбленные и мастер,

которому некуда было идти — он жил при заводе. Изредка переговаривались о чем-то незначительном, но им казалось, важном. Рассвело. На улицах появились спешащие люди. Город просыпался.

В военкомат Дмитрий Баранов поехал один. Он убедил женщин, что если его не будут провожать, он обязательно вернется домой живым и невредимым. Но в душе — боялся по-детски расплакаться на глазах у родных ему людей, потому что было просто страшно.

Учебная воинская часть, наспех сформированная из таких же юнцов, как он, готовила пулеметчиков и минометчиков. В общем, ту самую пехоту, которая называется «царицей полей».

Зима. Все время хотелось есть и спать. Его нутро постоянно требовало пищи, и его постоянно клонило в сон. Каждая клетка тела желала покоя. Было нестерпимо холодно.

Жили в лесу, в наспех сколоченных бараках. Для согрева стояли буржуйки, которые нужно было топить постоянно. И лишь в бараке, где расположилась солдатская столовая, дышали теплом настоящие кирпичные печи и пахло едой. Поэтому дежурство в столовой было ответственным и желанным делом. В сторону этого стратегически важного объекта постоянно косились голодными глазами сослуживцы. Нужно было бдительно охранять продукты питания и заготовленные впрок дрова, сложенные поленицей у входа в столовую, от своих же солдат. Если буржуйки дровами обеспечивали дневальные по роте, то для печей в столовой дрова готовили всем миром.

Сегодня очередь дневального досталась Дмитрию. Вокруг барака не было ничего похожего на топливо — все сожгли в прожорливой буржуйке казармы. Он сообразил: проще всего добыть дрова у столовой. Однако их охранял такой же, как он, солдат. Нужен был план. Дмитрий просчитал, что обход часовой вокруг столовой составляет восемь минут. За это время нужно было пробежать от казармы до столовой, а это двадцать метров, схватить охапку дров и вернуться обратно, пока не увидел часовой.

Дважды он успевал проделать эту операцию блестяще. Нужна была еще одна ходка — тогда он до конца дежурства мог подремать у железной печки. Часовой только поворачивал за угол, а Дмитрий уже был у поленицы. Схватил охапку, но что это? Среди поленьев лежал брикет с прессованной кашей. Видимо, кто-то спер его со склада и спрятал. Не думая, сунул пакет за пазуху и рванул обратно.

В казарме отдышался. Каша лежала у него на груди и напоминала о голоде. Рот был набит слюной так, что, казалось, открой его, наполнил бы целое ведро. Не вы-

держав такого напряжения, выскочил на улицу, всем своим видом показывая, что направляется справить нужду. Надо сказать, что специально отведенного помещения не было. Естественные надобности справляли прямо на свежем воздухе по кустикам. Расстегнул штаны, присел, запустил руку за пазуху, нащупал брикет, отломил кусочек и затолкал в рот, лихорадочно жуя, соображая, куда спрятать свалившееся на него богатство.

Взгляд упал на застывшую на морозе лепешку дерьма. Отбил ее от снега, вырыл углубление, положил в него кашу, завернутую в пергамент, сверху прикрыл лепешкой. Тайник был оборудован! Не переставая жевать (в казарму нужно было вернуться, чтобы не было следов его преступных действий на губах), отметил место схрона и, застегивая штаны, отправился в помещение.

Никто не хватился спрятанной каши, и Дмитрий несколько дней имел дополнительное питание. Единственное неудобство — регулярное хождение по нужде. Но и оно подозрения не вызывало. Расстройства желудка случались часто.

На передовой их, молодых, необстрелянных, было двое. Поэтому именно их и задействовали по хозяйственной части. Противник пока никаких активных действий не предпринимал.

Сегодня старшина послал дежурных за обедом, вручил им большие термосы и котомку под хлеб. Отправились они с удовольствием, радуясь возможности прогуляться до полевой кухни. Там можно было узнать последние новости, которые повара знали точно, и поесть от пуза прямо на раздаче.

Сытые и довольные, неторопливо несли нехитрую поклажу на передовую. Вдали слышали гул самолета.

— Юнкерс, — махнул рукой товарищ, — давай вон за тем кустом переждем, сейчас стрелять начнет.

Присели, выставив между собой термосы. Гул нарастал. Инстинктивно втянули головы в плечи, закрыли глаза. Но все равно пули, свистевшие рядом, были неожиданными и испугали их.

Когда самолет улетел, Дмитрий толкнул товарища.

— Ну, ты как, нормально?

Тот мешком повалился на землю. Из-под уха пульсировала вытекающая кровь. За голенищем блестела ложка. Почти не осознавая, что он делает, Дмитрий вытащил ложку и засунул себе в сапог. Ложка была одна на двоих.

Это была первая смерть на глазах у Дмитрия Баранова.

Стояла неимоверная жара. Зной, казалось, пропитал всю растительность, реку, воздух. Дышать было тяжело. Но еще тяжелее было ожидание смерти. Их полк, окопавшийся в чистом поле, подвергался беспрерывному артиллерийскому обстрелу и бомбежке, а между перерывами пулеметному огню. Это был ад. Страх ожидания смерти был нестерпим, хотелось броситься из окопа, чтобы все разом кончилось. И только инстинкт самосохранения не позволял подняться в полный рост и кинуться навстречу смерти.

Тогда Дмитрий нащупывал книгу. Это был томик Жюль Верна о приключениях капитана Немо, который случайно очутился в деревенской избе, где они месяц назад стояли на переформировании. Дмитрий судорожно перебирал в памяти то, что успел прочесть, чтобы как-то отвлечься от раздававшегося грохота.

На этот раз солдат Дмитрий Баранов остался жив. Бывалый служака дал ему неожиданный совет. При артобстреле, мол, высунь руку либо задницу, вот тебе и ранение, и выход из боя.

Дмитрию повезло: его ранило в ногу и пропороло осколками мягкую часть. Повезло еще и потому, что товарищ втащил его в землянку, где находились командир батальона и еще трое солдат, оставшихся в живых. Повезло, когда комбат докладывал по радиации об успешной обороне и геройстве личного состава, который тут же представил к наградам: тех, кто прослужил два месяца, а их было двое — сам комбат и командир взвода — к ордену «Красной Звезды», а молодых, в том числе и Баранова, к медали «За отвагу».

Эту свою первую награду Дмитрий получил уже в госпитале. А когда пришло время предстать перед медицинской комиссией по случаю годности к дальнейшей службе, прицепил ее прямо на больничный халат. Старая женщина-врач с торчащей изо рта папироской глянула в историю болезни, посмотрела на Дмитрия, еле стоявшего на ногах, поинтересовалась, где это его так шандарахнуло. Услышав, что он пулеметчик, только покачала головой и дала две недели отпуска.

Завтра его поведут на расстрел. Думал ли Дмитрий Баранов о своем будущем? Переживал ли о содеянном, понимал ли, что в 18 лет жизнь может оборваться навсегда и его уже никогда не будет?

Скорее всего, нет. Думал, но это были мысли как бы не свои, а постороннего человека. А вот то, что его су-рово наказали, Дмитрий осознавал.

Часовой принес еду и сочувственно смотрел на обреченного:

— Ты поешь, милоч. Может, еще все образуется. Вон, говорят, командир полка должен приехать. Обязательно разберется.

От этих слов у Дмитрия непроизвольно потекли слезы. Он с надеждой глядел на часового:

— Вы думаете, это возможно?

— Господи, ты ведь совсем пацан, — тихо произнес сержант. — Как же ты такого бугая умудрился уложить, что он даже в медсанбат попал?

— Не знаю, просто мне в тот момент показалось, что передо мной не кто иной, как враг. Сам не знаю, как это вышло...

В тот день рота Дмитрия, после месячного нахождения в окопах, наконец-то была отправлена в тыл на помывку в баню. Ну, баня — это сильно сказано. Под это дело был оборудован обычный амбар. Умельцы сложили в нем печь, на которой грели воду. Сделали лавки, в углу, около дверей, поставили большой бак под холодную воду. А маленький — под горячую, стоял на плите.

Все терпеливо ждали горячую воду, которой пользовались ввиду малого количества по очереди. Понимали, что двадцать литров не хватит на целое отделение, поэтому грелись у печки, плескаясь холодной водой.

Тут в помывочную шумно и без очереди ввалился здоровенный детина. Бесцеремонно стал отбирать у Дмитрия шайку.

— Ты чего, это же моя шайка, — стараясь быть спокойным, возразил Дмитрий.

— Ну, ты, недоносок, сдохнуть в окопе можешь и грязный, а мне при штабе надо находиться чистым. Я как-никак ординарец комбата, — гаркнул детина.

Дальнейшее происходило как в тумане. Дмитрий схватил железный ковш и с размаху ударил обидчика по голове. От неожиданности тот отскочил в сторону и, поскользнувшись на мокром полу, растянулся во весь рост. Из-под головы растекалась кровь.

Гнев у Баранова сразу куда-то исчез. Вместо него в груди была холодающая пустота. Вокруг суегились товарищи по оружию, оказывая первую помощь пострадавшему. Положили на носилки и понесли в медсанбат.

— Зря ты связался с этим дураком, — похлопал Дмитрия по плечу командир отделения, когда они, одевшись, вышли на свежий воздух. — Он тебе этого не простит. Обязательно донесет комбату. А тот псих еще тот. Наверняка под вышку подведет.

Комбат, не разбираясь, приказал наказать виновного по законам военного времени. Дмитрию грозил расстрел. Его обвинили в необоснованном нападении на старшего по званию, нанесении тяжких телесных повреждений. Как позже узнал Дмитрий, его оговорили, якобы он в бане агитировал за то, что надо перебежать к немцам, там, мол, можно чисто помыться и все такое...

— Да бред, вранье все это, — оправдывался Дмитрий.

— Возможно, и вранье, а ранил-то ты его сильно. А то, что тебя оскорбили, к делу не пришьешь. В общем, в распыл тебя, — сказал один из его конвоиров.

Ночью Дмитрию снился родной дом, снилась река, где часто рыбачил, и еще он видел плачущую мать, говорившую ему: «Ну зачем же ты, сынок, так поступил? Вот я всю жизнь мылась только холодной водой и ничего, живу». «Но он же оскорбил не только меня, но и всех на передовой!» — закричал Дмитрий и проснулся от собственного крика и лязга засова в двери.

В арестантскую вошел командир полка в сопровождении начальника караула. Пронзительно посмотрел на Баранова и отрывисто спросил:

— Так ты не захотел сдохнуть в окопе грязным?

— Так точно, товарищ полковник, — ответил Дмитрий дрогнувшим голосом, — умереть — так уж чистым.

Командир полка повернулся и уже в дверях приказал сопровождающему офицеру:

— Расстрел отменить, обойдемся штрафной ротой...

Уже через несколько часов Дмитрия Баранова под конвоем доставили на новое место службы. Это был маневр полковника, который понимал, что его приказ тоже могут отменить...

Штрафники вошли в этот небольшой городок после стремительного штурма. Выждали, чтобы удостовериться — немцев нет. Двигались группами. Вначале город казался пустым, но чем глубже проникали на улицы, тем явственней было видно — живет город. То здесь, то там мелькали люди, которые при виде военных торопливо прятались в подворотни или в дома. Появились солдаты из соседних взводов, шныряющие по улицам в поисках то ли недобитых фашистов, то ли чего-нибудь стоящего и нужного для них в данный момент. И, что странно, многие были навеселе.

Наткнулись на группу штрафников: они несли кто котелки, кто ведра — в общем, емкости, чем-то наполненные. Оказалось, спирт. Его было много на железнодорожной станции в цистерне. Слух об этой цистерне разнесся уже по всему городку, охранял ее один солдат, и тот пьяный.

Не сговариваясь, повернули к вокзалу, на ходу изыскивая емкости. У цистерны мирно посапывал часовой, рядом из дырки текла тоненькая струйка. Наполнили все, что можно было, и двинулись искать свою роту, вернее, место, где мог быть штаб роты.

Нашли, доложили командиру об обстоятельствах.

Капитан приказал идти искать соответствующее жилье, в котором можно не только отдохнуть, но и переночевать. Надвигалась ночь.

Отдыхали тихо, но основательно. Вначале пили разбавленный спирт, затем чистый. Чем все кончилось, никто не помнил.

Дмитрий очнулся ночью. Спали вповалку в каком-то частном доме. В крошечной темноте, кряхтя и чертыхаясь, капитан по радиации расспрашивал, где они находятся, далеко ли немцы, кто впереди, сбоку, сзади? В общем, полную дислокацию.

Послышалось бряцание кружек, кто-то рядом выдохнул перегар и произнес:

— А ведь немцы могли вырезать нас простыми ножами. Это надо же было так нажраться!

В палате Дмитрий создавал много шума: то кипятил в кружке чай, приглашая всех присоединиться к нему, то начинал громко разговаривать, не выбирая выражений, то «ревизировал» свою тумбочку, разыскивая колоду карт, чтобы играть в «тысячу».

В общем, был в центре больничной жизни.

Все знали, что он был фронтовиком, но специфический, блатной жаргон позволял предположить, что войну он провел в местах не столь отдаленных.

Откровенный монолог о жизни солдата, а потом зека случился как бы само собой. Просто возник предмет разговора, ведь на завтра был День Победы, 9 мая, время воспоминаний.

— Мне всегда не везло, — начал Дмитрий, — сначала учебка, в которой чуть не сдох с голода, затем Курская дуга — как выжил в том аду, не знаю. Меня приговорили свои же к расстрелу, потом заменили штрафной ротой. Трижды был ранен, валялся по госпиталям. Всякое было. К концу войны оказался недалеко от Берлина. А когда объявили об окончании боевых действий, решили с «корешами» широко отметить это знаменательное событие. Выбрали небольшой магазинчик в городе, взломали двери и стали пьянствовать прямо в помещении склада. В общем, гульнули по полной. Очнулись, тут нас и схватил военный патруль. Как уж так получилось, не знаю. Однако приписали нам: самовольный уход из части, грабеж и разбой гражданского населения. Впаяли всем по совокупности — по 10 лет, лишили наград, отправили этапом в далекий город Лабытнанги, что у Ледовитого океана. Вот так я и заплатил за лихое наше пиршество. Отсидел полностью. С семьей не сложилось. Родственники все умерли. По пьяни отморозил руку — ампутировали. Получил инвалидность. На работу никто не брал. Вот с тех пор или по подвалам, или теплотрассам бичую, переезжая из города в город. В перерывах «отдыхаю» в больнице, когда невоготу и открываются старые раны. Ни о чем не жалею. Жизнь прожил, а хорошо или плохо — не мне судить.

Тут Дмитрий смолк, ловко выдернул из-под матраца колоду карт и предложил:

— Сыграем, что ли?

Дмитрий Баранов явился на праздничное застолье, когда все уже сидели за столами, уставленными различными диковинными закусками.

Дмитрий в засаленной телогрейке, в чужих ботинках на липучках и вязаной шапочке прошел к столу, по всей видимости, организатору праздника, чтобы объяснить свое неожиданное вторжение. Но раздумав и направился к крайнему столу, плеснул в пластмассовый стаканчик водки и выпил. Гневу устроителя торжества не было предела, он попытался вытупить Дмитрия, но вмешался старый вояка с множеством орденов на планке:

— Не трогайте его! Он тоже участник войны. Не видно, что ли? Я знаю его. Вот уже несколько лет он обретается в теплотрассах и по дачам, в общем, бомжует.

Все присутствующие притихли. Дмитрий с благодарностью смотрел на своего защитника. Затем ловким движением поставил в карман бутылку с остатками спиртного и, ничего не сказав, тихо вышел.

«СКЛОНЕН К ПОБЕГУ»

Еду раздавали бесплатно и много. Мясные и рыбные консервы, паштеты, галеты, хлеб, колбаса в специальных упаковках — все это находилось в кузове автомобиля, куда рвались все заключенные, способные еще ходить.

Они отталкивали друг друга, а тех, кто падал, затаптывали ногами. Выражение лиц было нечеловеческое. Всех гнало одно желание: добраться до пищи и жрать, жрать, чувствуя, как еда оседает в желудке давящей тяжестью.

Андрею Гаравскому не удалось добраться до кузова. Его ослабевший организм не имел больше сил противостоять напору толпы. Тихо скуля, узник опустился на землю и потерял сознание. Это спасло ему жизнь. Большинство военнопленных, отведавших американских деликатесов, вскоре после этого пира умерли от заворота кишок. Их животы не выдержали такого количества пищи после постоянного голода последних двух-трех лет.

Выздоровливал бывший заключенный Андрей Гаравский долго и медленно в лагере для перемещенных лиц, который находился в западной зоне, освобожденной от фашистов американцами. А когда он смог адекватно реагировать на обстановку, стал упрямо проситься домой, в Россию. И, в конце концов, добился своего.

...Этот пятнадцатилетний подросток из небольшого белорусского села, который был захвачен немцами в начале войны, ничего не понимал в стратегии и тактике. Советских войск он не видел, как не видел

и немецких. Просто приехали какие-то люди и доходчиво, по-русски объявили о новой власти, о новом порядке. Ему и матери приказано было явиться в комендатуру для регистрации. Они явились ровно в назначенный срок — привыкли, что власть нужно слушать беспрекословно. Их определили во вновь созданный немцами колхоз на уборку картофеля. Жили в бараках, которые, кстати, почти не охранялись. И это был соблазн. Соблазн побега. Андрей к этому времени уже понимал, что такое фашизм, война. Его воображение будоражили слухи о партизанах, о лесной жизни.

Решение бежать возникло спонтанно. Вечером после работы он вышел из барака и подался в поле, где пролегал большак.

Схватили утром на следующий день. Два полица вытащили беглеца из стога сена, отдубасили и отвели к главному. Тот, не разбираясь, приказал отправить в лагерь для военнопленных, находящийся совсем близко. Напрасно парень доказывал, что он никогда не служил в армии, что живет в соседнем городке, там мать... Но его внешний вид, не по годам большой рост и спортивное сложение сыграли роковую роль — его приняли за молодого солдата. Так он стал военнопленным.

Спустя несколько месяцев парень повторил побег уже с двумя поделниками. Их взяли неделю спустя, продержали немного под арестом и, оформив соответствующие бумаги, отправили на запад. Так Андрей Гаравский очутился в концлагере с пометкой в сопроводительных документах «склонен к побегу». Это и решило его судьбу. В лагере определили в отряд, подлежащий уничтожению в крематории. Нет, специально их не убивали и не расстреливали. Они просто постепенно умирали от непосильного труда, голода и холода. Тут Андрей чудом продержался почти три года. В свои 18 лет весил всего 32 килограмма. Последнее время плохо понимал, где он, что делает. Хотелось только есть.

Сознание прояснялось лишь на вечерних проверках. Состояли они в следующем: нужно было пробежать по мосткам, которые качались под ногами, перед бараком. Пробежать — это сильно сказано; пройти, проползти, так вернее. На финише этого «пробега» стояли конвоиры с железными крюками в руках. И если считали, что ты не жилец, отбрасывали вправо — в крематорий, если позволяли жить дальше, пропускали в дверь барака. Откуда бралась у Андрея в этот момент сила, не знает до сих пор, но пробежку он выдерживал всегда. Вплоть до освобождения.

Представитель Советских вооруженных сил, майор контрразведки, усталый пожилой человек, увидев парня, которого шатало от ветра, и выслушав его историю, решил судьбу Андрея радикально — отправил его в Россию. Добирались освобожденные два месяца — шли колонной пешком до Урала. Там объявили, что все они участники всесоюзной стройки. Нет, это были

не сталинские лагеря, но документы, удостоверяющие личность, выдали только через пять лет. Тогда и решили ехать, куда захотят. Андрей отправился в Сибирь...

Заслуженный строитель России, кавалер многих советских орденов и медалей, он вырастил троих сыновей, имеет восьмерых внуков. На пенсии. Заядлый рыбак. О военном лихолетье напоминает номер, наколотый на руке.

русский финн

Благодаря своей национальности Роберт не попал в кольцо блокады Ленинграда и не испытал весь тот ужас, который выпал на долю переживших голод, холод, людоедство, смерть родственников. Роберт попал в Сибирь, в далекий город-порт Дудинка, что на реке Енисее. После финской кампании всех жителей деревни, откуда был родом Роберт, выслали в Сибирь как неблагонадежных. Там были и карелы, и финны. Везли 15-летнего Роберта вместе с такими же бедолагами по железной дороге до Красноярска. Затем водой до места назначения на пароходе.

Молодой финн с трудом привыкал к новой жизни. В душе были недоумение и обида: за что? Он не понимал, в чем виноват. Но ответа не находил. Вскоре от непосильного труда умерла мать. На глазах угасал дед. Когда пришел смертный час, дед позвал внука и напутствовал:

— Беги отсюда, иначе помрешь. Только никому не говори, что ты финн, смени фамилию.

Так у Роберта появилась цель. Всю зиму он готовился к побегу: припрятывал продукты, одежду, копил деньги, осторожно выспрашивал у местных, как добраться до Красноярска. В первом же прибывшем в порт пароходе спрятался в трюме. До «большой земли» добирался пять месяцев: когда удавалось, плыл на каком-нибудь судне, а иногда шел пешком, бывало, подвозили на машине, случалось, и на оленьих упряжках. Питался, чем бог подаст — кормили добрые люди. Работал за еду, воровал. На него мало кто обращал внимания — много таких оборванцев бродило в то время по дорогам бескрайней Сибири.

В Красноярске, по наущению знакомого бродяги, которому рассказал об отсутствии документов, пришел в приемник-распределитель. Там заявил, что бумаги у него украли, что он русский и фамилия его Соловьев, зовут Иваном (говорил-то по-русски без акцента).

На удивление, справку на новое имя выдали быстро. После долгих мытарств добрался до Омска. Устроился на завод разнорабочим. Там же встретил Победу. Получил профессию шофера. Через несколько лет женился. Свою горькую тайну открыл жене только после смерти вождя всех народов. Она вначале перепугалась,

переживала, но потом смирилась с этой новостью. Про финское имя не спрашивала. Однако все время уговаривала переехать в другое место. Так они кочевали из города в город, пока не оказались в леспромхозе, только что созданном в Тюменской области.

Прошло более полувека, на предприятии знали о нелегкой судьбе Роберта — понимали: время было такое! За большие достижения в труде ему присвоили звание почетного работника лесной промышленности.

Однажды Роберт решился съездить в родные места. Нашлись даже дальние родственники: предлагали остаться, вернуть настоящее имя. Он не согласился: жизнь, хорошо или плохо, прошла. В Сибири дети, внуки, могилка жены — вернулся обратно. Доживал свой век в кругу семьи, где царили любовь, забота и уважение.

На его похоронах было много народа. Говорили речи о том, какой это был удивительный, порядочный человек, о трудной судьбе и как стойко переносил все тяготы, выпавшие на его долю.

...В родительский день на могиле Роберта всегда много цветов.

«рус иван!»

На нее без улыбки нельзя было смотреть, особенно когда она поглаживала себя по округлившемуся животу, старательно выговаривая: «Рус Иван, рус Иван». Так она утверждала, что будущий отец ребенка русский солдат. Упреха в ее словах не было. Ее практичный ум говорил, что победители всегда правы: так воспитывал их фюрер. Когда молоденький безусый солдатик, бормоча что-то ласковое, пригласил ее в сарай, она не сопротивлялась, наоборот, показала готовность. Немка думала о своей дальнейшей судьбе. Знала, беременных от русских солдат женщин берут на довольствие советские комендатуры. Продуктов, получаемых по продаттестату, хватало не только себе, но и родственникам.

Марта приходила в здание комендатуры каждый понедельник как на работу, что практически так и было. Помогала убирать помещение, стирала солдатское белье, в общем, старалась отблагодарить за заботу и помощь. Ее знали все: от рядового до командира. Каждый норовил сказать приветливое слово, проявить внимание, помочь. Когда наступило время рожать, волновался весь личный состав.

Роды, на удивление, прошли хорошо. Появившийся на белый свет мальчик громко кричал, заявляя о своих правах на жизнь.

— Ты смотри, какой горластый, — отрезая пуповину, добродушно пробасил фельдшер, — боевой пацан вырастет.

Молодая мать с умилением смотрела на кровную частицу своей плоти, воркуя что-то по-немецки.

...Шел 2005 год. Наша делегация туристов волею судеб оказалась в том самом немецком городке, где когда-то произошли эти события. В гостинице нас встречал хозяин отеля — мужчина средних лет. На сносном русском языке он объяснил, что сегодняшний обед будет за счет заведения и что на нем хотела бы присутствовать его мама — фрау Марта. Делегация, конечно, согласилась.

Обед прошел «на ура». Мы с любопытством поглядывали на пожилую женщину, которая держалась торжественно и чинно, с явным удовольствием рассматривая нас. Когда трапеза подошла к концу, в зале появился хозяин гостиницы и сказал, что его мама хочет выпить с русскими туристами водки. Бутылку принесли тут же. Старая немка встала и начала говорить на своем языке, затем чокнулась своей рюмкой с каждым из нас, приговаривая при этом:

— Спасибо, рус Иван, спасибо.

На наш вопрос, что бы это все значило, сын коротко объяснил:

— Это традиция приглашать на обед русских, посетивших первый раз наш город.

ШЕСТЬ ЧАСОВ ОККУПАЦИИ

Фашисты появились в этом украинском селе утром. Люди только что управились с домашним скотом, возились в садах, огородах, завтракали. Первыми по улице проехали мотоциклисты, следом грузовая и легковая автомашины. Немецкие солдаты столпились у здания сельсовета, оживленно разговаривая между собой.

Шестилетний мальчик в окне с любопытством рассматривал чужих людей в военной форме. Еще его интересовали мотоциклы — их он видел впервые. Мать за его спиной беспокойно суетилась, пытаясь оттащить от окна, и что-то прятала, перекладывала с места на место.

В хату вошли трое — один был с властным лицом. Двое осмотрели комнату, затем вышли и обследовали все дворовые постройки. Оставшийся в комнате солидный дядька приказал покинуть им дом:

— До 14 часов, — на ломаном русском отрывисто сказал он.

Мать торопливо подхватила ребенка на руки, бросилась из хаты. На улице было уже много односельчан. Галдели солдаты, собравшиеся у колодца. Умывались, пили воду, лежали в тени фруктовых деревьев. Окрик старшего по званию заставил их встрепетаться. Выслушав приказ, двинулись к сельсовету. Через некоторое время выволокли оттуда двух женщин и потащили на окраину села к скирдам соломы.

Стояла звенящая напряженная тишина. Мальчик прижался к матери и застыл в ожидании чего-то страшного. Раскаты автоматной очереди взорвались

как гром среди ясного дня. Хором взвыло все село. Детский плач, рыдание женщин и старух, мат стариков — все смешалось разноголосьем. Так народ отреагировал на гибель расстрелянных — председателя и бухгалтера, которые числились на этих должностях всего две недели.

Три молодые девушки, заламывая руки, бросились к скирдам, где лежали убитые. Бабы пытались удерживать девушек — около расстрелянных стояли в боевой решительности солдаты с автоматами. Девушки были дочерьми убитых и все равно кинулись. Спустя время опять раздалась очередь: теперь у скирды лежало уже пять трупов.

— Не дадут забрать и похоронить, — шепотом передавали бабы, — даже дочерей убили ироды.

Испуганный мальчик прижимался к матери. Они стояли, прислонившись к яблоне.

«Когда же наступит 14 часов, о которых заявил главный немец? — думал мальчик, — часы-то остались в доме!»

Измученный ожиданием, он не заметил, как заснул. Его разбудили громкие голоса, а также шум моторов мотоциклов. Немцы колонной двинулись из села к большаку. Замыкала вереницу легковая машина.

Люди еще долго боялись входить в свои хаты. Боязливо, то один, то другой заглядывали во дворы, окна. Когда стемнело, все уже были под родными крышами.

В доме мальчика все оставалось, как было. Немцы ничего не тронули. Более того, на столе лежали несколько банок консервов и круг колбасы. Мать подошла к столу и как-то автоматически стала собирать ужин.

— Давай вечерять, — обернулась она к сыну.

Уже засыпая, мальчик подумал: «Интересно, тетеньки закопали или нет?».

Так закончились шесть часов оккупации. Шел июль 1941 года. Больше в селе не было ни одного немецкого солдата за всю войну.

ОТВЕТНАЯ ОЧЕРЕДЬ

Старшина Зятков был далеко не «отец солдатам». Вечно придирался к молодым, ябедничал начальству, да и к тому же приворовывал. А к Степке-пулеметчику имел просто патологическую ненависть. То ли за его вечно улыбающуюся физиономию, то ли за готовность помочь любому нуждающемуся, то ли за его молодость, но факт оставался фактом — изводил парня старшина. И довел бы, наверное, до греха, если бы не молчаливый пожилой солдат, смоливший одну самокрутку за другой.

— Ты это, — прижал он к брустверу старшину, — отстань от парня. Добром прошу. — Его глаза недобро блеснули.

Тот кивнул головой, и солдат понял, что его слова не восприняты серьезно.

Сегодня обед запаздывал. Вернее, опаздывал старшина, который отвечал за его доставку на передовую. Еще утром Зятков с двумя солдатами отправился к походной кухне. Чуть позже немецкий снайпер ранил Степку. А еще командир взвода, после разговора со старшиной и явно с его слов, долго распекал старого солдата за якобы антисоветскую агитацию и паническое настроение, которое он распространяет среди личного состава.

Солдат, чертыхаясь, устроился у пулеметного гнезда и, чтобы успокоиться, стал протирать оружие. Вдали показались трое. Двое тащили обед во флягах. А третий шел вслед за ними, размахивая руками, это был старшина. Солдат чуть развернул пулемет, прицелился и дал очередь поверх головы Зяткова. Тот от неожиданности сиганул в сторону и плюхнулся в грязь. Полежал, прикрыв голову руками, приподнялся. Пули, тут же прошившие рядом землю, заставили его опять ткнуться в жижу. Так повторялось до тех пор, пока комвзвода решительно не дернул стрелка за рукав бушлата:

— Хватит, он, наверное, уже в штаны наложил. Да и догадался, что это не немцы.

Солдат привел пулемет в изначальное положение и принялся за самокрутку под одобрительные взгляды однополчан.

медаль юзика

Иосифу Качинскому повезло. Его, двенадцатилетнего мальчишку, спас артиллерист. Он вытащил его из-под печки, оставшейся от избы, которую сожгли каратели. Артиллерист был белорусом и оказался земляком Иосифа.

Это и определило дальнейшую судьбу подростка, осиротевшего в фашистскую оккупацию, — немцы сожгли всю деревню.

Спаситель, которого звали дядька Петро, добился невозможного: сироту оставили при батарее, определив сыном полка. Иосиф, Юзик, как звали его, жил вместе с солдатами в казарме. Ему справили военную форму и повелели находиться при лошадях, которые таскали артиллерийское оружие на позиции. Руководил этим делом дядька Петро. Спуску парнишке не давал, поэтому солдатскую пайку новоиспеченный сын полка отрабатывал сполна: кормил, убирал, чистил животных, попутно выполнял поручения командира орудия.

Прошло несколько месяцев. Однажды (они базировались в небольшом селении под Берлином) батарее пришлось принять бой. Немцы ожесточенно оборонялись. Необходимо было предупредить командира ар-

тиллерийского дивизиона о передислокации противника. С таким поручением отправили Юзика — благо штаб находился недалеко. Парнишка приказ выполнил, но, возвращаясь, получил пулю в ногу.

В госпитале ему сообщили новость: он представлен к правительственной награде — медали «За Отвагу», самой уважаемой в солдатской среде. Вручая награду, командир дивизиона сказал:

— Молодец, ты нам как взаправдашний сын, но рисковать мы тобой больше не можем. Поедешь в суворовское училище — тебе учиться надо.

Так Юзик оказался в глубоком тылу. Однако необходимость подчиняться военной дисциплине оказалась не по нраву бывшему сыну полка. Его взрывной, независимый характер никак не мог смириться с новой жизнью. Качинский убежал из училища. Мотался по городам и весям, беспризорничал. В конце концов, за мелкую кражу попал в милицию. Два года в детской колонии отбыл от звонка до звонка.

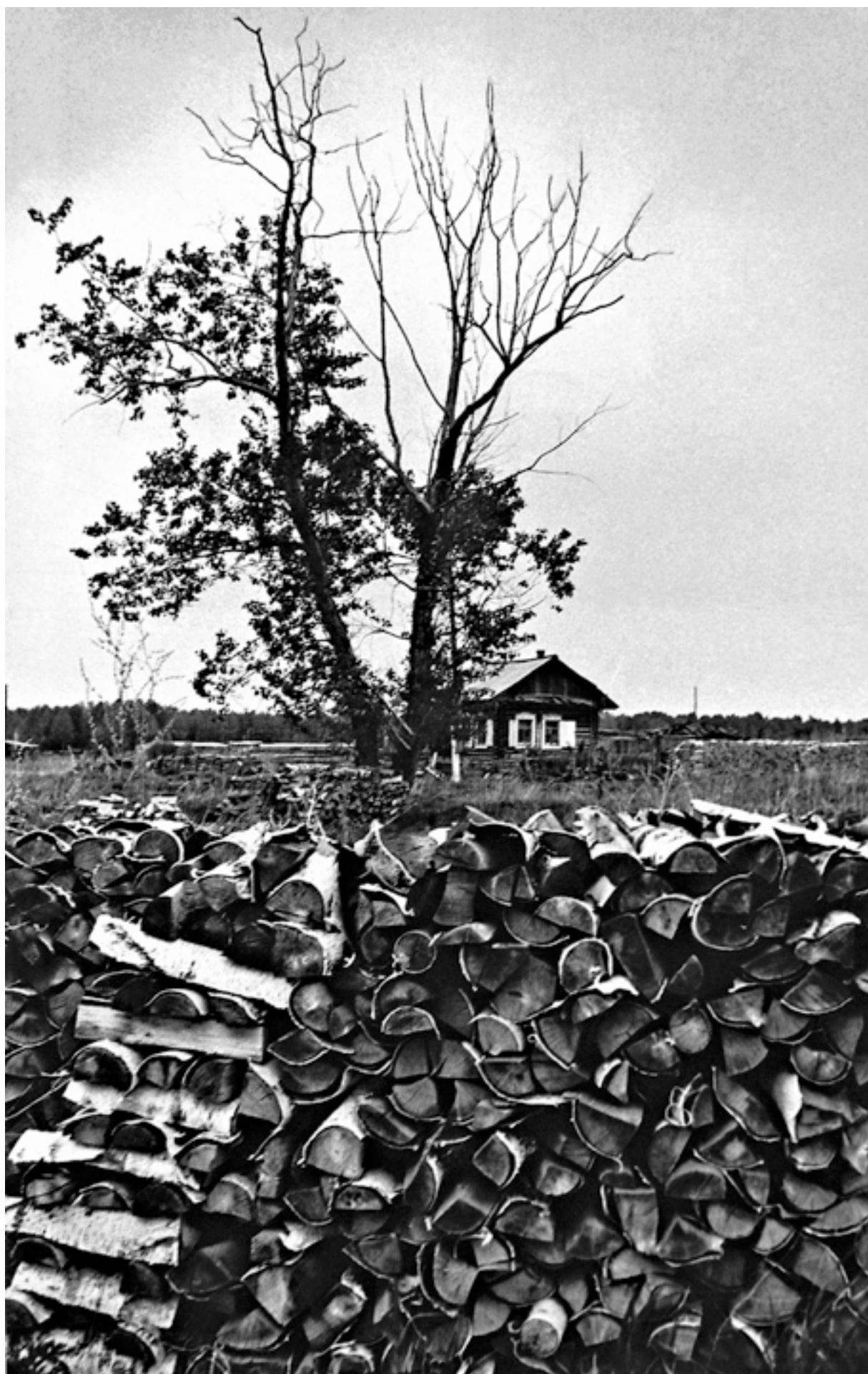
Кадровик лагеря, вручая сопроводительные документы, предложил пареньку идти в ФЗО (фабричное заводское обучение). Там давали рабочую профессию и, что самое главное, одевали и кормили за счет государства. Юзик согласился. Там он выучился на тракториста и отправился в далекую Сибирь осваивать свою профессию.

Работал в коммунальном хозяйстве. Женился, родились дети. О своем фронтовом детстве никому не рассказывал, кроме жены. Жена как-то во время празднования Дня Победы похвасталась профсоюзному лидеру, что ее муж был сыном полка и награжден медалью. Тот заинтересовался. Спустя некоторое время вызвал Иосифа к себе и спросил:

— Где медаль-то?

— Так в суворовском училище осталась, — развел руками Качинский.

Спустя год бывшему сыну полка торжественно вернули фронтовую награду. И имя Иосифа Качинского было внесено в списки участников Великой Отечественной войны.

☞ сергей мальгавко (фото)

алексей мехонцев

запах родной земли

иллюстрации автора

АЛЕКСЕЙ МЕХОНЦЕВ РОДИЛСЯ В ГОРОДЕ ШАДРИНСКЕ В 1944 ГОДУ. ДЕТСТВО ЕГО ПРОШЛО В СОВХОЗЕ ИМ. БУДЕННОГО, КОТОРЫЙ В НАРОДЕ ЗВАЛИ БУДЕННОЕ, СЕЙЧАС ЭТО ДЕРЕВНЯ ОКТЯБРЬ. ТАМ ОНИ С МАМОЙ АНАСТАСИЕЙ СЕМЕНОВНОЙ ЗАДОРИНОЙ, РАБОЧЕЙ СОВХОЗА, ЖИЛИ В ПРОСТОЙ ЗЕМЛЯНКЕ, ВЫРЫТОЙ НА БЕРЕГУ ОВРАГА, И ВСЕ ЗВАЛИ АЛЕКСЕЯ ЛЁНЕЙ ЗАДОРИНЫМ, ПО ФАМИЛИИ МАТЕРИ, ВПЛОТЬ ДО ОКОНЧАНИЯ ШКОЛЫ.

Он поступил в Шадринский автомеханический техникум и тут при оформлении документов узнал, что его фамилия по отцу — Мехонцев. После службы в армии окончил художественно-графический факультет Нижнетагильского педагогического института.

Два года вел уроки рисования и черчения в сельской школе. Десять лет преподавал в Шадринской художественной школе им. Ф.А. Бронникова. Доцент художественно-графического факультета Шадринского государственного педагогического института, в этом вузе он 13 лет обучал студентов живописи и композиции. Еще 10 лет работал художником-конструктором на Шадринском автоагрегатном заводе.

Алексей Мехонцев — член Союза художников и Союза писателей России, участник более 40 выставок в Шадринске, Кургане, Челябинске, Екатеринбурге и в Берлине. У него вышли несколько сборников прозы и стихов, однако, как сообщил нам автор, кроме родного Шадринска, его «опусов никто не видел».

ночная прогулка

Я приехал в родную деревню на побывку и с ночевой. Давно, больше месяца, не бывал у мамы. В конце ноября резко похолодало, аж до минус тридцати градусов. Но мама в горнице редко топит даже зимой. Двери в нее закроешь, на кухне затопит русскую печь. И потом на горячих кирпичах сидит греется да носки вяжет. Деревенским за молоко. Бартер — по-нынешнему называется.

А раз я остался ночевать, она взяла да истопила в горнице. Да вьюшку-то, видно, рано закрыла. Я слышу, что-то в ушах у меня или в висках затукало. Я подумал, что угорел, наверное. Отложил книжку, которую читал, оделся и вышел на улицу — подышать свежим воздухом.

Месяц уже высоко взобрался, завис над полями. Яркий, стоит на рогу — к холоду значит. Накануне тетка Прасковья говорила: «Опять на рогу народился, вот и стоит холод. Давно в ноябре такого не было». Побрел я по деревне в сторону землянок. Светло от яркого месяца и белого снега.

Поймал свои мысли на том, что какое-то двойственное чувство испытываю. Вроде все так знакомо с детства и в то же время почему-то кажется чужим. Не знаю, отчего это. То ли потому, что редко стал ездить на родину... То ли потому, что холодина... Нет тепла, не откликается душа.

Пошел я на то место, где родился, где вырос, где наша с мамой землянка была. Густые заросли дурбетнины-шишебарки, крапива, лебеда. Все былшем поросло. Тополь, что возле молдаванской землянки рос, высох от тоски или от старости. Умер стоя... Боль теперь одна от этого места. Грустная береза одиноко напоминает о нашем огороде. Стоит на склоне горки. Сквозь голые ветки посверкивают далекие звезды да остророгий светило-месяц. Отсюда открывается широкий просторный вид на поля и далекий лес. Единственное жилище здесь занимал лесник Казимир Витальевич. Но и он в этом году помер. Нет ничего вечного.

Постоял я, покрутил головой по сторонам. Тут катались с горки на лыжах и санках. Рядом на болотце или на плотине — на коньках-снегурках, прикрутив их веревками к подшитым валенкам. А сколько радости было, если кто-то из старших давал прокатиться на «дутьшах», на настоящих коньках, которые не разъезжаются в стороны, как снегурки. Несешься по тонкому льду, который аж прогибается, потрескивая. Возьмешь вставишь в коньки зажженные коричневые палки камыша. Бежишь, а от ног дымки развеваются. Привольно и радостно!

Вспоминается, как сидели у нас на русской печи с ребятами, когда мама дежурила ночью на птичнике. Сидим, грызем сухарики, а кто-нибудь рассказывает страшные истории про оборотней, жуть

берет. Холодок по спине. Или любили на железной буржуйке печь нарезанную пластиком и посыпанную солью картошку. Очень вкусные печенки. Обжигаясь, да ешь.

Постоял, погулял. Потом прошелся по улице, где жила наша баба Дуня. Тут тоже от улицы осталось два домика. Где усадьба бабы Дуни была, торчат три столба. Это были большие ворота и калитка. Пусто. Нет самого любимого моего места, где я вырос, где я вскормлен, где был любим всегда. Один раз мама положила на санки мешок муки и сказала, чтоб я вез его бабе Дуне. У нее семь девок было. Встретили меня Нюра, Маня да Валя: «Ой, Леня, чего это ты привез?» Я и говорю: «А чтоб не считали меня иждивенцем-то, что объедаю вас. Вот вам муки привез». Они смеются. «Вот молодец», — говорит баба Дуня, а сама кончиком платка смахивает слезу...

Где ты теперь, моя баба Дуня? В каких краях обретаешься? Отрада ты наша, всех нас, внучат, привечала, как родных детушек. Каждому нашла слово доброе. Каждому отдала всю свою душу, всю нескончаемую любовь свою... Мы тебя помним и любим...

Дальше бреду. Вот рядом Симаковская гора, на ней все наши детские зимы прошли. Допоздна, уже при луне, катались мы с этой горки. Теперь она какая-то маленькая, низкая стала. А тогда была длинная, летишь на санках — аж дух захватывает. А на лыжах через ямы (из них раньше глину брали) не каждый на смелится съехать. Страшно! Но мы отчаянные были. Да и стыдно бояться. Хоть и упадешь — не беда, себя этим не уронишь. Бывало, что носки лыж втыкались, и ты летел кубарем. Лыжи были самодельные, плохо крепились... Поднимался, отряхивался от снега, набившегося в валенки, за воротник, в рукавицы. Осматривался, и горю не было предела, слезы сами текли из глаз. Носки лыж были сломаны.

Мне дедо Семен хорошие лыжи сделал — носки хорошо были загнуты. Кринку сметаны за них деду отвез — мама наказала. Но недолго я радовался, сосед Сано Галунчиков, отчаянный хулиган был постарше меня, изрубил мои лыжи. Учился он плохо. Отец у него был без ноги, ходил на костылях и драл своего сынка как Сидорову козу. Галун, как звали моего обидчика, воровал у отца папиросы, курил сам и нас заставлял чуть не силой. Припугивал. Один раз сидели, покурили папиросочки «Прибой». Мимо пробегала Люба, наша ровесница. Прихожу домой, а мама меня голиком встречает. Да как начала драть, как начала понужать! Я сразу понял, за что. За курево. С тех пор не курил до армии. Техникум закончил в 18 лет. Мама как-то спросила, курю ли я? Я ответил, что нет. «Кури, если хочешь», — сказала мама. В армии я снова взялся за папиросы и лет двадцать потом пазил до одури. Но здоровье дало понять, что надо бросать. Бросил, уже лет двадцать не отравляю себя.

А судьба Галуна была такая. Уже взрослым он попал под поезд.

Стою на горке, а мысли в далеком детстве плутают. Светло тут. Думал, что и следов никаких не увижу, пятьдесят лет прошло с тех пор, но горка все так же утрамбована и укатана лыжами да санками. Помню, мы до поздней ночи тут катались. Обледеет вся одежда, весь в снегу. Думаешь, что вот последний раз скачусь и домой. А ребята все катаются и катаются. И опять остаешься. И так до бесконечности. Пока матери не прибегут за нами да не наругают, да шлепков не напощают. Дома одежду снимут с тебя, а она не гнется, коробом стоит. А когда оттает, сникнет, упадет, станет мокрой. Вот тут мать еще добавит «на орехи»...

Пошел я по твердой лыжне, что ведет на кирпичный завод. Там мы уж подростками катались. Да в овраги ходили. Или сделаем трамплин из снега и летаем как птицы с него. Вот тут-то лыж было поломано! И школьных, и своих. А в оврагах и вовсе. Это уж на любителей острых ощущений — на смельчаков. Бывало, еле возвращались со сломанными лыжами, но на своих ногах, слава Богу.

Постоял опять, повитал в облаках воспоминаний, посмотрел на далекие бугры и побрел обратно.

Ночь светлая... Звезды яркие, перемигиваются. Висит надо мною ковш Большой Медведицы. И Млечный Путь запутался в ветвях высоченных тополей, как я в этой ночи...

Вокруг ни единого огонька. Пустота. Лишь внутри еще теплится огонек воспоминаний о детстве, о родной стороне, о маме, о бабе Дуне.

Побываю я на миг в родных краях, всполохами озарят память картины детства, отрочества или юности, и опять я уеду надолго от всего светлого и доброго...

реможник

Из детства мне очень ярко запомнился такой праздничный день, когда в деревню приезжал «реможник». Это ездил по деревням на лошади, запряженной в телегу, пожилой мужик и собирал ремки, цветной металл — какие-то пришедшие в негодность предметы быта — самовар ли, котелок ли. С его приездом мир будто расцветал. Все обычные дни начинали сверкать яркими красками. Привычную тишину будили звонкие свистульки — «пташки-пикушки». Мужик сидел на сундуке, а сзади возвышался ворох всякого тряпья. Откроет свой сундучок сказочный, и засветится округа переливами разноцветных шелковых ленточек — девчонкам, цветных резиновых шаров — ребятишкам помладше. А старшим — цветные «пташки-пикушки». Женщинам — клеенку с различными узорами или платки и яркими малиново-красными розами да зелеными листьями на черном поле. Мужикам — диковинные городские тонкие па-

пиросочки пачкой или «на штуки». А то и крючки рыболовные всяких размеров.

Тащим ему разное ненужное тряпье, а порой еще и могущие послужить вещи, лишь бы пикушку получить или крючок рыболовный настоящий — «базарский» («сглотишь») и кусок лески. А то, бывало, мы ловили гольянов, сделав крючок из булавки, но без зазубрины, поэтому гольяны часто срывались. А леской служила обыкновенная нитка.

Всем находился у «реможника» предмет по душе. На следующее утро в разных концах деревни раздавались соловьиные трели «пташек-пикушек». Праздник для ребятишек продолжался.

Вот и я, выросши, решил изготовить такие свистульки. Только каждую наделить своим видом необычным, чтоб запоминалась ребенку. У меня тут собрались все домашние животные, больше преобладают круторогие и норовистые бычки, барашки блеющие, потерявшие свой дом, и кони златогривые, и русалки волоокские, и коты-котовичи, ухмыляющиеся в усы, и самодовольные индюки, и птички-попугайчики, и петушки с курочками. Всего насочинял, нафантазировал, да только никто не берет мои поделки. Нет денег у рабочего человека. Товары же, все больше иностранные, заполонили рынок. Разные супермены с автоматами и пистолетами, коих по телевизору показывают, где одни жестокости да убийства, — этим всем товаром снабжают. Почему это нравится современным детям?..

А вот изделия современного «реможника», то есть мои, почему-то не привлекают их. Нет спроса... Поэтому меня можно с твердой уверенностью назвать настоящим реможником без кавычек...

в овраге

Вечера стоят длинные, тихие и светлые. Пишу у окна. Лампу так и не включаю. Белые ночи начались.

Последнее время керамикой увлекся. Делаю из глины свистульки. Нашел хорошую глину. Как пластилин, нежная. Любому движению руки подчиняется. Копаю глину в овраге, а кругом березки молодые стоят. Зелень листьев еще не потемнела. Чисто, светло и солнечно — как в русской горнице. Все цветет и благоухает. Медом напахивает от медуницы. В голубых венчиках цикория летнее небо звенит. Вершины берез мерно покачиваются, выметая с синевы небес белые облака. Но сожмется болью сердце, что красота эта может исчезнуть, когда придет зима-зима с холодными метелями и беспросветно серыми днями...

А пока что светлая радость переполняет мою душу от каждой травинки, цветка или деревца с трепетными нежными листочками.

встреча с родной стороной

«Икарус» идет на повышенной скорости. Кажется, что это не автобус мчится, а лента асфальтированной дороги летит навстречу ему, падает под колеса и снова взлетает сзади, скрываясь за поворотом в березовом перелеске.

Не доехав до конечного пункта, выхожу из автобуса на остановке в Максимово и последние пять километров иду пешком через лес, напрямую, по полевой дороге. Как в юности, когда автобусы к нам в Буденное не ходили. Утро бодрит прохладой. Шагаю сквозь поросль стройных берез. Их чистые, белые с розоватым оттенком стволы, кажется, излучают прохладный свет. Эту тишину нарушают только мои шаги. Грудь распирает радость от скорой встречи с родной стороной. Иду мимо набухших весенней влагой полей.

И вот я стою на высоком бугре, а внизу, вдоль речушки, цепочкой растянулись белые шиферные крыши вперемежку с железными, крашенными суриком. Возле старых полузаброшенных избушек на окраинах высятся тополя. Оттуда доносится утренняя перекличка петухов. Изредка незлобно пролает собака, да протяжно замычит буренка.

Нынешняя весна и начало лета не балуют нас теплом и ясным солнышком. Постоянно бороздят небо низкие облака. Бывает, пролетают «белые мухи».

Переживает хлебороб, как уродит земля в этом году? Хоть и говорится в пословице: «Май холодный — год хлебородный», но как-то будет на самом деле?

Вдыхаю запах родной земли. Он словно поднимает меня на крылья и уносит в далекое детство, где по вечерам витали мечты и сказки возле горящего в темноте костра. Уносит в светлый мир, наполненный теплотой материнской ласки. Шершавая ее ладонь нежна и тепла, оберегает от лихолетья Времени.

В молдаванском краю

Рассказывает моя мама:

— Когда ты перешел в пятый класс, я продала нашу землянку, а купила саманный беленький домик в молдаванском краю. В 1951 году много молдаван раскулачивали и выселили к нам в Зауралье. В совхозе им. Буденного целый молдаванский край вырос из белых хат-мазанок.

Райляны, наши соседи, вспоминали, что у них был свой магазин в родном их краю. Но власти кон-

фисковали их хозяйство и отправили в Сибирь, то есть к нам. А жить негде у нас. Квартир нет. Свои рабочие жили в землянках. Молдаванам давали ссуду на самостоятельную постройку дома. Они оказались людьми умными и работающими. Семьи у них были большими. Но строили они себе дома не из рубленого лесу, какие в Сибири строят, а такие, как они у себя в Молдавии делали. Нарубили жердей, из них сделали хату, да с обеих сторон глиной уляпали. А деньги (ссуду) на скотину истратили. Завели корову, овец, кур, гусей, уток. Работали они, сил своих не жалея. Были к единоличному труду приучены еще у себя в Молдавии-то.

Саманные дома — это когда смешивали глину с соломой. Перемешают все и наполняют этим формы. Получались большие кирпичи. Кирпичи эти сушили на солнце в штабелях, а потом строили из них дома.

Вот в таком домике мы с мамой и жили. Очень холодный он был. Не для наших сибирских морозов. Промерзала глина и не держала тепло. А летом в нем прохладно, не вспотеешь. В нем была маленькая кухня с камином и русской печью. Лежанка такая, что одному взрослому человеку и то трудно поместиться. Мы с ребятами грелись на печи попеременно.

Витя Кулаков и другие ребята частенько ходили к нам ночевать, когда моя мама на конном дворе в ночь дежурила. Он любил рассказывать нам страшные байки об оборотнях. Много их знал. С вечера мы обитали в конюховке у камина и пекли печенки или помогали маме раздавать корм лошадям. Напоим их, а потом уж убегали к нам домой. Истопим печку, нажарим картошки, наедемся. Вначале тепло станет, но потом тепло куда-то быстро исчезало, особенно зимой в сильные морозы. Не знаю, как молдаване десять длинных зим выдержали в своих саманухах. Мы забирались вчетвером на кровать, размещаясь «валетом», закрывались одеялом с головой. Рассказывали разные байки да страшные истории. Так и засыпали.

Бывало, только уляжемся на кровати, как кто-то застучит в окно. Мы дрожим, спрятавшись под одеяло. Это кто-нибудь из старших ребят пугал нас, зная, что мы дома одни.

Мама нет-нет да вспомнит:

— Мне часто снится наш саманный домик, будто опять в него переезжаю. Он хоть и холодный был, а я почему-то часто во сне его вижу. Там сейчас строят новые дома на нашем-то месте. Все наши сады, что мы с тобой садили — и яблоню, и черемуху, и вишню — все бульдозером сравняли с землей... Ничего не осталось. А домик этот беленький так и стоит у меня в глазах... Тятя потом сенки к нему пристроил, а сенок-то не было вначале. Камолый какой-то был. У меня там и землянка была для коровы с курицами. И огород хороший. Все ладно росло. Потом ты ушел в техникум учиться, дак я продала корову-то. И в армию тебя из этого домика провожали. Ты девок приглашал и ре-

бят. Вечеровали. Пластинки на радиоле крутили. Наверное, все ведь помнишь? На другой день пошли тебя провожать. Сашка Задорин был гармонистом. Здорово пели частушки:

Эх, матаня, встань поране,
Вымой лавочку с песком,
Повезут меня в солдаты,
Ты заплачешь голоском.

Из армии-то ты уж пришел в эту вот избу-то, в деревянную.

Из молдаван-то мало кто остался здесь. Один разве Митя Чорной. Ему у нас прозвище дали — «Грязной». Все на прозвищах. Мити уж нет в живых. Он в двух квартирах совхозных жил и везде сады наоставлял. Молдаване все любили сады разводить. И пчел держал, и скотину всяку. Хорошо жил. Женат был на учительнице Валентине Гурьяновне...

Молдаване все поужали, когда их отпустили домой. По десять лет им ссылки давали. А жили они тут обособленно, в вечном труде. Честно, добросовестно отбывали свой срок, хотя Сталин давно уже умер.

В космосе летали спутники с собаками Стрелкой и Белкой, побывал там и первый человек — Гагарин. А молдаване все еще жили в холодной Сибири, вдали от своей виноградной Молдавии.

Как они тут оказались у нас — это надо товарища Сталина спросить. Он, «отец наш», очень любил эти пересылки: евреев — в Биробиджан, на Дальний Восток, татар — из Крыма, немцев из Поволжья — в Казахстан, Чечню — в Сибирь. Русских — на Колыму и в Магадан. Молдаван из Молдавии в Зауралье. Так они оказались в нашей деревне. И были расселены по всей Курганской области.

В северной части совхоза им. Буденного вскоре по ту и другую сторону лога засверкали белизной молдаванские хатки. Земли у нас было много. Чернозем. От молдаван мы научились выращивать и кукурузу, и кабачки, варить мамалыгу. Соседи они были очень добрые, отзывчивые на чужую беду, скорые на помощь. Угощали нас посылками, приходившими им из Молдавии — урюком, грецкими орехами.

А потом вот уехали, когда их отпустили домой. После 1967 года молдаванский край исчез... Теперь они приезжают строительными бригадами в наш совхоз. Строить нам свинарники. Мы сами, видимо, так и не научились. Они зарабатывали денег за лето на машину или на дом.

Весной и по ту, и по эту сторону лога, где когда-то белели выбеленные хаты, теперь буйно растут крапива, репейник, кое-где еще цветут старые кусты черемухи да белоснежные яблони.

маму жалко

Шел 1953 год. Первый год мы живем в молдаванском домике, распрощались с землянкой. Переехали в молдаванский край. Тут я никого не знаю. Скучновато в незнакомом месте. Все мои дружки остались там, в землянках. Я заберусь на тесовую крышу нашего беленького домика и сажу, посматриваю с высоты — где ты там, мой «земляновский» край. Тоскую по заветным местам. Смотрю, смотрю — не бежит ли кто ко мне из приятелей в гости.

Начало марта. Нас, третьеклассников, учительница заставила обшивать свои галстуки черным материалом. Принесла иголки, нитки, черную атласную материю, настригла полоски и велела ими обшить галстуки, сама куда-то ушла. Мы, особенно мальчишки, никогда не державшие иголки в руках, взобрались на парты с ногами и принялись за портняжное дело. Корпим, соплями швыркаем. Девчонки куксились, слезу пускали да размазывали. А ребята хмурились только, обшили галстуки и на улицу.

...Умер Сталин. На школе и конторе висели обшитые черным красные флаги. Занятия отменили, но домой не отпускали. Велели оставаться. Возле школы, на солнечной стороне, уже подсохла земля. И мы с ребятами стали тут играть «об стенку». На пятаки. Ударяешь пятаком об стенку — пятак отлетает. Потом другой ударяет своим пятаком. Если заденет твою денежку, то забирает. Если рядом упадет, и, растопырив пальцы, ее могут достать, то она тоже исчезнет. Азартная была игра, обо всем забывали.

Смотрю, мама моя идет. И я побежал к ней. Лицо бледное, а рука забинтована до локтя и подвешена на черном платке. Погладила меня по голове здоровой рукой и заплакала. Я тоже в рев.

— Поживи пока у бабы Дуни, — сказала она, я в город сейчас поеду, в больницу.

Вернулся я к ребятам зареванный. Потом уж узнал, что руку мамину в силосорезку затянуло. А ребята думали, что я из-за Сталина реву. А мне маму сильно жалко было. Мы же с ней вдвоем жили.

банька по-черному

У деда Семена с бабой Дуней было семь девок и один сын — Сергей. Я его не видел ни разу. Его на войне убили под Сталинградом в 1942 году. А я родился в 1944-м. У бабы Дуни в горенке висел портрет дяди Сережи в военной лейтенантской форме. В рамке в овальном паспорту, под стеклом. Я часто слышал от своей родни, что я сильно похож на него: «Ты, Леня, вылитый наш Сережка! И нос и губы, как у него». Я очень гордился, что похож на дядю Сере-

жу. Он был для меня героем на фоне нашей обыденной неказистой жизни.

Тетка Прасковья была старшая дочь в семье Задорина Семена. Замуж ее отдали рано, за Юрина Ивана из деревни Любимовой. Он с финской войны пришел раненый. У него легкое было проткнуто штыком. На Отечественную его уж не взяли.

После они переехали из Любимовой в совхоз им. Буденного. Построили землянку. Ближе к центру не было места. Они построились в сторону Понькинской дороги, за логом. В логу чистая вода текла. Кругом били ключи. Это сейчас все загадили поросычей парашей. Вонь одна от логов-то идет. И все засыхает в округе — и березы, и осины, и кусты черемухи, и тополя.

У дяди Вани землянка была длинная. Зайдешь в сенки — все полки заставлены деревянными колодками для обуви. Он чеботарь был. Обувь шил. И ремонтировал. Дальше заходишь — его мастерская со столом у окна. Пахнет кожей, варом, резиной, клеем резиновым. За ней — кухня и горенка. Вот это в земле. Но окна выходили на юг. Тепло было, уютно и просторно. Даже не замечалось, что это землянка в горе вырыта.

Землянки крыли пластами — земляным дерном. Рядом были колодец, гряды с огурцами, морковью, луком, капустой, редькой, горохом, бобами, калягой и подсолнухами. У лога все хорошо росло.

Каждую субботу вся семья деда Семена и бабы Дуни шла мыться в баню к тетке Прасковье и дяде Ване. Почему дедо Семен долго не мог построить свою баню для такой большой оравы, я так и не знаю до сих пор. Когда всех дочерей отдал замуж, только тогда и построил. Баня у тетки была тоже в горе, тоже землянка. Топилась по-черному. Даже предбанника не было. На крыше росла высокая трава лебеда.

Двери и косяки были черные от дыма, валившего из бани через дверь. В первый жар ходил Иван Павлович — муж тетки Прасковьи. Париться любил. Или шел дедо Семен с бабой Дуней. Часто меня брали с собой. Я сидел внизу на лавке, а дедо на полке. На каменке были наложены всякие чугуняки, на которые баба Дуня плескала воду — поддавала жару дедку. Он тоже очень любил париться. До изнеможения хлестал свое худощавое, изрубленное тело, свои косточки.

Мама рассказывает: «Наш тятя пил чай ли, хлебал ли похлебку — все с пылу, с жару — с огня, крутящий был мужик, особенно в работе. А есть любил только горячее. То и зубы-то и выжгал. А у бабы Дуни все зубы до единого были целы, допоследу. Она восемьдесят годов прожила. Она все говорила, что пусть остынет, пусть охлынет немного. Даже пельмени не ела горячие, остужала. И у меня все зубы. Ты вот тоже по мне. Береги зубы-то».

Предбанника в баньке не было, поэтому осенью и весной неудобно было раздеваться и одеваться — холодно. Всю лопоть — одежду с обувкой оставляли на улице. А зимой скидывали только верхнюю одежду.

После бани шли к тетке Прасковье. Сидели, ждали, пока дедко напарится да намоется. Потом выбирались из лога по скользкой горе, еле-еле, бывало, заберемся. И в дождь, и в слякоть — когда первый мокрый осенний снег идет. И в летние благодные вечера, и в зимнюю уютную стужу, и в бураны ходили в эту баньку по-черному. Заметет все переулки вровень с огородами, вот и лезешь по сугробам по колено, торишь дорожку. И баньку заметет, сравнивает вровень с землей. Откопают, огребут. Истопят. И опять можно мыться да париться. И так до следующей субботы.

Зимой рано темнеет. Мылись при «мигушке» — лампа керосиновая без стекла. Когда я в школу пошел ходить, то мылся уже в бане с мужиками. Ничего не осталось от тех мест, где жили люди в землянках. Одна гора осталась горой, да высокие тополя, густо разросшиеся, напоминают о том, что тут когда-то жили... И никто теперь не навещает их, одиноких...

Лишь мой друг детства, тоже выросший в землянках, Петр из Омска, как святой апостол, раз в десять лет бродит ночью порой при усмевающейся полной луне, тревожа чуткий сон ворчливых грачей, отдыхающих на старых тополях перед отлетом в дальние теплые страны.

СЛЕЗИНКИ ВЕСНЫ

Приехал я на выходной к маме в деревню. Сидим за столом. Солнышко пригревает сквозь стекло.

За окном тихий зимний пейзаж: дома, сараи в белых шапках, заборы увязли в сугробах, тополя стоят безучастно ко всему на свете. Лишь воробышки на кустике черемухи спокойно переговариваются да ерошат перышки.

Бывает, сидишь вот так и с нетерпением ждешь чего-то...

Чуда что ли?..

Солнце многоцветно помигивает искорками снежинок.

Хотя и не чудо, но умиротворение приходит... Невольно улыбнешься увиденному. Огромный лохматый соседский пес Мишка тянет под утор поваленные набок санки, а за ним весь в снегу неуклюже ковыляет мальчишка лет пяти и старается ухватиться за санки — падает, спешит подняться. Пес неожиданно останавливается у большой желтоватой глыбы снега, обнюхивает ее.

Тут и настигает его наездник: ставит санки на полозья, подходит к собаке. Мишка пытается лизнуть мальчика в лицо, но тот отворачивается и, поправив ошейник, тащит пса с великим трудом обратно в горку.

Совсем как в моем детстве. Где ты, дружная и вольная послевоенная безотцовщина?..

Вдруг за рамой точно клинком кто-то взмахнул — раз, другой. Неужели капель? Не поверил, стал ждать.

Но так и не дождался... Показалось, решил.

Наверное, две слезинки весны скатились, как будто из глаз моей мамы, что сидит за столом напротив меня и задумчиво-озабоченно смотрит на своего непутевого сына-мечтателя...

НА ВОЛЕ

Собрав рисовальные принадлежности, отправляюсь в сторону Исети, посмотреть широкий весенний разлив. Зову с собой Динку — соседскую собачонку. Она часто со мной прогуливалась раньше, но в последнее время ее что-то не видно было. А сейчас она нагоняет меня, и мы идем рядом.

К вечеру солнце садится красное, тревожное, прячется в синей хмари. По всем приметам предвещает непогоду или ветры. Переходя с бугра на бугор, смотрю по сторонам — выбираю мотив для работы.

Динка увидела бурлящий ручей, вытекающий из распадка оврага. Забежала в воду, легла на дно, катается, охлаждает себя и отяжелевшие от молока сосцы. Щенята у нее, видать, появились, вот она и сидела все дома, никуда от них не отлучалась. Теперь же щенки подросли, и она решилась прогуляться со мной. Встанет из воды, походит по ручью, резво выскочит на берег и давай отряхиваться, только брызги во все стороны летят. Отряхнется и ну бегать, носиться по речке как угорелая. Летит, прижимаясь к самой земле, резвится от прилива сил и бодрости, от ощущения свободы и необузданной воли...

Вдруг остановится, начнет осматриваться, крутить головой. Я тоже останавлиюсь, прислушаюсь. Да это же журавли курлычут, домой возвращаются? Летят высоко...

Динка уже бежит к Исети, заведя прохаживающихся по берегу чибисов и чаек. А то вспугнет табунок уток, качающихся на волне недалеко от берега. Ринется за ними и, заскочив в воду, остановится, следит за их полетом. Пройдя несколько шагов по воде вдоль берега, выбежит на сухое место и затрусит по речке, перепрыгивая мелкие ручейки и лывинки. Ну, никак на месте не сидит! Наслаждается свободой. Ищет чего-то. Принюхивается к каждому свежему бугорочку черной земли, вырытой кротом.

Наконец я выбираю место и начинаю работать — пишу весенний вечер с сизыми далями, где высятся тополя и едва виднеются крыши домов. Пишу час, другой. Ничего не замечаю.

Динка то побежит в направлении к дому, то опять вернется ко мне. Посмотрит жалобно — умоляющими желтыми глазами, повилает хвостом, словно спрашива-

вает разрешения уйти домой. «Что ж, иди, вон твой дом, — показываю в сторону нашей деревни, — одна дорогу найдешь. Я еще не закончил работу».

Динка, словно поняла мои слова, побежала, принохиваясь к невидимым следам на начинающей зеленеть траве. Инстинкт сильнее воли и свободы...

ЭТЮД С ВОРОНЫМ ГНЕЗДОМ

Вчера опять после работы ходил весну рисовать. Кое-где остались сверкающие на солнце лыжины. Весенние воды все еще не вошли в берега. Вот эту воду, с затопленными охристыми, освещенными вечерним солнцем кустами, я и решил написать.

Особенно долго не удавалась вода. Замерз. У реки пока еще прохладно. Да и ветерок.

Что-то уж очень грустная получилась у меня весна. Краски серо-холодноватые. Нет ярких, звучных тонов. К тому же и солнце закрыло низкой облачностью. Долго бился над этим этюдом, пытаюсь сочетать краски, чтобы добиться цельного впечатления. Передал ли я весеннее настроение? Или стало похоже на осень? Но ведь и весна бывает разная!

На душе моей сегодня как-то зябко и одиноко, пасмурно и тяжело. Значит, созвучно настроению сегодняшней весны. Акцентом этюда стало гнездо на кустах. Рядом посиживают две вороны, вернее, одна на суку над гнездом, а у второй только хвост торчит из гнезда. Вот этот весенний момент и дает надежду на будущее: жизнь продолжается, несмотря ни на какое грустное настроение. Раз птицы не боятся холода, значит, и люди должны надеяться на скорое тепло.

перед отлетом

Неугомонный ветер пронесет тяжелые тучи. И небо очистится, засияет осенней синевой с напряженно клубящимися у горизонта облаками, на фоне которых станут заметны парящие в вышине птицы.

...Домашние раскормленные гуси, увидев вольно летящих в голубом просторе братьев своих, тоже поднимутся на крыло с бугра при сильном встречном ветре и, громко гогоча, летят в сторону реки. Едва долетев, снижаются, скользят по воде, выставив вперед красные перепончатые лапы. На воде они еще долго размахивают крыльями, громко гогочут и вытягивают шеи. Еле утомившись, прихорашиваются, поправляют перышки, гордые и довольные собой.

Грачи перед отлетом собираются в стаи, кружат над побуревшей землей, над облетевшими тополями и темными от частых дождей домами. Громко и отрывисто раздаются частые птичьи команды, требующие подняться на необходимую высоту или не отставать от всех, перестроиться из колонны в шеренгу или наоборот. Птицы стараются исполнить требования: то падают в стремительном пике и почти перед самой землей снова вздымают вверх, то поднимаются высоко-высоко и станут едва заметными точками. А то упрямо полетят против резкого ветра, снижаясь до самой земли и чуть не задевая крыльями траву. То опускаются на деревья, то на поскотину за деревней. Отдохнут и снова по команде взлетают. А то снова садятся — видимо, кто-то не выполнил команду. И опять срываются разом. Так целый день, бывает, идут неумолимые тренировки в освоении команд и фигур «высшего пилотажа».

День за днем взрослые птицы обучают летать новое поколение в едином строю. А со временем собираются они в большие стаи, чтобы всем вместе, а не по одному, преодолевать невзгоды и длинные расстояния на пути в заманчиво-сказочные теплые дальние страны.

пасмурные дни

Дождь начал лить в субботу вечером. Шел всю ночь и все утро. К полудню постепенно затих. В это затишье я и решил на речку сходить. Посмотреть, как там на природе. Вдохнуть вольного ветра, а может, и порыбачить, если повезет.

Земля напиталась влагой, раскисла. Грязь стоит непролазная. Рано темнеет. Едва доберешься до дому.

Бредешь, только брызги летят да сапоги чавкают. Ноги скользят, разъезжаются в стороны.

Чтоб отвлечься от неприятных дум, набраться новых сил, беру удочки, зову с собой собаку Динку, и мы отправляемся на реку.

Вот она наша речка Исеть, текущая в осенних ржаво-желтых зарослях ивняка. Разлилась по поскотине-то как! Воды-то, воды! Порой и веснами бывает меньше. Какая ширь! А ветер холодный, налетает порывами. Облака серые, тяжелые, у горизонта темно-синие. Не плывут, а, кажется, наваливаются, готовые все светлое и звучное раздавить, все смести, неуютное им... Время почти остановилось... Волны бегут, сверкая стальным отливом.

Закинул удочку, жду поклевки. Клева совсем не видно. Поднимешь удилище, а рыбка уж на крючке сидит, не упирается и не трепыхается в воздухе, не серебрится — висит как мертвая...

Динка не бежит по речке, не резвится, как весной, не радуется простору и свободе. Вдруг вовсе куда-

то исчезла. И я не рад своим редким чебачишкам. Померз, попрыгал у реки часа два. Думаю: «Хватит рыбачить, надо собираться домой, пока не застыл совсем».

В холодный пасмурный день, видно, и простор не радует, не утешает... А придешь домой, согреешься, отмякнешь и все равно с благодарностью вспоминаешь проведенное на воле время.

пришла зима

Как-то, возвращаясь холодным осенним вечером, я заметил на застывшей земле бабочку. Осторожно взял ее, положил на ладонь. Коричневато-кирпичного цвета крылья с темными и белыми пятнышками не двигались. Тихонько сомкнув пальцы, чтобы не помять эти хрупкие крылышки, я опустил руку в карман пальто и зашагал быстрее.

Прихожу домой, с нетерпением раскрываю ладонь — бабочка лежит все в том же положении и не подает никаких признаков жизни. Я опустил ее на табурет. Поставил его рядом с печкой.

Пужинав, накормил кошку и устроился возле печки с книгой. Тут вспомнил: «А где же бабочка?» Стал искать. Ее нигде не было. Заглянул под каждое полено возле печки — нет бабочки. Подумал, может, кошка съела, пока я ужинал.

Сижу, читаю. Смотрю, Муся принохивается к полу. Будто мышку почуяла. Оттащил Мусю в сторону, отвернул половик. Так вот она где, беглянка! Ожила!

Бабочка уже шевелила усиками-антеннами. Крылья волочились по полу. Она едва-едва передвигалась, припадая на бок. Поднял ее и решил положить на ночь в книжный шкаф, за стекло, чтобы Муся не съела.

Утром встаю, первым делом сразу к шкафу. Туда сюда... Не видно бабочки. Куда подевалась? Отодвинул стекло, вытащил несколько книг с одной стороны. Потом с другой. Вот она! В угол забила. Достāju, посадил на ладонь. Бабочка пошла по руке, неслышно вспорхнула и полетела. Штора у одного окна была откинута. Оттуда проникал в комнату мягкий утренний свет. Бабочка и устремилась на этот свет. Тихонько подхожу туда. Глянул в окно, а там белым-бело.

Зима пришла! Вся земля укутана пуховым платком. Солнышко озарило синеву первого снега, он запереливался разноцветными искорками.

А бабочка сидит на оконной раме и тоже удивляется этому чисто-нежному первому снегу. Часто так шевелит крыльями, будто хлопает в ладоши от радости. Раскроет крылышки, а узоры на них просвечивают, горя, словно на витраже.

ЖИВЫ ТРУДОМ СВОИМ

Третий день идут проливные дожди. Днем темно и сумрачно, как вечером. Осень наступила с началом сентября. Первого сентября даже снег пошел — снежишки. Холодно стало. Пришлось печку топить. Чуть перестал дождик, и я решил в огород сбегать. Надел сапоги, штормовку. Дождь будто увидел меня и припустил с новой силой. Я нарвал моркови, огурцов, что остались из последних, кочан капусты скороспелой — аж треснул, один кабачок. Тыквы еще растут — но такие громадные, что одному не поднять, наверное. Еле дотащил до дому ведро. Опять заломило спину — огород у нас далеко от дома, километра за полтора будет. При новом режиме — при капитализме — я стал безработным. Не нужны мы стали со своим творчеством. Нет спроса на труд. И хороших перемен не предвидится. Грустное время. Вот я и занимаюсь выращиванием подножного корма, чтобы выжить в дико безденежное время.

На днях мама позвонила, говорит, что помидоры наспели. Я ей теплицу сделал. Надо навеститься к ней. Две курицы нынче у нее выпарили цыплят самостоятельно, где-то в крапиве. И привели домой. Время к осени. Поздние цыпушки. Надо за ними ходить, кормить да выращивать. Теперь маме никуда не выбраться будет из дому, боязно бросать маленьких. Даже в лес не убежать — по грибы или по ягоды, по вишенье, боярку или шиповник. Она мне полную сумку всего набила. И помидоров, и грибов соленых, да еще яичек положила.

От нее я в то же утро и уехал. Она, как всегда, меня провожала до остановки. «Книгу-то написал?» — спросила она неожиданно. Я достал и подал ей. Она посмотрела картинки, ничего не сказала. Не до того ей, видать, было. Собака Цыган у нее потерялась. Она его по всей деревне искала. А он в садике, где смородинка, лежал несколько дней. Он такой старый стал, что ослеп и оглох. И нюх потерял. Куда уйдет, назад вернуться уже не может. Огорчалась мама, что под окном одна яблоня высохла, я спилил ее. Черемуха тоже посохла. У тополя ветки на вершине появились сухие... Напоследок она сказала мне: «Айда с Богом!»

...Перед дождями я убрал лук, два мешка привез. Лук крупный вырос. И картошку выкопал, тоже хорошая. Хоть и рано ее брать, считают, но не захотелось мне в грязи да холоде ковыряться. Мешков восемь накопал. И сухую спустил в погреб. Теперь радуюсь, что не поддался на уговоры не копать рано.

Грязь стоит непролазная, уже неделю мочит каждый день.

Вспоминаю, как я весной все это сажил в огороде. Посадил я огурцы на землю. Уж все сроки прошли. У людей-то на навозных грядках уж цветут огурчики

вовсю. Думаю, не дожидаться мне своих огурчиков. Только взошли, смотрю — кто-то стал их съедать. И соседи тоже замучились их высаживать. Кто-то съедает, то ли мыши, то ли козявки какие. Много их нынче развелось. А я все подсаживаю да подсаживаю. Смотрю — начали отрастать. Только дождусь ли плодов? Зацвели — и все пустоцвет. Стал поливать каждый день. А такая жара да сушь настала, что земля стала трескаться. Уж пора окучивать картошку, а дождя все нет и нет. Но смилостивился Господь — таких ливней послал, что у меня три луны с огурцами смыло. Свеклы полгряды только осталось. А по картошке такой овражек вымыло, что и земли неоткуда взять, чтоб засыпать. Я раза три принимался после ливня окучивать картошку, но припустит опять, я с поля бегом под кусты. Пересижу. Как перестанет лить — я опять продолжаю окучивать. Да такая картошка наворотила, что соседи завидовали, видно, не постарались окучить.

Уж сентябрь наступил, а огурцы у меня и растут, и растут. Видимо, не зря я тут гнулсЯ. Мы с женой уж два десятка банок засолили. Знакомым в город давали.

Мы сидим с женой ужинаем — едим жареную картошку. Размышляем: «Вот, все надо делать с радостью да со старанием, тогда и получаться все будет».

Вспоминаю мамины слова, когда я в школу в первый класс пошел. Она вышла из землянки за мной, проводила до ворот. И, перекрестив меня в спину, сказала свое неизменное: «Айда с Богом!» Я довольный побежал в школу. На боку холщевая сумка болтается. Ходил в школу с удовольствием, любил учиться, знаний набирался, а куда это все? Надо было хитрости набираться да о выгоде думать.

Да только мне такая жизнь не по нутру. Не уважаю я таких людей, хоть и живут они припеваючи.

Да Бог им судья...

ЦВЕТЫ ВДОВАМ

На 9 мая я всегда старался приехать к маме. Огороды уже вспаханы, садим картошку. Садить — не копать. Быстро разбросали. До обеда управились. Смотрим — тетка Прасковья с дочерью Марией все еще салят. Пошли с мамой к ним. Я взял лопатку. Мы с Машей копаем ямки, а мама с теткой бросают картофелины. Хорошо, когда много помощников. И тут быстро управились.

Тетка давай на стол собирать. Все-таки праздник сегодня — День Победы! Хоть и не радостный. Пришел ее Иван с войны израненный — да вскоре и умер. Опять она одна с ребятишками осталась. Но вырастила, выучила, хоть и одна работала.

Отужинали. Праздник отметили. Пошли по домам.

А мне что-то в мозги вдарило. Уже темнело, я вспомнил, где всегда росли подснежники. И побежал. Не ближе место, на ночь глядя в лес бежать. Хмель в голове. А про клещей энцефалитных даже и не вспомнил. В наших краях их сильно много по весне бывает. Все нервное отделение заполняется «клещевиками».

Прошел с километр примерно. Уже еле различаю полевою дорожку. Чуть не на ощупь иду. А до лесу еще столько же, там подснежники. Это за Понькинской гранью. За большой поляной. Возле омутов на бугре, где мы в детстве с ребятами целыми днями купались в этих холодных и чистых, да глубоких омутах. Разбежишься с крутого берега и ныряешь в эту холодную бездну. А вода чистая-пречистая. Все дно видно, как гольяны и пескари там резвятся. А мы тоже вроде гольянов были. Купались без одежды, голенькие. В лесу никто не видит. Носимся по поляне нагишом, а потом сигаем в воду. Аж обжигает тело от холодной родниковой воды.

Тут, возле этих омутов, и цвели по весне подснежники. Вот я вспомнил детство и поперся на ночь глядя... Дурная башка, говорят, ногам покою не дает.

Прихожу на эту поляну уже в темноте. Хорошо, что каждый кустик, каждое дерево с детства знаю. Почти наугад иду. Темень...

Какое-то трепетное волнение охватило. Тут должны цветы быть. Опустился на колени, стал чуть ли не ползком осматривать этот бугор. Мне уж под пятьдесят было.

И точно! Засветились, будто фонарики теплятся внутренним светом. Вот они, сердешные! Красавцы пушистые! Стал рвать.

Вот еще группа. Вот еще. Уж ничего не вижу, кроме цветов. Мгла опустилась на землю. Да еще кругом березы. Неба не видно. Нарвал цветов — окружался. Не знаю, в какую сторону идти. Еле сориентировался.

Пришел в деревню часа через два. Как слепой иду. Ничего не вижу. Стучу к тетке Прасковье. Они уж закрылись. Спать ложиться собираются.

— Ты это откуда? — спрашивают. Я захожу с цветами.

— Вот, — говорю, — решил с праздником поздравить, с Днем Победы! И подаю половину. Остальные — маме.

— Ты че, сдурел, куда бегал!

— Ага, — говорю.

— С ума сошел! — А сама улыбается радостно. — Не боишься клещей-то.

— А я и забыл про них.

— Ну, спасибо, Леня... За цветы, за поздравление! Садись, посиди.

— Нет, я пойду. До свиданья.

И вышел опять в ночь. Со свету и вовсе черную... Лишь подснежники в руках да россыпь звезд вверх едва светятся в этой кромешной тьме. Мерцают вверх, будто души тех, кто не вернулся с войны.

родник моего детства

Проснулся рано, в избе пахнет тестом; на столе корчага с мукой. Мама хлопочет возле печи. Пощелкивают березовые поленья, озаряя ее лицо светом пламени...

Выхожу на крыльцо. За перелеском, на востоке,स्ताивают чуть алеющие облака. Тихо. Собираю кисти и краски и за околицу — утро встречать.

А тут навстречу мне едет знакомый пенсионер. Бренчат на телеге пустые фляги — он молоко у хозяек собирает. Здравуемся, улыбаемся друг дружке, и иду дальше.

Сворачиваю к пруду, что зеркалом лежит возле деревни. Шагаю вдоль нежно-зеленых шлейфов тальниковых зарослей и останавливаюсь в молодом березовом колочке — разворачиваю этюдник и принимаюсь работать.

Молодая звучная зелень, запахи цветущей земли, тополя, взметнувшие свои руки-ветви — все это в бесконечной череде обновления радует взор, волнует и одновременно тревожит — слишком быстро течет неумолимое время — не успеешь налюбоваться, глянь, а уж отцвели и черемуха, и сирень, белым снегом осыпались на землю лепестки яблонь.

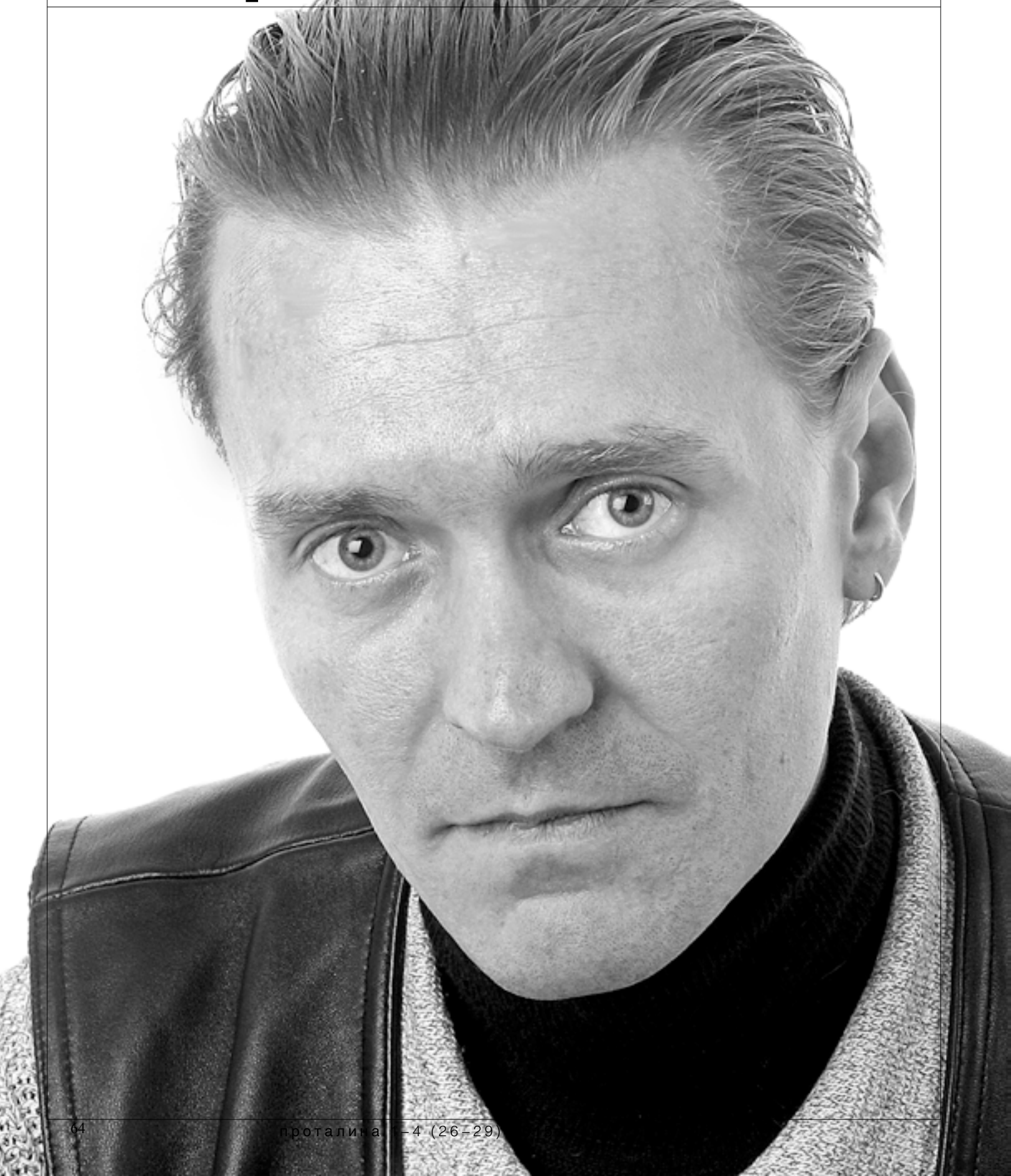
Рядом со мной и по всей опушке разбежались огоньками-солнышками ярко-желтые цветы горицвета. Они самые первые встречают восход солнца, повернули свои золотистые венчики к огромному малиново-красному шару, поднимающемуся из-за темно-синей кромки леса.

Ну, с Богом! Пора начинать работу. Зачерпываю воды из родника, что рядом размывает берега, образуя омутки, где мы со сверстниками гольянов да карасей ловили кто решетом, а кто майкой, завязав ее с одной стороны узлом. Теперь этот овражек стал каким-то мелким, зарос осокой, и вода в нем только на самом дне чуть поблескивает, но вода чистая — каждую травинку-былинку видно. Зачерпнул я ладонью и попил... Вода оказалась очень вкусная. Поплескал на лицо — как обожгло вначале! И тут же разлилось приятное тепло. Будто и душа оттаяла...

Попьешь водицы да умоешься из родника детства, и снова ты полон сил. Будто и нет на тебе груза прожитых лет.

Снова хочется верить и жить...

♣ **сергей платон**

тени, образы и вехи

СЕРГЕЙ Платонов (литературный псевдоним СЕРГЕЙ Платон) живет в Екатеринбурге. Он профессиональный актер, режиссер, педагог — всегда в поиске на нелегкой стезе искусства. Учился на отделении актеров театра драмы и кино в Ярославском государственном театральном институте и на режиссерском отделении Театрального института имени Бориса Щукина. Преподавал практическую режиссуру в Екатеринбургском государственном театральном институте. Поставил несколько спектаклей, выпустил ряд книжек прозы, куда вошли, по его словам, «рассказики, эссе, миниатюры, записки, прочие короткие тексты».

СЕРГЕЙ финалист Всероссийского драматургического конкурса «Действующие лица», литературного конкурса «Белый шкаф», «Каверинского литературного конкурса».

В «Проталине» был опубликован его рассказ «CYGNUS — русское отражение». И вот новые произведения этого автора.

майский снег

Пушистый, мягкий, розовый...

Теплый майский снегопад в Свердловске 1965 года.

Смотрю на старую фотографию и прекрасно понимаю, что это же несколько не выцветшие краски! Это же реальная цветовая гамма того самого времени! Пастельная живопись снежных мазков, случайный фоновый оранж трамвая, желтая капля фонаря, густо присыпанная снежком, будто солью. Рядом почти наголо постриженная акация, фасадная охра хрущевок, расчерченное белой пешеходной зеброй сизое зеркало асфальта.

Мне кажется, я из всего из этого родился.

А в центре фотки — женская фигурка с сумкой. Мама? Плащ, косынка, туфли с каблучками. Все в гамме времени, все та же приглушенная зелень, охра и немного розового. Да и снег летит такой же, охристо-зелено-розовый.

Могло же так случиться, что именно она прошла тогда перед объективом? На обороте написано: «Май, 1965». Изумительная картинка, истинный портрет исчезнувшей эпохи. Через два месяца после этой съемки я появился в этом городе.

сырк

У забора Дендрологического парка остывающим летним вечером я обнаружил скиталицу. По ее виду и словам я понял, что она не по одному кругу моталась. Рядом стоял парень, щуря лукавые глаза, аккуратно сплевывая в сторону ограды, стараясь не задеть плевками прутья кованой решетки. Это был очередной «толмач». Он взглянул на меня и объяснил, что на втором круге поймал эту скиталицу.

Оказалось, что крохотная чувашская бабушка долго блуждала в уральском мегаполисе. С утра шла в церковь и все время попадала в цирк. Услужливые горожане весь день направляли, пальцем тыкали, руками

показывали, быстро объясняли, даже рисовали на бумажке бабушкин маршрут. Она совсем обалдела от жары и пыли, от общего доброго внимания и какой-то мистической несбыточности своей попасть туда, куда просила душа. Уже кругов пятнадцать по центру намотала, проехала в маршрутке, на трамвае, на метро. Сплошные фокусы и чудеса! Все дороги города приводили к цирку!

— Сырк! Сырк! Мне в сырк! В сыркву мне надо!

— В церковь, что ли? — переспросил спаситель, смеясь. Пусть выглядел этот парень с нашей точки зрения несимпатичным, но только он и понял, куда надо этой скиталице.

— Сырк! Сырк! — отрадно закивала бабуля.

— Пойдемте, мама. Отведу! — неожиданно и совсем серьезно сказал парень.

журавли

— Высота, не высота... осень... даль какая-то... Вот водка мне нужна такая... Высота? Или даль? Называется она... как-то красиво...

— Журавли?

— Точно! Две бутылки.

Только что брал основной продукт в соседнем гастрономе под названием «Исетский» и услышал вот этот разговор.

Но как же Настя, грушевидная, редко приветливая продавщица винного отдела, пунцовое лицо которой ярко отражает все ее лихие сорок лет, сумела разом догадаться, о чем же попросил очень стесняющийся мужичок в несвежем адидасовском костюме, промокшем на плечах от снега? Ну, Настасья!

Даль, осень, мокрый город.

Конечно, «Журавли»... Действительно, красиво...

исторический максимум

В екатеринбургском Доме Метенкова этой ночью с 16 на 17 июля дышалось тяжело. Глотаешь жаркий воздух полной грудью и не можешь продохнуть, такой тягучий дух висел во всем особняке, тяжелый, маслянистый и невкусный.

Я на втором этаже особняка из девятнадцатого века. Второй этаж — на каменной основе первого, наверху жестяная крыша. Такие дома в свое время назывались полукаменными.

Таких строений пока по городу живет еще немало, хоть их и резво выкорчевывали в ельцинские времена,

да и в росселевские вытравляли, да и в нынешние тоже продолжают изживать из городской среды. Оставшиеся еще крепко цепляются добротными фундаментами за землю. Днем они раскаляются, а к ночи остывают, как забытые угли. На всем Урале буйствует многолетняя засуха, а в этом городе установился какой-то уж совсем металлургический зной. Первая новость у всех радиостанций — исторический максимум температур.

Лето. Народ вспотел, разделся по максимуму. Кто как мог. Мелькают шорты, бриджи, джинсы. А по сути-то, обрядился народ в те же самые сарафаны, кафтаны и прочие тряпки. Разыскивая тень, снуют по улицам Екатеринбурга сотни тысяч новых модников. Оно на первый взгляд смешно, но зато не убийственно жарко. Все серьезно озабоченные, маячат перед Домом Метенкова, в этот дом пирует моей биографии воткнул меня служить охранником.

А вот и не охранником, а сторожем! Этак-то точнее. Почитай вот весь июль хожу-сторожу. Слово «сторож» уютное, мирное, несколько пенсионное, мне в самый раз. Какая вот разница, где мне ходить ночами из угла в угол, в своей пятиэтажке или в Доме Метенкова? А слово «охранник» воинственное, бойцовское, музейной реальности чуждое.

Книжки, как известно, не кормят. А если кормят, то не авторов. А писать надо. Есть такое слово — надо, даже если ты не графоман, а графоб, и пишешь только то, что очень-очень надо. А в музее сторожам за сутки хождений из угла в угол положено жалование. Радость-то какая!

Вот и хожу себе, сторожу. Понятным делом занят.

В должностной инструкции твердо прописано: «без права сна», однако раскладушка полагается. Нюанс профессии, попробуй, поскачи тут сутки на ногах, нет- нет, а вытянуться нужно. Особенно в такой-то духоте.

Ночь пропитывает тишиной интерьеры и мысли. Под самым потолком постанывает плоский кондиционер, какая-никакая, а прохлада. Ночь в самом центре Екатеринбурга, ночь в музее. Двери заперты, книга дочитана, дом остывает. В форточки течет уже не зной, а легкий теплый ветерок, и вместе с ним порою долетает уличный смех запоздалых гуляк, светятся зеленые дежурки тусклым словом «выход», изредка за окнами, разрывая с оглушительным ревом воздух, проносятся байкеры. Ну, правда же, бесятся! «Озоруют, шельмы», — сказали бы о них лет сто назад.

Какой тут сон, когда аж стекла дребезжат? Все по инструкции. Рядовая ночь без права сна.

Всегда так и было, но не так, как сейчас.

А мог бы догадаться, посмотреть на календарь, ведь этой самой ночью, почти сотню лет назад, здесь у нас убили отрока вместе со всей его семьей, с родителями и сестрами. Расстреляли царскую семью тут, у подножия Вознесенской горки, в Ипатьевском доме, в двух шагах от Метенковского.

Сереже семь лет, он дружит с Космосом

Говорят, семья «пошла ко сну» в 22.30, и расстрельная команда собралась примерно в то же время. А у меня в музее этой ночью именно в половине одиннадцатого сломался кондиционер. Пыхтел, пыхтел и отключился напрочь, оставив дому липкий зной.

Какой тут сон? Сиди теперь, кури и думай. Не думай, чувствуй. А о чем, зачем? Да вот хотя бы о том, о чем ОН думал-чувствовал той душной июльской ночью под редкий скрип телег, вскрики озорников и подгулявших обывателей.

седьмое ноября

Ноябрьский вечер накрыл двор темнотой как-то сразу, будто бы невидимый дяденька-великан выключил день. Двор изменился неузнаваемо — погасли все краски.

Точно так же преображалась и наша белая комната, когда мама щелкала выключателем, уложив меня в белоснежную постель с огромной подушкой в накрахмаленной наволочке, с такой же жестковатой и прохладной простыней, под тяжелую перину, обряженную в накрахмаленный пододеяльник.

Очертания мебели были на месте, но за ними висела таинственная чернота. Было страшно и интересно смотреть в нее перед сном. Изредка за окном проезжала машина, темнота тогда съезживалась от огней фар, уползала под стол и за шкаф, пряталась за комодом и печкой, возвратив на секунду наши белые известковые стены и потолок.

Я представлял себя маленьким белым медведем из мультика, устроившимся на ночлег в сугробе. Накрывался одеялом с головой, наблюдая в щелочку за непонятной темнотой, как зверь из норки. Она была живая, эта темнота. В ней что-то где-то там происходило. Мне было боязно и сладко думать, что «что-то-где-то-там» все-таки есть. Я, семилетний, уже знал, что в темноте бывают звезды, месяц, северное сияние. Ничего такого домашняя тьма не показывала, однако я был уверен, что она — принадлежащая нам с мамой часть большого темного пространства, и даже знал, как оно называется — космос.

Вот в этот вечер, седьмого ноября, я вдруг почувствовал, как космос воцарился не только во дворе, но и во всем городе.

Минувший праздничный день стал прошлым, будто не было его. Там же остались флаги, шарики и транспаранты «демонстрации трудящихся» у заводской проходной, веселые шумные компании, поющие что-то хорошее под аккордеоны и гитары. Пропала удивительная радость от первой в моей жизни поздравительной открытки со сказочными башнями кремля. Моя личная открыточка была устроена в надежном месте рядом с другими за стеклом серванта, куда их было принято выставлять рядком к каждому празднику. Я решил, что подробно ее разгляжу и порадуюсь завтра при свете. Завтра же ожидалось еще много праздничного: нужно было придумать, как поступить с большой конфетой «Гулливер» в потрясающем фантике, где долговязый дядька тянул за собой на веревочках крохотные корабли. Съесть ее было жалко, хоть и очень хотелось. Можно было поесть зефир, вон как много его надали, а тем временем нарисовать конфету либо срисовать с фантика кораблики. Но все это — завтра.

Снова и снова памятью своей я ищу себя того, семилетнего, лежащего в этой своей уютной белоснежной норке.

День был странным. Домой идти было рано, а все разбежались. Целый час еще можно гулять, а качели и горка пустые. Праздник вообще-то не кончился, за окошками — музыка, крики и свет. Наш дом был на берегу реки Исети, в нем жили в основном люди завода и праздновали всегда весело, шумно и долго.

Интересная цифра — семь. Весь день я разглядывал на открытках, плакатах и транспарантах красивые красные семерки.

Спрятав санки под горкой, надумал сходить к старому тополю и заглянуть в его темное дупло, поскольку давно собирался, да и узнать, наконец, кто там живет.

По дороге передумал, поднялся на мост, построенный когда-то, как говорят, пленными немцами, которых я никогда не видел. За деревянными перилами белело большое пространство замерзшей речки. А над ней и всем городом чернело небо из той самой космической тьмы с мелкими звездами.

Мост был пуст. На другом берегу в темноте пока неизведанного парка Маяковского растворялись фигурки прохожих. Я обрадовался и прокричал:

— Эй ты, космос!

Мне казалось, что и он посмотрел на меня и обрадовался. Это было естественно, праздник же. Я ощутил спокойное ликование оттого, что я, оказывается, — в нем, и мне в нем не страшно, а радостно. Он как бы и снаружи, и внутри меня. Он приветливый, добрый. Он мой. Захотелось ему и себе сделать что-то хорошее, что-нибудь подарить. Тут же выдумалась семерка.

Идея нарисовать большущую цифру семь прямо на речном льду, чтоб она была хорошо видна и с моста, и из космоса, показалась мне великолепной. Лед же был очень ровный, как белый лист. Рисовать начал широкой фанерной лопатой, которой соседские мужики прихлопывали горку, сбрасывали снег с крыши и в сильные снегопады делали красивые тропинки во дворе. Так же, как и дядьки, двигал ее впереди себя, отгребая пушок снега, и снова ликовал теперь уже от почти ровных линий, сложившихся в гигантскую цифру.

Под тонким слоем снега был такой же тонкий серый лед. Когда я останавливался, чтобы развернуться, обдумывая композицию рисунка, лед похрустывал и прогибался. В валенках прохладно хлюпала неизвестно откуда взявшаяся вода, а края недавно идеальных линий разъедали темные водяные пятна. Только что нарисованная семерка тонула! С моста в мою сторону что-то кричали, но крики прохожих глушил отвратительный ледяной хруст. Его-то я и испугался. Не мокрых валенок, не увеличивающейся лужи, в которой все это время стоял, а именно рычания реки на меня, бестолкового.

Сбежать из центра речки оказалось просто, помогли лопата и способ ее применения, подсмотренный у дворовых мужиков. На берегу меня встречали еще один испуг и тут же радость. Трое высоченных парней были, как Гулливеры с конфеты. Они захохотали и тут же схватили и поволокли меня домой. Мама ругалась, как обычно, не сердито и не громко. Ей же никто не рассказал, где, как и почему можно промочить ноги в двадцатиградусный мороз. Сам я молчал как партизан. Сидел в сугробе своей перины, шевелил отогретыми пальцами ног в колючих шерстяных носках.

Почти засыпая, упорно вглядываясь в комнатную темноту, я вдруг припомнил, как на мгновение оглянулся, выбравшись на берег. Да, моя прекрасная семерка утонула целиком. На ее месте образовалось круглое пятно зеркально-черной воды, в котором отразились

звезды и луна. Вода, оказывается, тоже бывает темной, она тоже часть космоса.

места, где память оживает

Ах, как преобразился Екатеринбург!

Похорошел, отстроился всего-то за десяток с небольшим относительно спокойных и благополучных лет нового века. На месте жутких вековых трущоб, помоек, пустырей, деревянных заборов и дряхлых «избушек на курьих ножках» неожиданно динамично вытянулись острые высотки, засверкали огромные окна и зеркальные витрины, запестрели рекламные конструкции. В общем, буйно проросла новейшая торгово-офисная архитектура. Расцвел город! Приятно посмотреть: стекло, металл, асфальт, бетон, брусчатка. Свежо и аккуратно. Любо-дорого окинуть взором любой район, что центр, что окраины. Хорош город, хорош! Как, впрочем, и другие города-миллионники, ревностно оспаривающие друг у друга бумажный титул «третья столица».

Ох, как же Екатеринбург обезобразился!

Нет, ни в коем случае нельзя впихивать пивной ларек-стекляшку в исторически обжитое музейное пространство, это вам убежденно скажет любой первокурсник архитектурной академии. Непозволительно смесью хай-тека и рекламного авангарда уродовать когда-то гармоничные ландшафты трехсотлетнего города. Навтыкали рядом с кирпичными особняками тощих свечей-высоток, зеркальных кубиков и цилиндров, аж в глазах рябит. Жуть!

Вчера сидел-корпел на своей творческой зеленой кухне, а когда окончательно заплесневел над недописанными текстами, застрял в недодуманных мыслях, закис неясными идеями, то вдруг заставил себя встать и отправиться на прогулку. Для моциона причин не было никаких, но отправился куда глаза глядят. Обычно я хожу в места, которые всегда вещают мне о чем-то важном, но неясно и непрямо. Любо-угодно из-за редкости посещения становится мистическим при каждой встрече. Туда ходить полезно.

Итак, иду. Конечно же, не в центр. Конечно, к пивзаводу, которого уже нет. Здесь теперь развязка многоуровневая и строительный супермаркет. По телевизору хвалились, мол, скоро сляпают на этом месте еще и новое многополосное шоссе. Звучит прогрессивно, инфантильную гордость пробуждает за регион, за город, за страну. Причастность чувствую. Я же здесь живу, а тут улучшения теперь кругом, сплошные преобразования. Часто корявые и безобразные, но они много краше бывших смрадных пустырей, унылых помоек и безысходно серых заборов. И кругом эти высокие

мачтовые фонари! Ночами светлый развязочный серпантин отдает чем-то московским. Здесь начинается дорога к аэропорту, дорога в будущее, дорога в мир.

Опять усматриваю знаки. Вот здесь, на этом самом месте, была куца аллея с цементным памятником забытому герою-пионеру. И меня, пятиклашку, именно здесь приняли в пионеры когда-то. Прошел рядом, ясно вспомнил так и не нашедший ответа вопрос тех лет. Если пионер — всем ребятам пример, а мы теперь все — пионеры, мы что, примеры друг для друга? Вот не пошел бы я гулять по прошлому, так и не припомнил бы всего этого никогда.

Иду по памятным местам и просто кручу головой, проблемски других времен улавливаю. Вон там, напротив парка, у завода, стоял ангар, куда из вагонов сгружали тонны ячменя. Смотри-ка ты, ангара нет, а старый грузовой вагон остался. Сразу его и не заметишь, зарос кустами и деревьями. Дурашливыми школьниками мы ходили купаться в этом ячмене. Беззаботные головы потом трещали от ячменного духа, язык не слушался, и ноги заплетались, становились слабенькими, ватными. Все ясно, первый хмель.

А вот тут, с краю парка, тянулись когда-то рельсы Детской железной дороги, потрясшей меня первым в жизни настоящим путешествием. Как же я тогда был счастлив! Вот и их разбирают. Хмурые мужики в оранжевых жилетах отрывают ржавые рельсы, выкорчевывают гнилые шпалы, рушат крохотные станции. Не зря пришел. Как выясняется, пришел проститься. Теперь понятно, почему многополосное шоссе. А я все думал, где же место взять для дополнительных полос? Так вот в чем дело, полосы, наверное, улягутся на место ДЖД.

Через месяцок-другой этого пространства будет уже не узнать. Время окончательно закатает детскую память под асфальт и станет ежедневно шлифовать ее скоростным автопотоком.

Мое останется со мной. Особо радоваться нечему — многое из задуманного так и осталось невоплощенным. Но жизнь не дает на этом остановиться. В ней всегда есть проблемски будущего. Вот и Детская железная дорога... попрощались мы с ней. А буквально в двух шагах сейчас от меня — и новенькая насыпь, и глянцевые рельсы, и белая куча бетонных шпал.

безысходность

Во многих уральских городах часто встречаю жутковатые дома-пятиэтажки с балконными дверями без балконов с низкими решетками внизу двери. Екатеринбург не исключение.

Представляете? Вот он фасад, на котором рядом с окнами есть застекленные, якобы балконные двери, через которые не выйти. Такой дом выглядит не столь-

ко глупо, сколько драматично и даже жутковато. Нет, это не французский стиль в архитектуре. Никуда не ведущая дверь за низкой решеткой — нехитрая метафора наших здешних надежд и возможностей. Двери есть, а выйти некуда.

модерация образа

Вот и я получил последний в жизни паспорт. В смысле, бессрочный. Не без выкрутасов...

Измученная собственной свирепостью и бестолковостью «контингента», басовитая, но визгливая паспортистка средних лет (ровесница!) вежливо и крепко выругала меня через окно своей норы в офисе Службы регистрации граждан.

— Не годятся эти фотки в паспорт, гражданин! Я их у вас не принимаю! На них все не по правилам. Идите, фоткайтесь опять. Снимайтесь без наклона головы. А то вы тут на какого-то киноартиста походите, — сказала приемщица, будто оскорбила.

Я искренне сконфузился. Да, стыдно в жизни на актера походить. И впрямь, артист. Натужный артистический портрет в фойе провинциального театра. Конечно, перефоткаюсь, — подумал.

Второй дубль незапланированной паспортной фотосессии получился еще неудачнее. Откуда-то взялся здоровенный подбородок, выпучились и помельчали глаза, жирно проступила легкая небритость, тонко вытянулась шея, излишняя фронтальная заливка светом очень по-своему перекомпоновала географию лица.

Вот это образ! Краше в гроб кладут!

— Отлично! То, что надо! — подобрела привередливая паспортистка. — Немножко не походите, но возьму эту, в ней все по правилам.

Хотел было с этой судьбоносной теткой потягаться, возразить, поспорить. В первом-то портрете пусть изнуренный, но живой человек, во втором — какая карикатура, будто лом проглотил. А пригляделся к желчному лицу усталой «модераторши» наших паспортных образов и понял: нет, не стану спорить.

Вот и меня отмодерировали. Останусь непохожим на себя, зато по правилам.

На снимках:

Молчаливая беседа с большим Пространством (68–69 стр.)
Из паспортной фотосессии (72–73 стр.)

світлана марченко

ОН УМЕЛ ВЗМЫВАТЬ НАД БЕЗДНОЙ

Большую часть своей жизни Светлана Марченко посвятила работе над Словом. Почти четверть века проработала в Средне-Уральском книжном издательстве, где приходилось иметь дело с самыми разными жанрами художественной литературы. Через ее редакторский стол прошли две сотни книг. На протяжении десятка лет Светлана была внештатным корреспондентом радио, сейчас она работает в редакции «Проталины». Живет в Екатеринбурге.

В 2016 году большому уральскому писателю Борису Анатольевичу Путилову исполнилось бы 85 лет. К сожалению, до этого юбилея дожить писателю не довелось. Он ушел от нас в 2007 году. Издано два десятка его книг, некоторые произведения были переизданы. Он писал и публицистическую, и художественную прозу, а его документальные очерки всегда отличались живостью и читались с большим интересом. О произведениях Путилова высоко отзывался известный уральский критик Наум Лейдерман, который писал о таких мастерах слова, как Александр Твардовский, Сергей Есенин, Валентин Катаев. В повестях Путилова читатель увидит многогранную жизнь нашего края, страницы нашей истории и сложные взаимоотношения человека с эпохой.

Борис Путилов родился в 1931 году в городе Кунгуре Пермской области, в коренной уральской семье, где знали цену труду — отец был из металлургов, мать из шахтеров. Борис закончил журфак университета в Свердловске в 1954 году, с раннего возраста пристрастился к литературному творчеству, а жизнь своих героев он постигал через личное участие во многих профессиях. Он был бурильщиком на нефтепромыслах, слесарем-сборщиком на заводе, забойщиком в геологической партии, проходчиком шахты. Довелось ему учительствовать в школе и работать в газете.

В 1973 году Борис закончил Высшие сценарные курсы при Госкино СССР. Он был членом Союза писателей СССР, лауреатом литературных премий.

На страницах «Проталины» воспоминания о Борисе Путилове — еще одна возможность увидеть его живым, понять, как работал этот писатель.

С Борисом Путиловым я была знакома еще в начале 1960-х. Я тогда работала в газете «На смену!», а у него завязывались серьезные отношения с «Уральским рабочим», куда он отдавал свои первые очерки. Я нередко видела, как он летящим шагом неся по коридору в эту редакцию. Встречались мы с ним на самых разных перекрестках городской жизни — на выставках, на просмотрах в киностудии, потом, когда я работала уже в Средне-Уральском книжном издательстве, мы встречались чаще, но также на бегу.

Как-то мы с Борисом ехали в автобусе. Народу было немного, и в динамике одна другую сменяли мелодии. И вдруг зазвучала «Голубка». Борис как-то странно изменился в лице и нахмурился. Потом мы продолжили разговор. А мелодия тихо плыла по салону автобуса: «Ты мои перья нежно погладь рукою». Борис вдруг ударил кулаком по спинке сиденья, и пассажиры недоуменно оглянулись. Борис извинился и резко сказал: «Ненавижу!» Я не поняла и спросила: «Что?» Он ответил: «Да эту «Голубку»! Ты представляешь, где она звучала! Гестаповское сентиментальное зверье под эту песню пыталось людей. В одной комнате они, прихлебывая шнапс, слушали, а из-за стены в это время неслись дикие вскрики от боли. Понимаешь, какой ужас! Я лучше пойду пешком». И на остановке он вышел. Потом я неоднократно слышала, что эта мелодия одна из любимых солдат вермахта, они выводили ее даже на губной гармошке.

И вот теперь в плане редакции, среди других папок на моем столе, лежала папка с повестью Путилова. Захотелось взять ее домой, потому что этот человек был мне интересен. Прочитанное меня и обрадовало, и озадачило. Я уже предвидела, что Борис не из тех, кто покладисто принимает редакторские замечания. Так оно и вышло. Над первой повестью мы с ним крепко схлестнулись. В некоторых местах сюжета он углублялся в такие подробности, что уходил от темы. А Борис считал, что данная «мелочь» дорога ему, потому что характерна для героя. Он начинал рассказывать, где, когда он с ним встретился, чем он ему дорог, ну и так далее. Он говорил азартно и убедительно, незаметно отвлекая меня от работы, и мы не сразу возвращались к страницам. Как я вскоре поняла, Путилов умел восхищаться людьми и влюбляться в них. Он наизусть читал отрывки из героической поэмы Бориса Марьева о Качканаре, часто повторял, как крепко сделаны «Сталевары» Геннадия Бокарева. Говорил о Вячеславе Терентьеве как об одном из лучших уральских поэтов, помнил массу его стихов.

А наши споры над повестью закончились полным взаимопониманием, и Борис шутливо заключил: «Что ж, гроссмейстерская ничья!»

Самыми пронзительными и любимыми для меня остались вещи — «Детство на Пароходной улице» и «Спокойной ночи, малыши».

Романтик-реалист, Путилов не придумывал своих героев, не создавал какую-то особую атмосферу. Он искал их в гуще трудяг и для того, чтобы понастоящему понять их быт, настроение и отношение к окружающему миру, он сам перебрал немало профессий. И не просто перебрал, а по-честному, на равных трудился в тех коллективах, где ему пришлось побывать. Он был на тюменском Севере, участвуя в нефтяных разработках, работал в шахтах, поработал он и учителем литературы в вечерней школе, и весь этот опыт нашел отражение в его писательском деле.

Борис никогда не уходил от самых острых тем, и нередко возникали у него трения с цензурой. Редакции вместе с автором приходилось искать хитроумный путь, чтобы и цензуре «угодить», и сохранить остроту проблемы. Очень своевременная и острая по сюжету повесть «Сокрушение Лёхи Быкова» хотя и была написана как будто в легком ироничном тоне, заключала в себе позорную историю лжегероя. Сынок высокого чина прошел войну в льготных условиях. После войны, придя доучиваться в десятый класс вечерней школы, Лёха Быков подавал себя как бывший фронтовик, прикрывая этим свое порой дерзкое поведение. Хамил молодой учительнице, прикармливал подхалимов, однако нормальные «вечерники», которые садились за парту после заводской смены, недолго терпели Лёхины безобразия и дали ему соответствующий отпор. Бравый Лёха Быков был беспощадно посрамлен.

Повесть вышла из печати и сразу же получила хороший читательский резонанс. Но удивительным образом отозвалась эта повесть на редакторе и авторе. Произошла крутая разборка, в которой я, как редактор, оказалась прямым участником.

Дело было в Средне-Уральском книжном издательстве, где вышла в свет повесть Путилова. Пришли товарищи из обкома и заявили, что повесть о таком персонаже — прямая дискредитация советского фронтовика, критика в недозволенной форме и так далее. Сказали, что все должны быть наказаны.

После этой разборки меня еще раз вызвал директор Николай Дмитриевич Еремеев и, искренне сокрушаясь, скорее с отчаянием, чем с возмущением, сказал: «Ну как же это так, Светлана Владимировна, вы же опытный редактор, у вас столько книг уже выпущено! Как вы могли такую бомбу подложить своему родному издательству? Вы представляете теперь, что с нами будет?» У директора пылали уши — признак высочайшего волнения. Я онемела. Не знала, что сказать. Так молча и просидела несколько минут. Затем Николай Дмитриевич сказал: «Ну ладно, идите пока на свое место». Надо заметить, наше издательство курировала Москва, то есть столица запрашивала из очередного плана вы-

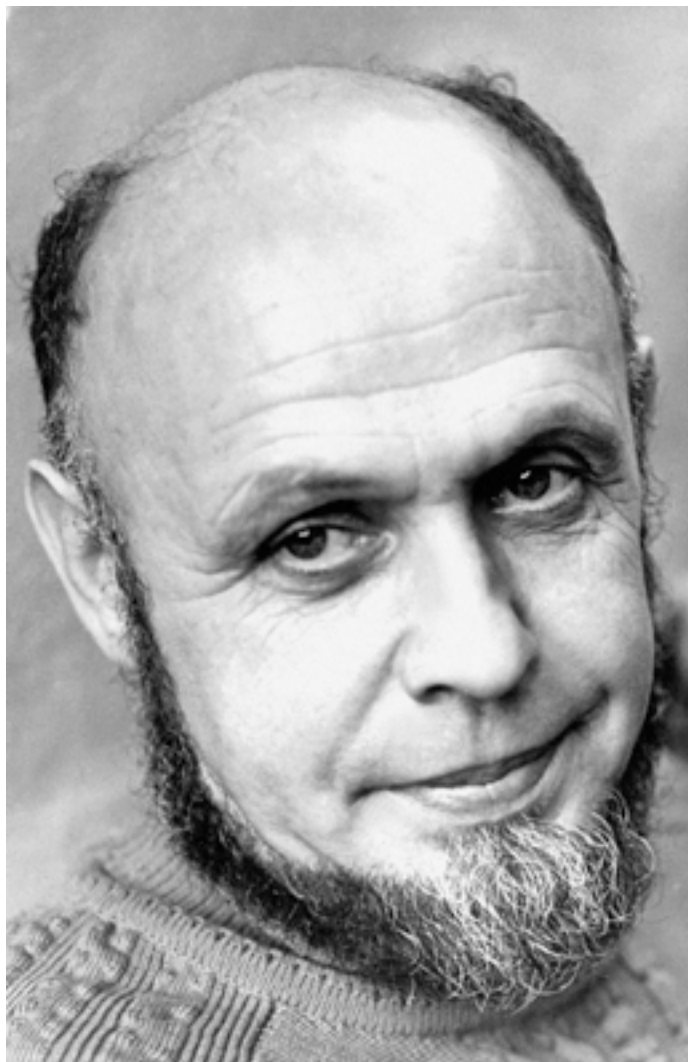
пуска какую-нибудь рукопись и частным порядком рецензировала — рекомендовала или, наоборот, советовала отклонить. Экземпляр каждого издания мы высылали нашим кураторам в Москву. Иногда они сами приезжали к нам. Так состоялось мое знакомство с Птицыным, к сожалению, не помню его имени. Зато запомнилось, какой это был живой, умный, понимающий человек, не номенклатурная единица. Расстались мы с ним очень дружески, уезжая, он дал мне свой московский телефон. Как же он теперь мне пригодился!

В полном отчаянии и растерянности я вернулась домой после разговора с директором. И тут вспомнила, с кем можно посоветоваться, что мне теперь делать. Взяла и позвонила — на счастье, Птицын сразу взял трубку. Выслушав мой сбивчивый рассказ, он сказал: «Прежде всего, не волнуйтесь, успокойтесь... Хорошая повесть. Я прочел. Путилов просто молодец. Никакой дискредитации тут нет, наоборот, отпор и разоблачение негодяя». У меня сразу отлегло от сердца, но я спросила: «А мне-то как теперь быть дальше, ведь никто не знает, что я вам позвонила?» Он ответил: «Все будет хорошо, я завтра сам позвоню Николаю Дмитриевичу».

Больше меня никто не беспокоил, никуда не вызывали.

Не менее острой и современной была трилогия «Крушение», где одна из частей была та самая, моя любимая, «Спокойной ночи, малыши» — она раскрывала сложность отношения поколений взрослых и детей — как отражаются на маленьких семейный разлад и разлуки с любимыми на пороге разводов. Тогда эта повесть прозвучала очень живо, свежо и драматично.

Путилов — прозаик, но им написано немало очерков о выдающихся людях разных профессий. Одним из главных и серьезных моментов своей писательской жизни Путилов считал встречу с уральским академиком Сергеем Вонсовским. Началось с того, что ему поручили написать интервью о наших достижениях в космосе с каким-нибудь известным физиком. Это было в эпоху успешного запуска космических аппаратов. Борис начал поиски. И вышел на самого крупного уральского физика Сергея Васильевича Вонсовского. Следующая встреча состоялась через десять лет. Сергей Васильевич долго не соглашался быть героем очерка и настаивал, чтобы поискали «более достойного». Путилову стоило немалых трудов в конце концов уговорить академика. Вонсовский всегда отличался строгостью и скромностью, это еще больше раззадоривало Путилова, потому что он чувствовал в нем великую личность. Борис всерьез заболел этим человеком и погрузился в его судьбу. Впрочем, так он работал со всеми своими героями, но впервые его захватила многогранность знаний и интересов ученого, и уже тогда зародилась мысль написать о нем отдельную книгу.

В это время Путилов много писал о нефтяниках, геологах, ездил на нефтяные разработки, но книга о Вонсовском его уже не отпускала, и он продолжал над ней работать в течение двадцати лет. Помню, он как-то мне сказал: «Меня целиком заполнил один человек. Я работаю над монографией о Вонсовском. Я с первого разговора понял, что передо мной гений. Настолько он поглощен наукой, что смотрит на мир через призму своих великих знаний, и в то же время это человек среди людей, он прост и щедр в общении». Первое издание этой монографии было в 1981 году, потом последовали переиздания. Третье, дополненное и серьезно переработанное автором, вышло в 1999 году под названием «Магнит души».

Надо сказать, что эта книга была настолько глубоким проникновением в мир ученого и так прекрасно показывала атмосферу уральской науки, что она, по существу, дала начало целой серии об ученых «Урал. 20 век».

Работать с Путиловым было интересно, радостно и порою очень трудно, потому что его постоянно захлестывали какие-то новые повороты в судьбах

героев, и он порой забирал то, что написал, одним словом, работал кропотливо. Как-то, попросив рукопись обратно, он со смехом заметил: «Толстой вон тридцать раз переписывал Каренину, ну а я вот только три раза переделывал. Хотя бывает, кое-что у меня получается сразу как надо и идет, что называется, с колес».

Борис умел искренно радоваться чьей-то удаче и с удовольствием делился этой радостью при каждом подходящем случае. Он был счастливым человеком, так как ему была неведома зависть.

Путилов, как все крупные личности, был открыт и душевно доступен, поэтому вокруг него роились самые разные люди, случайно попавшие на его пути, иногда совершенно ему не равные ни в помыслах, ни в делах, иногда просто друзья по бутылке — это выглядело как его неразборчивость в отношениях. Но была у Бориса и строгая мера в оценке качеств человека, он не терпел подлости во всех ее проявлениях, стоит только вспомнить его повесть о Лёхе Быкове. Его любопытство к человеку порой шло от искреннего желания понять, чем он живет. Борис считал, что все интересно, достойны внимания и постижения, что в жизни никто не случаен, каждая встреча что-то дает или отнимает в человеке.

В отношениях с людьми он был щедр и отзывчив, и некоторые этим пользовались.

В «гонорарный день» на лестничной площадке перед бухгалтерией было многолюдно и шумно. Это окололитературная братия ждала Бориса, когда он выйдет из дверей со своим гонораром. Тут же его окружали тесным кольцом, и все дружно сбегали по лестнице, покидая издательство.

По неписаной традиции Путилов отмечал каждую свою книгу с друзьями, преданными и случайными. Писал он много, писал он смело, и книги выходили у него почти каждый год. Поражала широта его писательского кругозора, потому что он брал настолько разные темы, что трудно было представить, как он находил время на работу и все успевал, тем более что стиль его жизни никак не содействовал творчеству. Получалось так, что ни одной более-менее солидной попойки не обходилось без Путилова — его приглашали, звали, уговаривали, возможно, потому, что он не только умел поддерживать веселье, но в компании всегда кому-то в чем-то помогал. Он совершенно не умел отказывать.

Всю теплую пору Путилов работал на даче — в скромном домишке коллективного сада. И там тоже образовалась садовая компания, которая охотно тратила его время и силы на «веселое» застолье. И только богатырское здоровье и неукротимая писательская страсть не давали ему сбиться с пути. «Смотрю на свою «пишмашинку» как на друга и спасителя и иной раз просто зарекаюсь бросить всю эту пьяную кутерьму, но слишком много в жиз-

ни гадости, которую не так легко убрать, и в этом споре с самим собой и с людьми я срываюсь», — говорил Борис. А еще вспоминаются такие его слова: «Почему больше всего боли и неприятности приносим мы своим самым лучшим людям?! У меня прекрасная семья, хорошие дети, внуки — главная моя радость, дай Бог, чтобы их судьба сложилась лучше моей». Я слушала и чувствовала, какая боль выжигает сердце этого человека. Он говорил долго, выворачивая себя наизнанку, это была единственная его исповедь за время нашего знакомства: «Я люблю Женю, Евгению Сергеевну, жену мою. Я понимаю, что порой ее мучаю — такую жену поискать нужно, как она только меня терпит?» А жена не только терпела, она старалась создать все условия для работы, взвалив на себя весь груз забот.

Путилова отличали удивительная работоспособность и верность своему писательскому делу, несмотря ни на какие обстоятельства жизни. На даче писатель пытался укрыться от суеты городской жизни, где была масса друзей, в любой момент не против выпить, но ведь и туда, на дачу, в эту ячейку большого коллективного сада, тоже наведывались местные выпивохи, предлагая свою компанию. Путилов не умел быть категорически строгим, за что платил своим здоровьем, временем и напряженными отношениями с семьей. Но этот человек никогда не подводил никого в творческой договоренности. Все рукописи в редакцию поступали в назначенные сроки. В этом он был уникальным.

У него на даче в машинке осталась первая страница его нового рассказа «Старик и Дина». Это о его необыкновенной дружбе с собакой, которая поражала своим пониманием и всегда четко улавливала интонацию настроения своего хозяина. Даже когда он внешне не проявлял душевного волнения, она молча сидела около и, не сводя глаз, ловила каждое движение Бориса, словно старалась как-то ему помочь. Словом, она разделяла все тяжелые минуты его уединения, когда на даче никого не было. Дина была с ним до самого последнего дня его жизни.

С Диной связан случай, поразивший многих. Помню те трагические дни августа, когда Бориса не стало. На домашних поминках собрался уже узкий круг в доме Путилова. Дина постоянно выбегала в прихожую на каждый звонок в дверь. Как-то раз, возвращаясь в комнату, она застыла на пороге и в упор уставилась на портрет Бориса в черной рамке, который стоял на краю фортепиано. Неотрывно глядя туда, она вдруг стала взвизгивать и лаять. Это настолько поразило людей, что ее с трудом увели в другую комнату. Она словно чувствовала, что потеряла друга.

Борис был человеком очень эмоциональным и порой взрывным, он не терпел лжи, предательства и в таких случаях парировал наотмашь. Его любили, уважали, но и побаивались. Охотно сплетнича-

Портрет Бориса Путилова работы художника Евгения Пинаева

ли по поводу его личной жизни. На его поминках звучали по-настоящему теплые слова о нем, добрые воспоминания, но витала и почти неуловимая напряженность. Когда поминки шли к завершению, слово взяла Евгения Сергеевна Путилова. То, что она сказала и как сказала — это пример благородства и женского достоинства. Она говорила немного: «Этот человек был более всего предан творчеству, это был писатель. Да, ему свойственны были неординарные поступки, ему были свойственны любовные увлечения. Я считаю, что без этого не может жить ни один художник. Это была, что называется, своеобразная подпитка его романтической души. В памяти, конечно, остается все то, что было в его жизни светлым, добрым и святым».

К сожалению, мне нередко приходилось бывать на таких скорбных застольях при весьма сложных ситуациях. Но особенно мне запомнилось светлое и теплое прощальное слово Евгении Сергеевны Путиловой, она показала себя настоящей спутницей большого художника.

Борис активно воспринимал свое время, но открыто восставал против чинуш, формализма, его

бесили тупая цензурщина, постоянное стремление перекрыть кислород в столкновении с острыми проблемами. Он умел отстаивать правду, не оглядываясь, чем это ему может грозить. Но он не умел подать себя, не выстраивал себе карьеру, не заботился о широкой известности, оттого, видимо, оказался в тени.

У него много книг, которые в свое время получили живой резонанс читателей. Но все же настоящей заслуженной оценки этот писатель пока не получил, несмотря на то, что глубина его авторского погружения в уральскую жизнь позволяет увидеть пласт противоречивой и трагичной советской эпохи.

Публикуемые в «Проталине» фотографии Бориса Путилова хранятся в фондах Объединенного музея писателей Урала в Екатеринбурге.

✧ борис галязимов

красные тени

«Красные тени» — так должна была называться книга Бориса Галязимова, куда он включал историко-документальные рассказы и очерки, связанные во многом с Уралом, Сибирью и историей нашего Отечества. В память об этом талантливом писателе и краеведе, умевшем находить уникальные факты и удивительные судьбы, мы продолжаем публиковать очерки из несостоявшейся книги. 3 января 2015 года Борису Галязимову исполнилось бы 75 лет. Уже пять лет его нет с нами.

странная месть

«Грохот близкого боя еще осенью поднял медведя из берлоги, нарушив его зимнюю спячку, и вот теперь, голодный и злой, бродил он по лесу, не зная покоя... Медленно, осторожно ступая мягкими лапами, под которыми с хрустом проваливался сухой и крепкий наст, зверь направился к неподвижной, вбитой в снег человеческой фигуре...»

Любой мой сверстник, прочитав эти строки, сразу догадается, из какой книги они выхвачены. Из «Повести о настоящем человеке». И если нынешние малыши, когда их спрашивают, кто такой Алексей Мересьев, безнадежно хлопают глазенками, то стоит ли их в том винить? У каждого поколения свои кумиры. Были они и у нас. И когда вечно подпитый киномеханик завозил в худенький наш клуб фильм «Повесть о настоящем человеке», это было событие. Мы могли по нескольку раз посмотреть одно и то же — как русский летчик, сбитый в бою под Старой Руссой асом из авиадивизии «Рихтгофен», ползком пробирается к линии фронта. Ступни ног раздроблены. Каждое движение дается с великим трудом. Вперед человека толкает одна лишь воля. И длится это полное приключений путешествие... восемнадцать суток! Факт достоверный. Единственное, что мы, мальчишки, тогда не знали: подлинная фамилия летчика-героя была не Мересьев, а Маресьев. Так распорядился писатель, ибо его повесть не имела строго документальной основы. В ней большинство глав — продукт фантазии автора. Впрочем, мы тогда вообще многого не знали...

Годы и годы спустя после войны станет известно... Подвиг, равный подвигу Маресьева, повторили около тысячи пятисот летчиков. И все они остались в тени. При громкой славе оказался лишь один человек. Но и этого могло не быть, если бы однажды судьба не забросила писателя Бориса Полевого под Орел в распоряжение гвардейского истребительного полка.

К тому времени Полевой уже был известен читающей публике. И не только потому, что печатался в «Правде». Из-под его пера явились «Мемуары вшивого человека» — очерки о тверском «дне», где Полевой по заданию ре-

Писатель Борис Полевой на открытии станции «Юность-Комсомольская» в Тюменской области

дакции и на свой страх и риск провел несколько недель. Потом была повесть «Горячий цех»...

А в ту фронтовую ночь писатель оказался в землянке рядом с летчиком, вызвавшим у него настоящее восхищение. За один день сосед по койке совершил семь вылетов и сбил два самолета. Но не это было главным. Воздушный ас вместо ног имел... протезы.

Всю ночь при свете коптилки-«сталинградки» писатель записывал рассказ летчика-истребителя. К утру убористым почерком были исписаны две ученические тетрадки. Простившись с летчиком-героем, Полевой долгое время колесил по дорогам войны. К тетрадкам не прикасался — боялся «впасть в мелкотемье». И лишь в 1946 году, находясь в зале, где проходил Международный военный трибунал, вывел первую строку повести: «Звезды еще сверкали остро и холодно, но небо на востоке уже стало светлеть». К написанию повести Полево-

го подстегнули разглагольствования бывшего хозяина нацистского воздушного флота Германа Геринга о «загадочном русском человеке».

Книга была написана на одном дыхании. Борис Полевой был до мозга костей коммунистом, и его рукой двигала партия. А ей нужны были книги-агитки. Повторяю, был нужен не живой Маресьев — книжный. Живой же Маресьев прозябал в глубинке, едва сводил концы с концами. И когда «Повесть о настоящем человеке» была озвучена по радио, бывший летчик бросился в Москву. Он решил искать поддержки у писателя.

Дальнейшая судьба Маресьева свелась к трагикомедии. Он ездил по городам и весям страны. После демонстрации фильма выходил на ярко освещенную сцену, коротко рассказывал затаившему дыхание залу о своих боевых подвигах, демонстрировал протезы и затем под гармошку начинал лихо отплясывать «Барыню». Фильм с концертом кормил героя.

А тираж «Повести...» рос. Она даже перешагнула границу. По ее мотивам композитор Сергей Прокофьев написал оперу. Маресьева приглашают в Вашингтон на встречу ветеранов...

Слава — штука тяжелая. Ее выдерживают немногие. Скольких человек она споила, довела до канавы, а скольких завела в стан маразматиков, история умалчивает.

Маресьева, человека по складу характера волевого, крепкого, слава не согнула. Он взвалил ее на свои недюжинные плечи и понес по всей жизни. Он заставил славу, как рабыню, работать на себя. И настолько вошел в образ, что под конец жизни перестал видеть разницу между Мересьевым и Маресьевым. Когда его пригласят на съемки телепередачи, он от участия в ней откажется, сказав: «Правдивый фильм обо мне уже снят». Однажды он скажет Полевому: «Писателем вас сделал я!» — а затем вычеркнет его вообще из своего сердца. В одном из предисловий к книге ни словом не обмолвится о человеке, сделавшем ему судьбу. Не упомянет его фамилию в короткой речи по случаю своего восьмидесятилетия. И, что вообще кощунственно, не появится на похоронах Полевого. Он словно бы мстит писателю за то, что тот знает его вторую жизнь, жизнь настоящего человека.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Кто-то однажды сказал: «Смерть — неизбежность». Мы все, пусть в разное время, однако придем к своему последнему порогу. Но живет странное ощущение: люди, которых мы любили, вроде бы никуда от нас не ушли, вроде бы они обитают где-то рядом с нами. Память резервирует места для тех, кто в жизнь эту приходит гореть.

Судьба сводила меня с Борисом Полевым несколько раз. И запомнился он мне как человек, куда-то вечно рвущийся, душой добрый и никогда не теряющий сво-

ей обаятельной улыбки. Он себя не считал писателем. В кармане своего пиджака всегда носил «корочки» журналиста. И к любому журналисту, даже районному, относился как к ровеснику и собрату. В его кабинет можно было зайти, не прибегая к услугам секретарши. Он мне говорил, что журнал «Юность» возглавил с корыстной целью. Молодые, мол, не дают стареть. И, похоже, рецепт этот был верным. Любое громкое дело, которое заваривалось в стране, ставило Полевого на ноги, бросало в машину, в самолет — он хотел увидеть все своими глазами. А на строительстве железной дороги Тюмень — Уренгой писатель, похоже, ночевал. Его журнал тогда возглавил шефство над этой «веткой». История, достойная отдельной книги.

Годы уходят, несутся в бездну. На добрую память это правило не распространяется.

судьба легионера

Та осень выдалась не в меру холодной. И плюс ко всему ветреной. «Кукурузник», несший меня в Вагай, раскачивало, точно детскую люльку. Из райцентра на райкомовском газике я доскребся до легендарного, хмурого в эту пору Иртыша. На самоходке перевалил реку. И уже пешим ходом добрался до юрт Бегищевских. Тогда я даже представить себе не мог, каким боком для меня обернется вся эта поездка.

Открываю старенькие кособокие воротца. По захлапленному двору мне навстречу идет далеко не молодой человек. Высокий, стройный. На голове густая шапка седых волос. Ищет меня каким-то странным блуждающим взглядом.

— Кто вы? Я почти ничего не вижу...

Я называю себя и в ответ слышу:

— Салим Аникин...

О весьма странной и какой-то крайне запутанной судьбе этого человека мне тогда уже было кое-что известно. В тот год в Казани вышла книга на татарском языке «Как сказал Муса». В ней Салиму Аникину было отведено несколько страниц. Меня же интересовали лишь те места, где рассказывалось о его дружбе с татарским писателем и поэтом Мусой Джалилем. А свела двоих судьба в фашистской неволе.

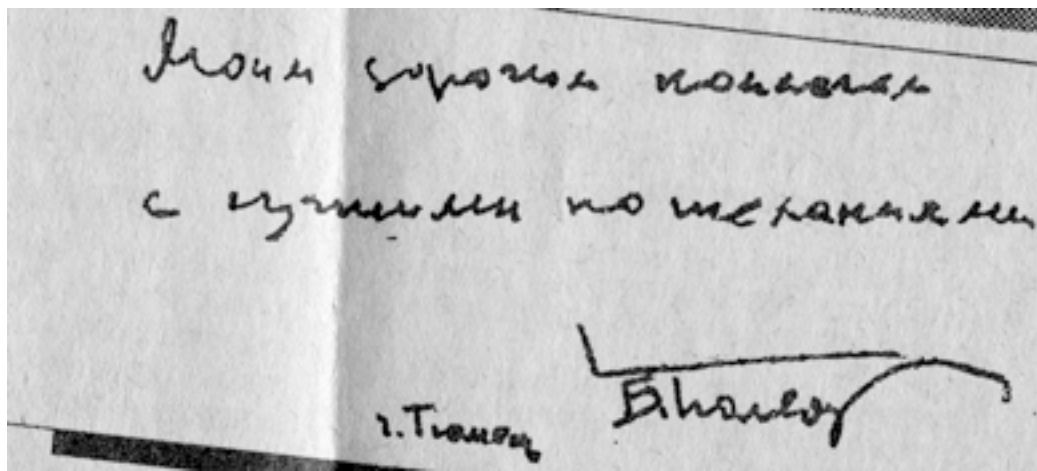
Сегодня многие имена героев прошлого нашей молодежи безвестны. У каждого времени свои кумиры. А для нас, мальчишек жестокой послевоенной поры, Муса Джалиль был настоящим героем. Мы его знали по «Маобитской тетради», книге пронзающих стихов, написанных в застенках тюрьмы и чудом выпорхнувших на волю. Потребовалось десять лет, чтобы «враг народа» Муса Джалиль (он же Залилов, он же Гумеров) стал Героем Советского Союза. А в центре Казани взметнулся памятник — узник Маобита, разрывающий грудью связку колючей проволоки.

И вот тут следует поведать о малоизвестной странице войны. Не знаю, сколько времени еще потребуется, чтобы наконец-то явилась вся правда о том далеком лихолетье. А если явится, мы увидим войну далеко не такой, какой она вставала перед нами со страниц красных романов. И уж совсем пеленой мрака покрыта история волго-татарских формирований, которые насчитывали примерно десять тысяч человек. Гитлер, веря в скорую свою победу, тогда уже поспешил поделить Союз на несколько национальных государств. Одно из них должно было включать в себя Чувашию, Башкирию и Татарию. Как основа будущего правительства в Берлине был создан белоэмигрантский комитет «Идель-Урал». Точно такое же название носила издававшаяся здесь на татарском языке газета. Были скомплектованы артистические группы, и даже существовала специальная школа, в которую набирались пленные, имеющие среднее и высшее образование. Историю татарского народа в ней преподавал недавний учитель одной из тобольских школ Шигап Нигматуллин. В начале войны он был лейтенантом, командовал взводом 2-й ударной армии Волховского фронта. Во время одного из боев при каких-то странных обстоятельствах угодил в плен и согласился сотрудничать с гитлеровцами. Впрочем, здесь оказалось немало и других наших земляков. В том числе и Салим Аникин.

Школа (в ней готовили агитаторов-пропагандистов) находилась в городишке Вустрау, в 60 километрах от Берлина. Как раз здесь-то Салим и встретился с Мусой. Зная, с какой любовью татары относятся к своему поэту, фашисты старательно его опекали. Он находился и под пристальным вниманием будущего президента государства «Идель-Урал» Шафи Алмаза, человека турецких кровей. Однако Муса, пользуясь своим особым положением, сбивал вокруг себя на сто раз проверенных, надежных людей. По его заданию Салим Аникин выявлял настроение татар, выискивал среди них таких, на кого можно было смело положиться в трудную минуту. А главное, люди Мусы распространяли среди легионеров листовки, призывающие не входить в сговор с фашистами.

После того как сорвался побег группы татар через линию фронта, Салим был переброшен в польский город Познань. Но Муса отыскал его и здесь. Он добился, чтобы Аникина перевели в Берлин, и уж отсюда сибиряк был отправлен в новое подразделение, которое вот-вот должно было уйти на фронт.

О той работе, которую проводили Салим и его друзья среди своих единокровцев, можно рассказывать бесконечно. Достаточно сказать, что ни одно из татарских формирований не приняло участия в боевых действиях против Красной Армии. Наоборот, при первой же возможности легионеры переходили на сторону партизан. В частности, под Витебском, уничтожив около семидесяти фашистов (из числа командиров), тысяча двести человек (все из 1-го батальона) ушли в глухие леса. Таким образом и Са-

Автограф Бориса
Полевого из архива
Бориса Галеева

лим Аникин оказался в партизанском отряде «За Родину». Потом уже в составе противотанковой дивизии дошел до Берлина.

Не все бывшие legionеры вернулись после победы домой. Тот же Шагип Нигматуллин, изменив фамилию (стал Нигмати Шигапом), остался на Западе. Потом долгое время работал на радиостанции «Свобода». Его антисоветские выступления в эфире вызывали резкую критику в казанской партийной прессе. Одна из статей называлась «Эсэсовец в роли репортера».

А вот Салим Аникин вернулся и получил 25 лет лагерей. Даже после того, как он, потерявший здоровье, слепой, прибыл в родные юрты, с него не было снято клеймо «враг народа».

Но в тот год, когда мы с ним встретились, я многого не знал. Да и Салим не очень-то откровенничал. Время не позволяло.

Но все-таки мой очерк «Одиссея Салима Аникина» был опубликован на страницах «Тюменской правды». И вдруг — звонок в кабинет. Меня вызывал к себе главный редактор.

Позднее полковник КГБ Александр Петрушин писал: «Попытки некоторых историков и публицистов разобраться в обстоятельствах создания «Волго-татарского легиона» не встретили официальной поддержки. А наш писатель Б. Галеев получил идеологическую взбучку от тогдашнего обкома КПСС и местного КГБ». Какая там «идеологическая взбучка»!

Судя по включенному виду вызвавшего меня редактора, я понял, что случилось что-то непоправимое:

— Кто такой Муса Джалиль?! — сразу обрушил на меня свой непонятный гнев наверняка кем-то накрученный редактор. Я опешил. Или человек на самом деле ничего не знал о поэте, или надо мной издевался.

— Известный татарский поэт, — ответил я, — Герой Советского Союза.

— Ну-ка, доставь мне все, что о нем написано, — приказал мой строгий шеф. Сделать это практически было невозможно. О Джалиле в то время уже была создана гора публикаций. Я подобрал то, что попало мне под руку. Недельку шла читка книг, и закончилась она тем, что редактор меня «просветил»:

— Я понимаю, что Муса Джалиль — герой, но весы победы ковались в другом месте...

Он что-то от меня скрывал. А потом — о, боже! — начались переводы тех книг, которые издавались в Казани и в которых упоминалось имя Салима Аникина. И, наконец, грянуло время, когда меня поволокли в КГБ. Не помню ни кабинета, ни лица человека, который с присущей гэбистам вежливостью расспрашивал меня, в каких я связях нахожусь... с Аникиным! О чем-то он расспрашивал еще. После всей этой нервотрепки я почувствовал, что мне или дадут по шее, или втянут в какое-нибудь темное дело. «Идеологической взбучкой» не пахло.

И тогда, отчаявшись окончательно, я вызвал на переговоры Казань. Там еще жил Гази Кашшаф. Тот самый, которому Муса завещал распоряжаться всем своим литературным наследием. Престарелый человек не спрятал голову под крыло. Первое, что ему взбрело на ум, это было предложение: приезжай в Казань, переживешь у меня всю эту шумиху. Однако я отказался. Рядом была жена, были дети. И тогда Гази Кашшаф написал несколько гневных писем и в редакцию, и в обком партии. Он защищал и Салима Аникина, и меня. Смысл его писем был один: оставьте людей в покое. А вскоре, получив газету с очерком о бывшем legionере, этот беспокойный человек написал успокаивающее письмо мне. В нем были такие строчки: «Независимо от того, как был принят материал об Аникине тюменцами, мне и нашим писателям он дорог». Очерк тут же опубликовала казанская газета. Гази Кашшаф всеми способами старался отвести от меня беду.

А потом наступило затишье.

Однако время все расставляет по своим местам. И вот совсем недавно вышла в свет книга «Восточные легионы и казачьи части в вермахте». Никакого грома не случилось. Просто мы стали знать о былой войне чуть-чуть больше.

♥ маргарита чарина

ВСЕГДА ЕСТЬ ПОВОД ИСПЫТАТЬ СЕБЯ

Думаю, что истоки моего внутреннего «я» — в моем послевоенном детстве: вспоминаются двор с дровяниками, общие игры, суровые моменты быта, долги семьи «до полочки». Творческая жилка, наверное, тоже из тех лет — приходилось самим делать игрушки, из подручного материала мастерили самодельные куклы и отправлялись в воображаемые путешествия. Вот эта-то свобода воображения очень пригодилась потом через многие годы в моей исследовательской работе.

Закончив Уральский лесотехнический институт, более 20 лет работала в его исследовательской лаборатории. Получила научную степень кандидата технических наук в области экологических проблем химических производств. Всегда на моем пути были необыкновенные красоты природы и замечательные творческие люди.

Горы Алтая вдохновили на первые зарисовки, а потом были горы Кавказа и, конечно, Урала, позже писала маслом (более 20 картин). Испытав притяжение поэзии Марины Цветаевой, стала по-другому видеть окружающее и захотелось писать самой. В 2014 году у меня сложился небольшой сборник «Тайна» (тайна бытия, тайна уз, тайна творчества).

Благодарна жизни за встречи с хорошими людьми...

судьба

От малых широт беззаботного детства
Из теплых течений родни
Идут корабли беспокойного действия
К высоким широтам Земли.

Сменяются дерзостью детские страхи,
Уж время достойно встречать
Судьбой припасенные взлеты и крахи
И сердце свое обвенчать.

Не многим указаны в лоции цели
И координаты венца,
Есть просто матроса удел, и
Коль плыть — значит плыть до конца.

Скрипит и вздыхает потрепанный остов,
Неловко уткнувшись в песок.
Дай Бог обрести обитаемый остров,
Не чувствуя, как одинок.

Разве это не счастье —
Моя телефонная книга
С замусоленным справа углом
Открывается часто
На букву любую всего алфавита,
Оживляется памятью: там-то, в таком-то, притом...

Разве это не счастье —
Мой малый комодец
Состоит из коробок, крючков, тюречков, лоскутков
Разной формы и масти —
Бездонный колодец
Безразмерных идей и таких бесконечных клубков.

Разве это не счастье —
Жучками подточен,
Кособенится стол под завалами книг, фотографий,
листов.

Каталоги коллекций и кляссер...
Его беспорядок рабочий
Мне подвластен еще,
Хоть спешит наслоенье годов.

Покуда ждет нас пряжа,
Крутись, веретено.
Всему плохому скажем:
Что было, то прошло.
А светлые мгновенья
Как золото сбережем.
Для их приумноженья
Еще мы попрядем,
Даруясь вдохновеньем,
Сердечностью, теплом,
Любовью и терпеньем,
Нехитрым ремеслом.

обереги

Бесконечною веревкой
Протянулось бытие.
И узоры — датировкой
На развешенном белье.
На остатках от материй
На раскопанных вещах
Огнедышащие звери
Воплощают дикий страх.
Шли века, меняли метку,
И воинственный петух
Превращается в наседку —
Сберегать домашний дух.
В каждой стежке скрыта сила.
«Ну-ка, сунься — отойди!» —
Будто женщина скрестила
Белы руки на груди.
И сегодня, вечеряя,
Рукодельничаю я,
Той веревкой заполняя
Бесконечность бытия.

сад

Уходят зимние забавы,
Румянец, чистые снега.
Конец зимы встречают травы
Как отступление врага.

Мой сад согреется на солнце,
Ростки пойдут наперебой...
И вот уж все мои питомцы
Опять с кудрявой головой.

Читать корней клавиатуру
Вниз головою нелегко.
Пытаюсь разводить культуру —
Природа любит сорняков.

Хоть поздней осенью он стынет,
Надежду дарит каждый год:
Всё, что не вызревает ныне,
Быть может, в будущем дойдет.

На грядку — черную ковригу —
Насыплет соли снег крутой,
Создав чесночную интригу:
Взойдет ли бутерброд весной?

Сад отдыхает — я дежурю
По кладовым его даров.
Остра закуска — глаз прищурю...
Жду снова таянья снегов.

горы

Памяти Алеши Болотова

В ущельях улиц очень мало неба,
Пропитан смогом ласковый уют,
А где-то скалы, шурясь из-под снега,
Давно-давно нас терпеливо ждут.

Но скоро прилетит весенний ветер.
Он свежестью наполнит каждый двор.
И нам дано, проснувшись на рассвете,
Узнать призывное дыхание гор.

Таинственно влечет холодный конус,
Высокой неприступностью маня
И красотой, и тем, что Третий полюс
Дает возможность испытать себя.

звездопад

— Смотри, как звезды в вышине скользят на вираже
и гаснут...

— Гаснет свет в окне на пятом этаже...

— Пугаешь? Манишь? Звездный сад, никак я не пойму...

— Наверное, она опять сама пришла к нему...

— Смотри, смотри и успевай желание загадать,
когда так вызвездит опять...

— Поели, будут спать...

— Чудно и радостно смотреть, как чиркает звезда,

как будто в холоде небес — свидетельство тепла!
Как близок нынче Млечный Путь!
Таинственно притих...
— А коммунальных-то услуг не платит за двоих...

Забавный этот диалог веду сама с собой...
О, сколько тайн
в голове
и там, над головой!

и я свидетель

Как свидетель из народа
Предстаю в суде.
Было мне четыре года,
Столько же — войне.
Брат был старше на три года.
Школьный свой обед —
Полкусочка бутерброда:
Хлеб и сладкий след
(След подушечки — конфетки)
Прятал для сестры.
Я не знала слаще метки
До конца войны.
Привилегия ребенка
Выше всех наград.
Только злая похоронка
Мяла добрый взгляд...
Взгляд нечеловечьей муки
Помню до сих пор:
Подхватил меня на руки
Раненый майор.
И достались лишь окурку
Всхлип его и крик:
«На глазах моих
Такую вот дочурку
Посадил фашист на штык».

То трепеща, то цепenea — мой! —
В сетях разлуки,
Покуда не утешит сон,
Я всё бегу к тебе по отмели пустой,
Раскинув руки.

романс

Я брожу, наступая на тени
Незнакомых осенних кустов,
А под ними склонили колени
Почерневшие стебли цветов.

Но преследует музыка вальса,
Свет цветенья — всему вопреки.
Здесь когда-то роман начинался
С поцелуя руки.

Аромат набухающих почек
Под перчаткою кожа хранит,
А повсюду приметы и почерк
Неизбывного счастья любви.

И счастьем не было конца,
И был роман. Но был он прожит...
Но не снимаю я кольца,
Не перекалываю броши.

С другой дошли вы до венца.
Давно мне не родной, не близкий,
Но не снимаю я кольца
И всё еще не рву записки.

Изменяются черты лица,
Вконец умрут бывшие шансы.
Но не снимаю я кольца
И плачу, слушая романсы.

Нет, это не угрюмость и не сплин.
Мой мир, мой дух бессонен,
И мысленно беседую я с ним
И выгляжу потусторонней.
В свою обитель допускаю тех,
С кем думать и молчать — не грех.
А кто не попадает в тесный круг,
Сочтет мое блаженство за недуг.

зимний вечер

Зимний вечер неслышно к окну подошел,
И в проеме еще не задернутых штор
Он сгустил понемногу сиреневый свет,
Невесомый и нежный, готовый истлеть,
Словно облачко милых знакомых духов
После хрупких и легких ее каблучков.

Превращался сиреневый в аквамарин,
Васильковый, дельфиниум, ирис, люпин,
А порог у оттенка незримо исчез,
Словно «си» незаметно ушло в «си диэз».
Было ясно, что синий — бальзам для души,
Будто тайно — любимые в гости пришли...

Но уже фиолетовый к окнам приник,
И пугал и тревожил мистический лик —
Видно, так навевается магия сна:
Чем темней, тем таинственней будет она.
Но король, нарядившийся в черный опал,
Самовластно у вечера чудо украл.

Когда вы на кого-то злы,
Миритесь так:
Бревно кладите на козлы,
Пилите в такт.

И если на двоих одна
Расделится сила,
Забрызгают туда-сюда
Фонтанчики опиала.

«Бжик, бжик», — звенит, поет пила;
То голос твой, то мой...
Растет-растет гора тепла
Под аромат лесной.

С устаточку — две стопочки.
Уж раз она свела.
Разведена, наточена
Двуручная пила.

ЕВГЕНИЙ ПИНАЕВ

блуждания в поисках потерянной мечты

Мы продолжаем публиковать уже новые страницы воспоминаний давно знакомого читателям «Проталины» писателя, художника, моряка Евгения Пинаева. После многолетних дальних странствий он бросил якорь на Урале, в поселке Калиново, на побережье озера Таватуй. Здесь место его встреч и творческого вдохновения.

Сегодня его рассказ о далеких, но незабываемых годах юности, о творческой дружбе и поворотах судьбы, которая бывает особенно сурова к незащищенным.

Два Евгения — Пинаев и Лаврентьев

*...Из книги бытия один был вырван номер.
И в книгу внесено, что «выехал в Ростов»*

*Мы все попутчики в Ростов. Один поране,
Другой так попоздней, но всем ночлег один:
Есть подорожная у каждого в кармане,
И похороны всем — следствие крестин.*

*А после? Вот вопрос. Как знать, зачем пришли мы?
Зачем уходим мы? На всем лежит покров,
И думают себе земные пилигримы:
А что-то скажет нам загадочный Ростов?
Петр Вяземский*

Старик Вяземский дал краткую концепцию бытия, о которой мы предпочитаем не думать. А вслед за ним Юрий Кублановский:

*Я один в своей конуре, и мне
машет ель седым помелом в окне.
Поминаю тех, с кем свела судьба,
кто полег, меня обойдя, в гроба...*

Как поминаю? У Кублановского есть ответ и на это:

*...слыша благовест сквозь бурьян...
Разве можно такими дозами?
Быть тому — наливай стакан!*

Многих пришлось вспоминать и поминать, а между теми немногими, кто пока еще с горем пополам топчет землю, идет «соревнование»: кто первым сыграет в ящик, а кто поднимет стакан или хотя бы рюмку. Так устроена жизнь. Как в трамвае. Люди входят и выходят, доехав до своей остановки, а ты провожаешь их взглядом и думаешь: следующая — моя, надо приготовиться и собрать вещички.

Последним из тех, кто был мне дорог и кто отчалил в «Ростов», оказался Евгений Павлович Лаврентьев, тезка, оставшийся для меня и через пятьдесят с лишним лет после нашего знакомства просто Жекой. Совсем недавно я упоминал его имя в «Проталине»*. Тогда на память пришло, что в армии он «баловался» стихами с избыточным одиночеством человека «чужого среди своих». Он сжег тетрадку «со своими каракулями» после того, как ему вскоре довелось прочесть впервые строчки полузапрещенного в ту пору Сергея Есенина. Каюсь, это мои догадки, не более того. А может, он перестал писать стихи, посчитав, думаю иногда, что при таком складе ума живопись более соответствует его укладу жизни.

Жека любил лошадей. Закончил среднюю школу, решил поступить в кавалерийское училище, находившееся где-то в средней России. Как-то поведал мне:

* Евгений Пинаев. «Одиночество в компании прочитанного». Проталина. 2011. № 3–4

— Экзамены сдали, а результатов не говорят. В общем, мне даже на лошадке не удалось покататься. Нас сразу погнали на картошку. Мы с одним малым взбунтовались: «А вдруг мы не приняты, а в грязи копаемся!» Ну и получили «губу» на трое суток, хотя без присяги сажать не имели права. У меня ретивое выиграло: как так, маму твою!.. А мне в ответ: «Как учат в кавалерийской школе? За узду, крепче, еще крепче и — в морду!» Сразу документы в зубы — и в военкомат.

И оказался Лаврентьев, теперь уже присягнувший Родине, в строевой части, находившейся в ту пору на передовых рубежах. Пришлось ему участвовать в уничтожении бандеровского подполья, охотиться в Литве на «лесных братьев». Приходилось и гнать с родных мест чеченцев и ингушей. Здесь хотя бы обходилось без стрельбы и смертоубийства, но душа тяжелела от гнусности происходящего. Однажды, когда выселяемые уже сидели в грузовиках, ему приказали пройти по селу и проверить, не остался ли кто-нибудь необнаруженным. И вот, когда шел улочкой, придерживая на груди автомат, увидел в кустах испуганные глазамаслины спрятавшегося пацана. Что делать, как поступить? Хватать и тащить? Сделал вид, что не заметил. Повернулся и ушел, но те глаза запомнил на всю жизнь. Они и после преследовали, как и другие кадры армейской жизни. Запечатлелась в памяти жестокость при ликвидации не менее, а в иных случаях и более жестокого противника в конце сороковых годов. Отсюда и появились у него такие строчки:

*Мне в юность мою подарила страна
Горячую пулю и ночи без сна.
И юность мою убили в бою.*

Да, начиная службу в «войсках Берии», он чувствовал какую-то напряженность и не все воспринимал как нечто безусловное. Прозрение шло по пятам и настигло моего друга сразу после «дембеля». Оно дано не всякому. Я знал людей, которые не испытывали угрызений совести после «воинских подвигов» на Кавказе. А Жеку мучила даже бумажка с «личной благодарностью Лаврентия Берии», видимо, сродни той, какие получали и мой отец, и его боевые соратники на фронте от Сталина. Мучило его и то обстоятельство, что в каком-то году их, «молодцов Берии», приравняли к ветеранам Великой Отечественной, что, по его мнению, было несправедливо. Уж не знаю, отказался ли Жека от каких-то денежных выплат (думаю, вряд ли, учитывая «эпоху»), но знаю, что не отказывался от участия в ветеранских художественных выставках. Центром одной из таких экспозиций на Кузнецком мосту стал его громадный холст «Ленин с детьми».

Да, по словам его жены, бывало, по ночам, в первые годы, он стонал и скрипел зубами, когда возникало перед ним одно или другое видение тех лет. К примеру, такое: Прикарпатье, только что закончилась войсковая операция. Привезли убитых и раненых банде-

ровцев и сгрудили их на солнцепеке перед сельской радой. Часовые не подпускали к ним никого, поэтому на поляне были уже только трупы.

Другой кадр. Теперь уже это Литва, полк расквартирован в Паневежисе, откуда и делает вылазки, получив оперативные данные о местонахождении «лесных братьев». Жека рассказывал мне об одной такой операции, хорошенько поддав, ибо в трезвом виде подобные «кадры» были для него табу.

Солдаты части, что первыми ворвались в лесной хутор, обнаружили пустой дом и стол, уставленный вкусной едой. Навалились дружно на лакомые куски да здесь же и полегли — еда была отравлена. Жека со товарищи подоспел, когда «братья» окружали хутор. Завязался ночной бой, перешедший в рукопашный. Сломали «братьев» начисто. Еще не отдышались, как радист говорит: «Лаврентьев, к тебе мать приехала. В штабе сидит». Распахнул дверь, влетел в штаб, а мать поднимается со стула и тут же падает в обморок. Тогда-то и увидел он себя ее глазами: драная, в крови и копоты, телогрейка, две гранаты в карманах, за ремнем пистолет, а в руках, как говорится, еще не остывший автомат.

Мать, повидав сына, вернулась домой, а у него, по словам Жеки, «выскочило» такое:

*Эх, удрать бы к чертовой матери
на остров Херт или Макуари!
Винтовку бросить, сорвать погоны
и скрыться за синей, синей далью.
И тосковать о том, что пройдено,
и что у нас в России лето,
и что моя большая родина
солнцем ласковым согрета.
И где-нибудь, котом Базилио,
уснуть под веткой баобаба,
грустить о брошенной России
и тосковать о русских бабах.*

Стихи у него тогда писались. Возможно, потому что Литва — страна аистов, птиц, а Жека их очень любил.

*Над гнездом, прощальный сделав круг,
улетали аисты на юг.
Им вослед зима метели слала
и назад звала и не пускала.
И одно им было на прощанье —
родины осеннее дыханье,
да в окне, за шелковой шторой,
девичьи встревоженные взоры.
Над гнездом прощальный сделав круг,
улетели аисты на юг...*

Такое вот получилось начало моего повествования с уклоном в армейскую биографию моего друга, проиллюстрированную его же стихами. Конечно, такие детали узнавал я постепенно за нашими застольями.

Все только начинается

В ту пору мы были любителями «бодрящего» напитка, но, замечу попутно, не в ущерб учебе: умели по молодости лет сочетать приятное с полезным.

Много сказано и написано про любовь с первого взгляда. Хотите верьте, хотите нет, но первый взгляд положил начало и нашей дружбе. Что это? Родственные души сразу узрели друг друга? Видимо, любовь и дружба имеют общие корни. Так я думаю.

Вот как это произошло.

Я сдавал экзамены в Московский художественный институт имени Сурикова после окончания Кишиневского художественного училища, Лаврентьев закончил Московское художественное училище памяти 1905 года. После зачисления в институт мы, первокурсники, разъехались по домам до 1 октября. Вернулись к сроку и к общему собранию новичков — это были студенты обеих групп факультета живописи. Проводилось оно в аудитории нашей группы Б.

Я где-то задержался, а когда появился, не смог попасть в аудиторию. Она была набита битком и внимала речи декана Лейзерова. Пришлось остаться в коридоре у дверного косяка. Оратора я видеть не мог, поэтому принялся разглядывать будущих соратников. В какой-то момент и усек физиономию парня, сидевшего на подоконнике. Глаза наши встретились и... Да, рыбак рыбака видит издалека. Парень сполз с подоконника и начал пробираться ко мне, несмотря на недовольное ворчание хозяев отдаленных ног. Пробрался. Последовало рукопожатие «и как будто искра пробежала в пальцах наших встретившихся рук».

На Марине Расковой

Не Швейк, но бравый и красивый (армейские годы)

Накануне меня разыскали кишиневцы Качаров и Давид, после чего мы оказались в «Каме», где хорошо посидели. До того хорошо, что я все еще плыл на ее волнах, мечтая о кружке пива. И я получил эту кружку на Абельмановской в заведении соответствующего толка. Между кружками уютно поместилась чекушка. Ее содержимое завершило знакомство бывшего жителя периферии с жителем стольного града, которое переросло в дружбу. Последовал краткий обмен информацией по части кое-каких биографических данных, после чего Жека, заметивший, что я внимательно изучаю опустевший пузырек, угостил меня Гумилевым, о котором я, темный провинциал, до сих пор ничего не слышал:

*Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

— Это ты к чему? — спросил я, поймав взгляд, направленный в сторону опустевшего пузырька. Я тогда еще не знал, что цитатка окажется пророческой: не так уж много времени пройдет, и я ошвартуюсь в порту Дакара, почти на траверзе озера Чад, где «изысканный бродит жираф», сойду на африканский берег и, сидя, «колени обняв», много раз вспомню Москву, в которой «жил вдохновенный художник (Лаврентьев)

в мире лукавых обличий», и поэта Гумилева, с поэзией которого успел познакомиться до «соленого периода» своей биографии.

Во дворе института встретили Женьку Дрофина. Кишиневец приехал в столицу, чтобы пополнить свой культурный багаж впечатлениями от московских музеев, а для начала решил повидаться со мной. Пообщались теперь уже в рюмочной у Таганского метро. Поутру проснулись в Царицыно, в дровянике, который был предложен для ночлега Лаврентьевым. Он и сам спал здесь же в деревянном корыте, похожем на гроб без крышки.

Поправив здоровье «за углом», отчалили в Москву. На Курском вокзале расстались с Дрофиным: он вспомнил, что у него назначено randevu с Вадькой Ларченко, который покинул Кишинев с теми же целями, что и Дрофин.

— Завтра ждите нас, — сказал поклонник столичных музеев. — Вадька пообещал задать пир на весь мир.

Ввиду такой перспективы в институт решили не ехать. Причину прогула придумывать не стали. Понадеялись на вдохновение. Завтра воскресенье, грядет пир горой, а в понедельник что-нибудь придумаем, если возьмут за жабры. Однако в карманах было пусто. Что предпринять?

— Едем в Манеж, — предложил Жека. — Там развешивают Всесоюзную выставку. Рабы, чтобы плоское таскать, требуются постоянно. Посмотрим тамошние шедевры, еще и денежку получим. Говорят, сразу на бочку кладут.

Я признал, что игра стоит свеч. Да и любопытно было глянуть за кулисы юбилейной выставки: как-никак, а советской власти стукнуло сорок лет.

— Не сорок пять, но баба ягодка опять, — хмыкнул Жека. — Значит, без фанфар и помпеза не обойтись.

— Может, и мы созреем к пятидесятилетию? — предположил я.

— Ты спроси, что будет с нами, когда «бабе» стукнет восемьдесят.

В Манеже нас с распростертыми объятиями встретили две кудлатые дамочки. Из тех, про кого поэт, по словам Жеки, сказал: «Что же ты дала эпохе, живописная лахудра?»

Видимо, действительно сказывалась нехватка чернорабочих, и нас ждала груда экспонатов. Кудлатые тут же окликнули трех похмельных мужиков и предложили нам объединиться с ними в едином трудовом экстазе. Возможно, они учуяли амбрэ, исходящее от нас, и решили, что оно создаст бригаду на общей идейной платформе.

Объединились, а куда денешься? Но альянс быстро развалился с молчаливого и общего согласия. Тутешние все чаще прикладывались где-то в укромном месте. Нас не приглашали, а слиться в трудовом порыве невозможно, если между гегемонами нет духовной близости, а идейная близость булькает в недоступной бутылке.

Расставшись, мы не проявляли инициативы. Держались скромно, на задах, и старались не афишировать себя. Когда появлялись взмыленные дамочки, не хватались за огромные полотна семейного клана — отца и сына — Пластовых, а бережно несли к стендам невелички Ромадина и молча злорадствовали, когда бывшие соратники волокли тяжеловесы и потели, ибо, как известно, злоупотребление употреблением обязательно выходит росой на челе труженика. К тому же они передвигались рысью, а мы двигались солидно, прогулочным шагом, дабы попутно созерцать и оценивать холсты корифеев. Жаль, что все время путались под ногами кудлатые мегеры. Если мы появлялись в их поле зрения, они обязательно заставляли нас что-то снимать, переносить с места на место, что-то перевешивать. Они тасовали картины, словно колоду карт, руководствуясь просьбами маститых авторов. По пути отругивались от провинциалов, которых считали мелкой сошкой, неизвестно как попавших в святая святых.

Время шло, мы между делом приглядывались и к самим мэтрам.

Громадный Богородский нес вахту возле своих матросов в черных мини-бескозырках, похожих на его берет. Поглядывал на всех свысока, а не просто с высоты своего роста. Благообразный бородач Лактионов, неторопливо прогуливаясь вдоль стендов, с достоинством нес свою трость. Шляпу, чтобы не осквернять храм искусства, он держал в руке. Художники бродили в одиночку и толпами. Больше других суетился Ромадин, которому был предоставлен отдельный отсек. Внешне он походил на добродушного старичка-свердловчанина Сан-Саньча Жукова, за которого я его сначала и принял. Однако во всем остальном был его полной противоположностью. Прославленный пейзажист сновал в толпе поклонниц с проворством сперматозоида. Он пачками приводил их в свой закуток. Восторженные дамы порхали от картины к картине, закатывали глаза и утопали в клубах фимиама. Мэтр и сам не уставал восторгаться своими творениями и «ахами» экзальтированных дам, то и дело прикладывался к их ручкам и чмокал в щечки, выпроваживал одних и приводил новых. При этом в голове моей назойливо звучала неприличная песня, мотив и ритм которой использовались духовым оркестром на танцплощадке городского сада во времена моего школярского детства, когда мы, шалопаи, крутились возле и мелко пакостили танцующим парам, подкладывая на скамейки то репей, то крапиву или дохлую мышь: «...по чину своему он был поручик, а дамских штучек был генерал, сидел он с краю, все напевая, а поезд трам-парьям-парьям-парьям-парьям!»

Когда петушок подался за очередным выводком курочек, я задержался у одной из картин, про которую «идейный коллега» сказал, что «Николаша писал ее пять лет». Видимо, алкаш общался с художником в неформальной обстановке.

Литва. 1950 год

— По-о-ял, студент, каким нужно быть работягой, чтобы заслужить отдельного стойла в этом стаде?

Не знаю, как бы я сейчас оценил эту небольшую картину. Тогда она показалась мне излишне сусальной: осеннее утро, сосны, кони в реке. Написано, в общем, здорово, но без левитановского настроения. Хотя кто его знает... А может, так и надо? Трудолюбие — это...

— Ну как, нравится? — спросил Ромадин, внезапно возникший за спиной.

Я что-то промямлил, но его не интересовало мое мнение. Он упивался вполне искренне, видя вокруг себя одного себя. Сам и выдал оценку:

— По-моему, ничего! Вот только свет электрический без ножа режет! — пожаловался он. — Представьте себе, что за рамой ваша жена, раздетая и в таком виде! Вы бы смотрели на нее?! Так и с любимой вещью. А приходится показывать зрителю в такой обстановке и при таком освещении.

«Стал бы ты показывать жену в неглиже и при дневном освещении», — чуть не ляпнул я. А он вдруг обернулся ко мне и спросил:

— Вы читали, что недавно обо мне написал Паустовский?

— Н-нет, — растерялся я.

— О-о!!! Он считает меня лучшим живописцем не только Советского Союза, но... и, вообще... — Выпалил сей мастер и, убегая, добавил: — Ну, что ж — сочтемся славою!

А тут и Лаврентьев, отлучившийся для встречи с кем-то, появился. Я собрался поделиться с ним впечатлениями, но кудлатые подняли крик, и мы принялись снова таскать, вешать, снимать и заменять один холст другим. В глазах уже рябило от красок, лиц и кутерьмы.

Приходилось носить к стендам и творения молдаван. Тут были Греку, Глеб Саинчук и жена его Валентина Руссу-Чебан. Даже завуч Петрик попал на юбилейную. Его пейзаж поставили возле «Вечера» и двух портретов Качарова, а также громадной «Целины», написанной им совместно с Богдеско. Подобного добра мы перетаскали за день несчетное количество. Но было много и замечательных вещей. Натюрморты Кончаловского, к примеру, или «Прачки» братьев Ткачевых. Хорошо смотрелся Пластов-папа. А от Пластова-сына за сто метров несло индивидуальностью отца — сплошные перепевы! Даже натурщики, кажется, были теми же самыми у обоих. Однажды вдали мелькнула фигура Оскара. Качаров был в обществе Дубиновского и училищной искусствоведки Ады Мироновны, которая надоела мне в Кишиневском училище. Я шмыгнул в какой-то закуток и нос к носу столкнулся с уральцем Смирновым. Если не ошибаюсь, в ту пору он был председателем свердловского Союза художников.

— Что, Пинаев, и здесь активничаешь? — оговорил он непонятным вопросом. Интересно, где это я «активничал» раньше, да еще у него на виду?!

— На пиво зарабатываю, — ответил и спросил, что слышно о Терехине и Охлупине.

— Укатали в Среднюю Азию, — ответил он. — На выставке оба будут представлены. У Аркадия взяли «Зеленую улицу», «Каму» и «Дороги целины». У Володи «Самарканд», «Теплицу» и «Старую казашку». Взглянуть сегодня не получится. Они до сих пор где-то в завалах грудятся.

На том и расстались.

Сама по себе процедура «составления экспозиции» была очень поучительна, но к десяти вечера, когда кудлатые решили отпустить работяг на отдых, мы еле волочили ноги. За день проглотили по пирожку и бутерброду. Возможность плюнуть на все и ретироваться была, но не хотелось терять заработанных рублей. Мы потребовали их, но получили отказ. «Получите завтра в отделе культуры», — ответила одна из дам.

Жека взбеленился («Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен, он весь, как божия гроза!»). Тотчас появился кошелек. Получив положенное, мы испарились мгновенно. Этим же вечером мы отчалили в Царицыно, где назавтра была назначена встреча с Дрофиным и Ларченко.

Полупустой вагон электрички был освещен «интимно», лишь одной половиной плафонов. За нашими

спинами звякали бутылки и булькало пиво, но разговор шел серьезный — за политику. Мужики обсуждали письмо Громыко в ООН, опубликованное в «Вечерней Москве». Министр страшал империалистов, что в случае их нападения на Сирию СССР не останется в стороне и поможет арабам своими вооруженными силами. Поэтому мужички толковали о «третьей мировой», которая наверняка будет атомной. В ту пору тема атомного противостояния не сходилась с газетных страниц. Мой друг, подогретый спиртным, тоже коснулся этой темы «в старые недобрые армейские времена».

*Я помню ночи, сказки джинна,
и часто мне мешает спать
тоска по лампе Аладдина,
что никогда не отыскать...
Избавь меня от горьких дум,
прижмись сильнее ко мне —
как надоел газетный шум
об атомной войне!
Мне бы уснуть в объятьях жгучих,
забыть о всем и никогда
не тосковать о чем-то лучшем
и не считать года...*

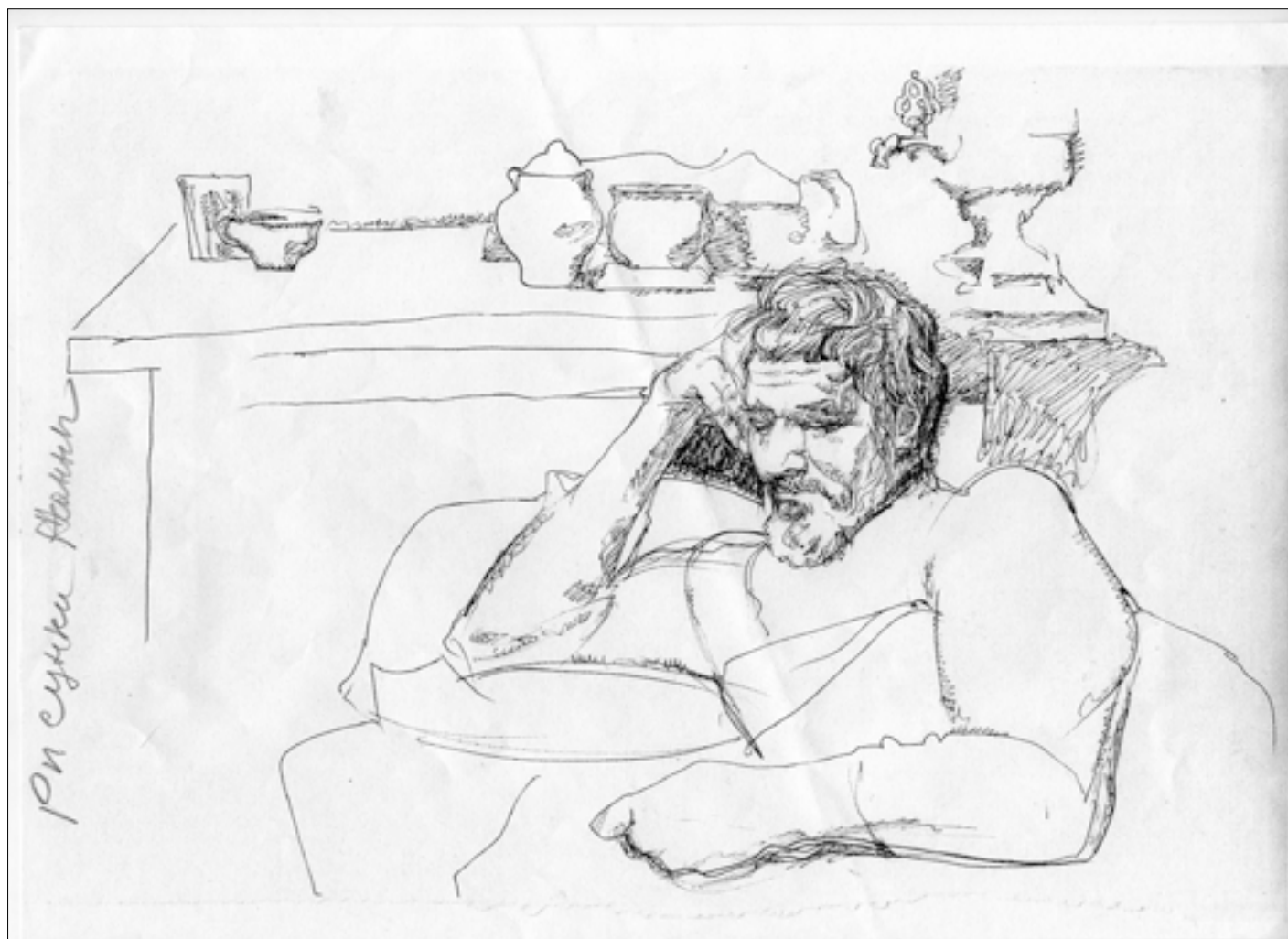
Тем временем доморожденные политики за нашими спинами вдруг заговорили о Корее. Вернее, о Кореех. О Северной и Южной и о недавней войне между ними. Один из мужиков принимал в ней участие в качестве то ли штурмана, то ли бортмеханика. Он и рассказал анекдот, ходивший в народе в те времена.

— Северяне сбили американского аса-истребителя. Тот приземлился на парашюте, был взят в плен и доставлен в штаб авиачасти. Допрос, то да се. Американец просит показать ему пилота, который его сбил. Приводят щуплого корейца: «Вот наш герой!» «А ну, повтори, что ты сказал, прежде чем атаковать меня», — говорит сбитый ас. «Да здравствует великий вождь товарищ Ким Ир Сен!» «Это не он, — говорит американец штабистам. — Тот кричал: «Вася, прикрой мне хвост, щас я ему дам!»

Мужики захохотали, я тоже прыснул в кулак. Жека поднялся и вышел в тамбур. Я поплелся за ним: мы подъезжали к Царицыно.

— Между прочим, хватив в тот раз полстакана водяры от расщедрившегося старшины, я тоже восхотел как-то попасть в Корею. Поднялась в душе мутная волна патриотизма и солидарности, что взять с дурака? Утром, правда, сообразил, что там нужно не пушечное мясо, этого добра у них хватало, а спецы, вроде того Васи и его друга. И тогда я сочинил стишок:

*Я хочу туда, где пальмы, пить вино, душой скудея,
это лучше, чем напалом жечь детей
в полях Кореи.
Чтобы жизнь цветущим садом расцвела,
мечтать не смею.*

Лицо в ракурсах. Рисунки Жанны Оглы

*Мне б, с карательным отрядом,
прогуляться по Бродвею.
Но не нужен я Корею, без меня сады созреют.
Буду я, душой скудея, пить и пить вино...*

Возможно, у кого-то возникнет впечатление, что мы только тем и занимались, что пьянствовали. Это не так. Ведь самое интересное, запоминающееся происходит не в монотонной сущности буден, а в «экстремальной», я бы сказал, обстановке, когда сознание не поспевает за бытием. Но об учебе рассказывать скучно — сухая обыденность. Она — пресный хлеб студенческой жизни: молчаливо-сосредоточенная штудия натуры и лекции. В конце концов, не за эти же студенческие «шалости» Евгений Палыч Лаврентьев получил впоследствии звание заслуженного художника России. Главным для нас в те годы было все-таки общение. И мы «общались». Через месяц — в теплой компании, которой мы дали, не без намека на лирические сопли, название «Осенний лист». Состав ее был невелик. К тому времени к нам присоединились пятикурсники из мастерской Александра Дейнеки — Иван Шацкий и Володька Хваленский, отпрыск захудалого дворянского рода, которого все знали как Хвалю. До сих пор не пойму, как это произошло. Наверное, из-за меня и Хвали. Выбирали народных судей, Володька возглавлял комиссию, а меня назначили агитатором. Ну, а где Хваля, там и Шацкий — дружбаны. У нас появился и «ответственный секретарь». Точнее, секретарша — Катька Чернышова с третьего курса мастерской Цыплакова. Водку, конечно, она с нами не пила, но служила объектом тщетных ухаживаний Ивана и участницей коллективных бесед в перерывах между лекциями. Чтобы упоминание о ней не пропало втуне, скажу, что Лаврентьев каким-то образом ухитрился написать ее портрет. Небольшой красивый этюд, видимо, не потребовавший для сеанса много времени. Годы спустя он оказался у меня в архиве. Вроде бы цел. Жека подарил во время одной из встреч.

Мы тогда пили все ту же горькую на ступенях в прошлое, вспоминали Ивана и Володьку, успевших пережить Стикс в ладье Харона, вспомнили и Катьку — уже Екатерину Николаевну и заслуженную художницу РСФСР. Расчувствовались, само собой. Да и как иначе? Во-первых, дорогие воспоминания, а во-вторых, время-то бежит... Вроде совсем недавно Жека подшучивал над доцентом кафедры живописи института им. Сурикова Иваном Васильевичем Шацким, что вся Москва увешана плакатами-афишами — уже извещена столица, что «Иван Васильевич меняет профессию» живописца на стезю педагога и вот, иных уж нет, а те далече. Что ж, теперь далече и сам шутник.

Шацкий был главным добытчиком в дни, когда «Листья» оказывались в тисках финансового кризиса. Стихотворную затравку предлагал Лаврентьев, глядя на Катьку. Эти строчки служили знаком-паролем, что пора Ивану выходить на «тропу самурая», туда, во

двор института, где вот-вот появится кофейная «Волга» пунктуальнейшего Александра Александровича Дейнеки, народного художника СССР, действительного члена Академии художеств СССР, лауреата Ленинской премии, профессора, член-корреспондента Академии искусств в Берлине, ГДР, чей бумажник, набитый купюрами разного достоинства, Ванька должен был галантно пощипать, выпросив энную сумму, потребную нам, голи перекаточной, для того, чтобы встряхнуться.

Итак, Жека произносил заклятие:

*Что сейчас со мной внешнего порой?
Аисты кружат над головой, льнет к лицу сирень,
девичьей слезой падает на плечи мне роса...
Где ж твой звонкий смех, синие глаза?
Отчего так сердцу что-то жаль,
что ж не илешь привет?
Да молчат в ответ голубое небо, аисты и даль.*

Катька хихикала, Иван вздыхал и выходил на большую дорогу. Автомобиль показывался в воротах, Иван, встречая мэтра, широко улыбался и произносил волшебную фразу. Что-то вроде «Сезам, откройся». Отказа он никогда не получал. Кошелек мэтра доставался и открывался: Иван всегда возвращался к нам, таившимся в томительном ожидании за углом.

Кстати, Иван был одним из последних, кто совершил вояж в Индонезию на судне Черноморского пароходства. После этого рейса лавочка, организованная деканом Лейзеровым, приказала долго жить, и я впал в меланхолию, так как, поступая в институт, надеялся сочетать приятное с полезным. А все Илья Кабаков, однажды посетивший Кишинев во время пешего перехода из Крыма в Москву. Ему дали приют в общежитии художественного училища, и он как-то обмолвился о «морской» инициативе декана. Я и загорелся: пуркуа па?! И вот «почему бы и нет?» не состоялось.

Как-то в пивной на Абельмановской я поделился с Жекой своим горем. Он выслушал меня и вдруг прочитал свои «армейские вирши»:

*Красиво лебеди кричали, рождая эхо, таял звук.
Мы так с тобою одичали без женских ласк,
без женских рук,
без поцелуев, без объятий, встречая смерть
лицом к лицу,
я тосковал о чем-то платье,
раз промелькнувшем на мосту.*

Он отхлебнул из кружки, помолчал и продолжил:

*А ты мечтал о далеком плаванье,
о чужих берегах в цвету,
о туземках в нерусских гаванях,
о колибри и какаду.
Милый, милый, смешной мальчишка!
Это было давным-давно,*

Лицо в ракурсах

*ты тогда перечитывал книжки о золотом руно...
Сурова граница Суоми, и радостей нет,
но не тоскуй о доме, зеленоплечий шкет.*

Теперь, полвека спустя, когда Жеки нет и его, Евгения Павловича, не спросишь, мне кажется, что последние строчки — экспромт, выданный в прокуренной забегаловке специально для меня. В утешение что ли. Но и напоминающий о разнице наших судеб. Все-таки был он старше меня на пять лет, а это — достаточный срок, чтобы у каждого появился свой личный фарватер, свой взгляд на жизнь и свое представление о том, как и куда направить путь и где отдать якорь. Однако, скорее всего, это не экспромт. Последние строчки говорят сами за себя: это он обращался к себе, когда-то тоже мечтавшему «о чужих берегах в цвету».

Я выбрал свой фарватер, о чем впоследствии никогда не жалел. В новогодние каникулы оказался в Питере, зашел в Морское агентство по перегону судов и договорился, что проведу летнюю практику матросом в северном перегоне. Вызов пришел после весенних экзаменов. Ректор Модоров сначала уперся: первокурсник обязан проделать летние занятия под надзором педагога. Я приуныл, но ректор вдруг сменил гнев на милость и отдал приказ на выдачу летней стипендии в полном объеме. Мое «отплытие» в Калининград, где меня поджидал спасательный морской буксир «Бдительный», друзья-товарищи отметили с должным размахом. Размякший Лаврентьев напуганно оторвавшийся «листок» своими виршами:

*Сижу один, смотрю на стены
и вижу в сумраке теней,
как папа Карло взял полено
и сказку сделал для детей.
Смешное, взбалмошное детство,
но, может стать, за стеной
лежит, таится по соседству
от счастья ключик золотой.*

«Папа Карло — это ректор Модоров», — решил я, ликуя и уже нащупывая в кармане золотой ключик от счастья.

Счастье у каждого свое. Я свое нашел после поллярного рейса, получив полный набор удовольствий: льды Карского моря и пролива Вилькицкого, шторма и энное количество «соленых рублей». Проучившись по возвращении в Москву до декабря, решил, что мой «золотой ключик» таится не в столице, а в Калининграде. Я и сбежал в Кениг, соблюдая конспирацию, так как «Осенние листья» уже дважды удерживали меня за фалды от подобного шага. После этого я встречался с друзьями, когда ехал на Урал в отпуск. Каждая такая встреча начиналась, «в таверне «Подзорная труба», где собирались «бродяги со всех морей и океанов». То есть у Лаврентьева. Происходило возлияние, как и по-

ложено, в обществе всех «листьев», которые простили беглеца.

Однажды, когда Хваленский и Шацкий уже покинули нас, а нам хотелось продолжить еще «по чуть-чуть», мы отправились в гастроном. Одного я не знал, что Жека прихватил и спрятал под полую клешню крупного омара. Я привез эту экзотику в подарок ему. Надо сказать, что левая и правая клешня этого рака декапода отличаются друг от друга. Правая, более крупная, похожа, грубо говоря, на боксерскую перчатку. Ею рак раскалывает раковины и т.д. Она — добычица пищи. Левая отдаленно напоминает щучью морду. Ею он придерживает лакомые кусочки, она же выполняет роль ложки-вилки.

Пока я выбивал чек, Жека успел пристроить клешню в рукаве пальто, после чего забрал у меня чек и, засунув его в пасть «щуки», подал продавщице. Та сначала онемела, вытаращив глаза до возможных и невозможных пределов, а потом завизжала. С ней случилась истерика. Ладно, что лужу не сотворила, но переполох подняла ужасный. Спасать ее сбежались бабы со всех отделов, даже два мясоруба вылезли из подсобки. Последней ворвалась директриса: «В чем дело?!!»

Лаврентьев невозмутимо держит клешню с чеком над прилавком и просит отпустить товар. Я переминался с ноги на ногу возле него. Ждал развития событий и дождался. На нас навалились те, у которых фартуки в сумасшедшем. Ну, еще не навалились, но собирались, если судить по ромам. И тогда я совершил глупость. Достал из кармана безвредный, но внушительного вида пистолет-линеметатель, испорченный, так как им матросы кололи орехи и забивали гвозди, ткнул им в фартуки — атака захлебнулась. Мы получили бутылку, но у выхода нас встретила милиция. Директриса успела вызвонить. Меня разоружили, но не покусались на бутылку и клешню, на которую посмотрели без интереса. Наверное, сочли закуской. Возмутителей спокойствия отконвоировали в отделение и только теперь потребовали документы. Я предъявил паспорт моряка, Жека студенческий билет. В таких ситуациях я трезвею довольно активно. Жека, по-моему, никогда не пьянел.

Не ведаю, как бы дальше развивались события, не появившись капитан, начальник отделения. Меня он вроде бы не заметил, а на Жеку уставился и сказал: «Этих — ко мне!» И скрылся за дверью. Жека повернулся к конвоирам, величественно взмахнув клешней, все еще торчавшей из рукава:

*Музы, рыдать перестаньте,
грусть свою в песнях излейте.
Спойте мне песню о Данте
или сыграйте на флейте.*

«Музы» зарычали, но мы уже шмыгнули в кабинетик капитана, куда один из «муз» принес наши документы и линеметатель, сказав при этом, указав на меня, что этой железкой я угрожал работникам прилавка.

«Нас на грешной земле качало...»

— Иван Петрович, а мы к тебе в гости, — сказал Жека. — Ничего, что так поздно?

— А это кто, Евгений Палыч? — кивнул капитан в мою сторону.

— А это мой друг Колумб, — ответил Жека. — Вернулся из плавания. Сегодня мы празднуем открытие им Америки.

— Лучше бы он закрыл ее, — буркнул капитан Иван Петрович.

— Как пожелаешь, — кивнул Жека. — Закроешь, тезка?

— Запросто, — ответил я, почувствовав облегчение. — Но без моей краснокожей паспортинки закрытия не получится. Не выпустят за бугор, чтобы закрывать. Это же не форточку захлопнуть.

— Твой Колумб, Евгений Палыч, что-то больно разговорчив, — сказал, помягчев, капитан. Да вы садитесь, разбойники! В ногах правды нет.

— Колумб намолчался в океане, — сказал Жека, поставил бутылку на стол и сел. Я последовал его примеру и тоже сел. — Уж ты, Петрович, прости его, верни паспорт и личное оружие. Сам понимаешь, без пушки Америку не закрыть.

— Верну. Все верну, лишь бы открыл ЭТУ, — он кив-

нул на бутылку, а когда я свернул ей голову, позвал наших конвоиров.

— Ребята, простим хулиганов? — сказал капитан, обращаясь к сержанту и рядовому. — Один из них оказался Колумбом и недавно открыл Америку. Я потребовал ее закрыть. Он согласен, но хочет, чтобы вы приняли посошок за успех предприятия.

Все расплылись в улыбке и охотно приняли на грудь, после чего сержант утер рот и спросил, указывая на «личное оружие», что это за штукавина и для чего она предназначена.

Я пустился в объяснения.

— Эта штукавина — линеметатель. При сильном волнении два парохода не могут сблизиться, а с одного на другой надо подать тяжелый буксирный трос, тогда прибегают к помощи штукавины. Видите резьбу в кончике ствола? Сюда ввинчивается приспособление с гранатой, к которой крепится проводник — легкий тросик, линь. Граната летит на палубу парохода, матросы выбирают проводник, а затем и стальной буксир. Моя штукавина сломана. Наши парни ее вместо молотка использовали, ну я и забрал себе. А за то, что вытащил его из кармана, извиняюсь. Думал, мясорубы в драку полезут, вот и решил припугнуть.

Мы засобирались.

— Петрович, завтра я к тебе загляну, — сказал Жека.
— Я для тебя одну вещицу припас. Вручу как награду за доброту твою.

«Вещица» — позеленевший бронзовый подсвечник. Оказывается, эти двое, Жека и капитан, собирали подобное старье. Они и познакомились, роясь на свалке. У Жеки две полки на кухне были заняты разнообразной бронзой и медью.

Каким я был в ту пору и что из себя представлял? Вот строчки из письма ко мне Жекиной жены, которая тоже не чуралась воспоминаний:

«...ведь я-то хорошо помню как (как!) ты говорил-говорил-говорил день и ночь после подпития с Лаврентьевым в твои приезды (проездом) между морскими вояжами, тогда еще, у нас, на ул. Медведева (ныне Старопименовский переулок, и присно и до того). Кстати, иногда ты засыпал ненадолго на диване, во сне сваливался странным прыжком на все четыре конечности и, оттолкнувшись от пола, спружинив, мгновенно оказывался в койке, то есть на диване, и засыпал не просыпаясь. Мы всегда, наблюдая эти твои кульбиты, смеялись — снится качка, штормит. Интересно, с годами это у тебя прошло?»

Прошло, Жанна, увы, прошло, как проходит все хорошее, хотя в тех «кульбитах» хорошее было одно — молодость. Сей кусочек вставлен не для саморекламы. Какая самореклама, когда тебе уже за восемьдесят?! Это — для полноты картины. А что до писем, коли пришлось случайно зацепить эту тему, то...

Иногда в морях до меня добирались московские письма. Собственно, настоящее письмо от Жеки я получил всего лишь один раз. Уже и не помню, на каком курсе он в ту пору учился. Письмо было не слишком бодрое. Привожу его целиком:

«Здравствуй, Женька! Письмо твое получил, привет Фонарю (наш друг-однокурсник. — Е.П.) передал. После твоего отъезда встречаемся редко, фанфары наши заглохли, но если встречаемся, то, конечно, кидаем. Темнец-Фонарец живет ничего. На днях крепко откушали, после чего его 3-й день нет на занятиях. Темнец теперь замещает Васю-фонарщика (надеюсь, ты не забыл, как он уснащал диапозитивами лекции Алпатова и Чегодаева?). Вася что-то отмочил с Михайловым (министр) и был выкинут из института, дела в котором идут к какому-то мрачному финалу. Строго становится с прогулами и опозданиями, ввели еще 2 часа «военки», с будущего года обещаны методики преподавания рисования и черчения, психология. Обучение будет заканчиваться 5-м курсом, как в училище, с дипломом учителя рисования и черчения. И только «talанты», как прежде, будут защищать дипломы на 6-м году. Ну, а с нашим рвением в «talанты» не выйдешь, поэтому есть ли смысл тянуть канитель, а? Я опять на распутье,

тем паче дела в Подольске паршивые — кормить перестали. Было собрание в мастерских худ. фонда. Директор (у него прозвище было Истребитель) начал с меня. Иду, говорит, по городу, а навстречу Лаврентьев. И такой пьяный-пьяный, что я его не сразу узнал. А я в ответ: «А я вас сразу узнал!» Хохот, конечно... Правда, на днях появилось некоторое прояснение. Мне устроили так называемый «творческий отчет» и решили (я показывал фотографии с подмалевков), что кормить меня следует, но чем это кончится, во что выльется практически — туман! Держусь сейчас за институт только в смысле стипендии. Да, пожалуй, что так.

С Жанной живем ничего, если не считать хроническую нехватку денег. Ты спрашивал о своей «Норвегии». Стоит у меня в рулоне. И последнее, если не жаль, разреши мне кое-что написать с твоих этюдов, которые у Хвали. На продажу, вестимо. Если откажешь, не обижусь. И еще. Я, конечно, ругал тебя за романтический трюк с отъездом из Москвы «и быть может навсегда», а теперь вот думаю, что ты едва ли не прав. Наверное, прав. Возможно, это единственный выход по нынешним временам.

Когда пришвартуешься к нашей гавани? Рад тебя видеть всегда, часто вспоминаю, мне одиноко без тебя в институте. До свиданья, друг, — приезжай! Привет от Жанны и Зинки. Томик тоже шлет привет усатому дяде».

Страхи были напрасными. Новшества, испугавшие студентов, в институте не появились. Жека благополучно защитил дипломную картину «Сергей Есенин среди земляков», впоследствии получил звание «Заслуженный художник России». В этом звании и ушел за Млечный Путь. Его диплома в оригинале мне увидеть не пришлось. Только черно-белую репродукцию, вырезанную из какого-то буклета и присланную через год после защиты диплома.

Году, кажись, в восемьдесят первом, когда я навещал друга по пути в Севастополь и оказался в его мастерской, что в Подольске, я за рюмкой вдруг вспомнил Истребителя:

— Работает?

— Поперли. Он до того дошел, что стал принимать картины на ощупь! Ладонью проведет, и если шероховатая — не годится! И ведь некоторые пемзочкой драили поверхность холста, чтобы навести нужный ажур.

— Номенклатура!

— Вот именно. Ты Никереева помнишь? С графики.

— Еще бы. Как-то сидел без денег, так он выручил. Купил у меня за трояк какую-то книжицу о Кете Кольвиц.

— И этот трояк мы с тобой тут же и оприходовали. Потому и вспомнил академика.

— Уже?

— Уже членкор. Братья Ткачевы на собрании: «Этот график сейчас лучший в мире!» А Шатов удивленно: «А мы его били....» Значит, скоро в действительные пройдет.

Опасный груз доставлен

— Ты-то как живешь? — спросил я.

— Существую. У меня нынче ни одна работа на лотерею не прошла. В прошлом году одна.

— Сезанн говорил, что художник должен быть бедняком.

— Вот-вот! На худсовете тоже так думали. Пластов-сын заявил, что рука не поднимается голосовать. «Да, — отвечаю ему, — раз не поднимается, то как ее поднимешь?» И пошли они меня поливать! Так ни одной и не взяли картинки.

Таким воспоминаниям предавались мы при редких встречах.

Письмо, приведенное выше, было единственным из двух «вменяемых» писем, полученных от него. Второе не сохранилось, зато уцелели почти все «шуточки», как правило, заставлявшие меня на промысле. Эти образчики эпистолярного жанра стоят того, чтобы привести их здесь, в бесхитростном рассказе о друге.

Первое, полученное в Гвинейском заливе, собственно, не было письмом. Да, был конверт с адресом, с проштемпелеванной маркой, но когда я вскрыл его, предвкушая... А черт его знает, что я предвкушал, вынимая кусок страницы из детской книжки с изображением округлой задницы бегемота (так сказать, проекция с кормы), украшенной поросычьим хвостиком. Ниже

— машинописная строчка: «Вид на Пинаева с берегов родины». Нет, я все-таки предвкушал какую-то информацию, но когда «Актюбинск» доставил мне второго «бегемота», изображенного в несколько иной позиции и снабженного четверостишиями с явными признаками плагиата, я понял, что там, в Москве, мой гордый образ пирата и флибустьера окончательно отождествился с неповоротливым жителем зоопарка:

*У Женьки, видимо, промокли
мозги от постоянных ванн,
он вдаль глядит во все бинокли,
а рот раскрыт, как чемодан.
Он из воды не вылезает,
лежит, как мокрое бревно.
Возможно, то БРЕВНО напишет
в Москву ответное письмо?*

В порт уходил «Братск», и я быстренько накарябал ответ, в котором излил «анонимным» отправителям пузатых бегемотов всю глубину своего негодования по поводу профанации героического образа советского промысловика, вынужденного по шесть месяцев не вылезать из воды ради того, чтобы эти «анонимы» могли закусывать водку сардиной пряного посла. Для

Е.П. Лаврентьев. В Подольске (2000–2004 гг.)

пущей важности, а может, с тоски по друзьям, даже вспомнил Бориса Корнилова, которого знал в ту пору с подачи московского журналиста Вильки Гонта, чей репертуар пополнялся из поэтических сборников:

*От Махачкалы до Баку луны плавают на боку,
И, качаясь, идут валы от Баку до Махачкалы.*

Конечно, валы шли не туда и не оттуда, но поэт точно передал окружающий пейзаж с однообразием моих «трудовых будней», поэтому я закончил цидулку напоминанием, что вот, мол, погодите — ужю прибуду в столицу...

*Нас на грешной земле качало, нас качало
в туманной мгле, —
качка в море берет начало, а бесчинствует
на земле.*

*Водка, что ли? Ну да, и водка. Спирт горячий,
зеленый, злой.*

*Нас качало в пирушках вот как: с боку на бок
и с ног долой!*

«Бегемоты» исчезли с моего горизонта, зато другие писульки, полученные в другое время и в других точках мирового океана, были плодами коллективного творчества, судя по количеству подписантов. Бесконечные фокусы и буквальные шарады.

Вот вам один, самый коллективный пример эпистолярного жанра моих московских друзей и собутельников:

«Здравствуй Гишпопо! Пишут тебе забулдыги Зинка, Жанка, Ванька, Хваля и я. А забулдыги — это они, а не мы (поправку вношу я, Зинка). А ну ее! Продолжаю: сегодня Зинке приснился голый Шатский, а Шатскому — голая Зинка. Посему решили с Хвалей назюзюкаться. Денег нет, конечно, но!.. Придешь на берег — жди нас. Если не сопьемся, деньги будут. Шатский приперся. Думал, мы пьем за Жанку и Зинку, но кроме мышей никого не было. Хваля был 8 раз пьян за один день. Сейчас трясется. Собирается трястись и у брата в Ленинграде. Недельку. Вот так. Кончаем писать, идем пить.....!!!!???? %!!!»

Артист Вениамин Смехов сказал в какой-то радиопередаче, что однажды приходит время, когда человек должен идти по жизни спиной вперед, вглядываясь в прошлое. Не ново. По крайней мере, для меня. Давно ползу задом наперед. Пример тому картинки-эпизоды из нашей «лихой юности», описанные выше, которые постоянно со мной. Я вглядываюсь в них с ностальгической нежностью, потому что в спину дует холодный ветер вечной ночи, а грудь и лицо греют машинописные строчки, хотя и доставленные с родины пароходом, но в заливе подхваченные горячим ветром с африканского берега.

Да, иногда я залился, иногда смеялся, получая из Москвы словесную абракадабру, которая все же, как ни крути, несла крупицу достоверной информации. И, может, более достоверной, чем сухое описание каких-то жизненных ситуаций. Теперь думаю, что он или они там, в Москве, знали, что требовалось мне в те дни. Даже теперь я улыбаюсь, словно вижу живую его, Жеки, хитрую усмешку... ну, хотя бы в кафе, в которое мы заглянули, встретившись, когда Жека возвращался с какой-то халтурки, имея за спиной рюкзак с красками и помазками, а на ногах башмаки без шнурков.

— Макароны имеются? — спросил он официантку, возникшую у нашего столика.

— Только спагетти, — ответила девица.

— Не годится, — вздохнул Жека.

— Не все ли равно? — удивилась она.

— Не все. Спагетти, что нитка, а мне бы вот... — Он выставил ноги. — Мне башмаки надо зашнуровать.

Девица сначала задумалась, приподняв выщипанные бровки, потом прыснула в ладонь и попросила «уточнить заказ».

Недавно я раскопал старую записную книжку, начатую еще в Молдавии, и наткнулся на два стихотворения моего друга. Первое он прочитал мне на следующий день после истории со «шнурками», когда я потащил его в Третьяковку на выставку Врубеля:

*Холст. На нем бред из красок и линий.
Здесь искусство — вино, а вино — это бред.*

*Может, так же его за игрой и звал Паганини
когда-то. Паганини и Врубель, и скрипка — одно.*

Вторым я хочу наконец закончить эти страницы памяти:

*Целый день капель стучит за окнами,
целый день стрекочут воробьи.
Ты придешь, стряхнешь росинки с локонов
и протянешь рученьки свои.
Поглядишь и спросишь: «Снова пьяный?
Милый друг, к чему, зачем вино?
Йодом, а не водкой лечат раны,
даже если ранен тяжело».
...Черт побрал бы меня за это!
Но какой же я, право, чудак.
Разве можно поправить дело,
если дело уже табак.*

Не помню, что за повод был для этой его декламации. Сунул ему записную книжку и попросил сделать «автограф на память». Он как-то странно посмотрел на меня, но помусолил карандаш, запечатлел стих и даже расписался. А я вдруг вернул ему из «Соленого ветра» капитана Лухманова, которому некий батумский неудачник плакался в жилетку: «А теперь мое дело — бамбук».

Табак ли, бамбук ли, но что-то когда-то у Жеки случилось. И наверняка после солдатчины. Тогда не спросил, а теперь не спросишь.

Я ничего не сказал о друге как о живописце. Я не искусствовед. Желаящие могут прокатиться в Константиново, на родину Есенина, или в столицу, а у меня так только можно взглянуть на «ответственную секретаршу «Осеннего листа». Был еще один прекрасный этюд, написанный в Евпатории, но, увы, он сгорел при пожаре, случившемся несколько лет назад в моем доме. Упомяну еще лишь картину «Браво, Пушкин!», аскетическую по цвету, но виртуозно закомпанованную в квадратном холсте. Фигуру поэта, лежащего на снегу с пистолетом в руке, можно разглядывать с любой стороны картины, даже если она будет повешена «вниз головой». Могу лишь добавить, что во время учебы в институте, настоящими живописцами, что-то понимающими в тайнах колорита, в собственном видении цвета, я считал только двух сокурсников — Лаврентьева и тихоню Леху Фонарева, который мог в спящей общаге тихо, почти бесшумно, щипать гитарные струны и напевать «Лебедя» Бальмонта. Видимо, потому, что сердца обоих были пропитаны той поэзией, которая не гремела литаврами, а заставляла бесшумно отзываться чуткие струны их душ.

Вот, пожалуй, и все, что удалось рассказать.

Позволь, Жека, на прощанье еще несколько слов, как будто мы по-прежнему, как встарь, сидим визави, друг против друга или рядышком.

Жека, драго мя! Один моряк-рыбак, он же ученый ихтиолог, имевший родственные отношения с твоей

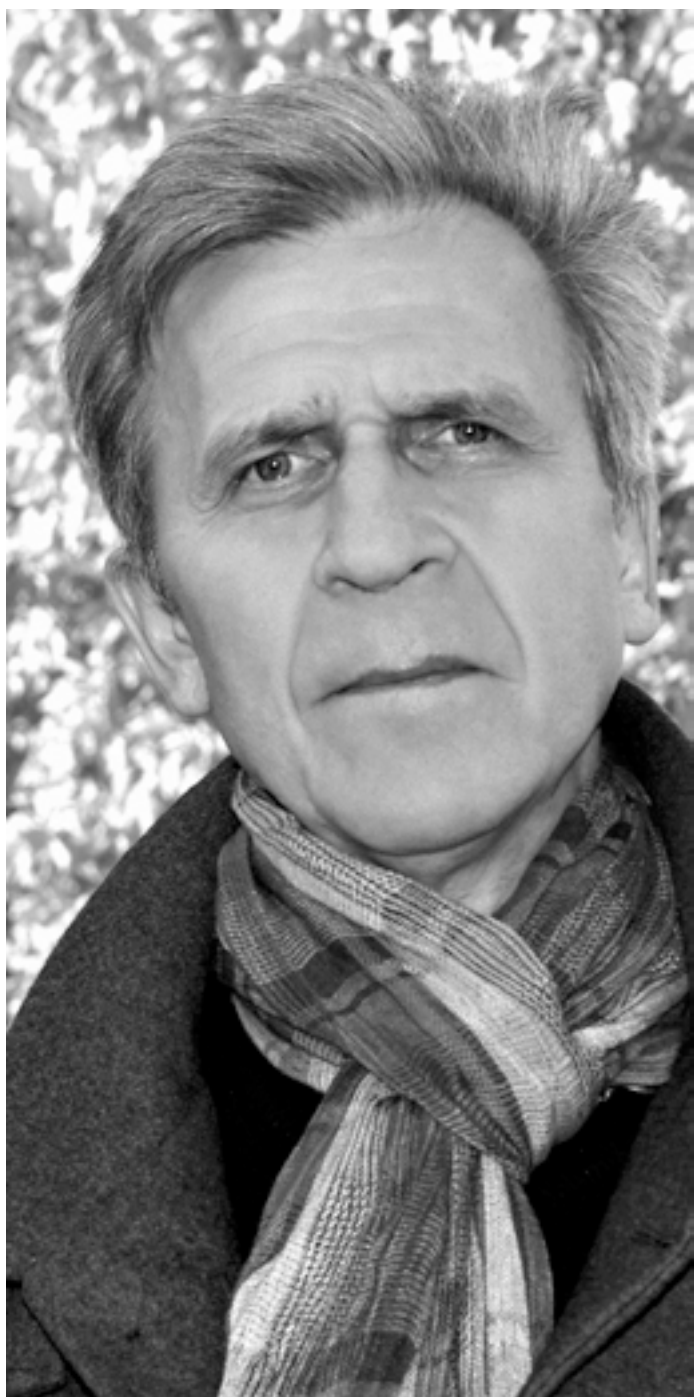

Снимок для статистики

семьей, а также рифмовавший строчки, но, не в пример тебе, не бросивший этого занятия и в зрелые годы, однажды написал, имея, очевидно, в виду себя: «...и вонзившись форштевнем в простор океана, превращусь я в мираж, чтоб исчезнуть, как пар». Как пар, он не исчезнет. Останутся научные труды, статьи останутся, а у кого-то в памяти, как у меня, к примеру, останутся и его стихи. Ты, Евгений Палыч, заслуженно оставляешь людям свои картины, пропитанные изнутри той лирикой и любовью к России, которые не достались твоим стихам, потому что ты убрал со стола стилос и бумагу. Что ж, у каждого своя судьба, а судьба — это ярмо, которое (и чаще всего) не сбросишь по своей прихоти. Все будем там, отшагав свой земной путь до финиша. Однако восточная мудрость гласит, что «мир, открытый ныне тебе во все концы, открыт и мне — может, встретимся: в каждой разлуке всегда сокрыта новая встреча».

п. Калиново

♥ валерий серебрянников рояли шли через окно

ВАЛЕРИЯ СЕРЕБРЕННИКОВА ХОРОШО ЗНАЮТ В ТЮМЕНИ ПО ЕГО НЕУЕМНОЙ ЛЮБВИ К МУЗЫКЕ. ЕГО РАБОТА МНОГОГРАННА, ОН АВТОР ШЕСТИ НОТНЫХ СБОРНИКОВ, ВЫСТУПАЕТ С СОЛЬНЫМИ КОНЦЕРТАМИ ПО ОБЛАСТИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ, КАК ПЕДАГОГ ВОСПИТАЛ НЕМАЛО ЮНЫХ ТАЛАНТОВ.

Вот вехи его творческого пути. Сначала он окончил Тюменское училище искусств (1977), потом Челябинский государственный институт культуры (1985). Руководил художественной самодеятельностью на заводе медицинского оборудования и инструментов, был учителем музыки в одной из школ Тюмени, преподавал сольфеджио и руководил хоровыми коллективами в школе при училище искусств, работал хормейстером в хоровой академической капелле Боровской птицефабрики. С 1986 года как автор программ и организатор съемок сотрудничал с тюменским телевидением, снял несколько музыкальных клипов с участием своих воспитанников.

Первый его нотный сборник вышел в 1993 году в Москве, и с той поры он активно начал заниматься композиторской деятельностью. В его творческом багаже более трехсот произведений. Это хоры для детей и взрослых, популярные песни, романсы, музыка к спектаклям, инструментальные произведения, духовная хоровая музыка. Его произведения исполняют коллективы Мегиона, Ишима, Тюмени и других городов.

Со всех уголков России приходят к нему письма от педагогов, руководителей ансамблей и студий. Произведения Серебрянникова звучали в программах ОРТ «Утренняя звезда», радио «Маяк». С концертами он объехал практически все города области. Выступал в Кургане, Екатеринбурге, Ирбите, были поездки в Сочи и Ялту («Артек»). Во многом ему помогала

ТВОРЧЕСКАЯ ДРУЖБА С ХОРОШИМИ ПОЭТАМИ.

Два раза в год в областном центре проходят его большие авторские концерты. С 1999 года он ежегодно проводит фестивали-акции «Белой птицы крыло» в поддержку музыкантов — инвалидов по зрению.

Валерий Серебренников имеет грамоты от областной и городской Дум, от губернатора Тюменской области, от Министерства культуры России. Он награжден знаком «За заслуги в культуре», ему присуждена тюменская независимая премия «Мегаполис» «За вклад в развитие города». В 2013 году он получил билет члена Союза композиторов. В том же 2013 году Департамент культуры Тюменской области направил в Министерство культуры Российской Федерации ходатайство о присвоении Валерию Павловичу Серебренникову звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». Ответ на это ходатайство удивил всех, кто знаком с талантом композитора: «Ходатайство рассмотрено и... оставлено без удовлетворения, так как представление к указанной награде преждевременно». Без всякой мотивации. Вот так Министерство культуры поздравило юбиляра в год его шестидесятилетия.

я должен был стать композитором

Сочинять я начал рано. Еще толком не зная нотной грамоты, пытался записывать на бумажных обрывках, где наспех линовал линейки нотного стана.

Мечты многих моих сверстников, овеванные космической романтикой (уже полетел Гагарин), не совпадали с моими мечтаниями.

Я точно знал, что буду композитором. У меня даже кличка в школе была — композитор.

Муслим Магомаев, вспоминая свое детство, говорил, что он и думать не мог о чем-то другом. Должен был идти по стопам деда, композитора.

Мой дед был краснодеревщик, мама — бухгалтер. Отца не было.

Рождение мечты, конечно же, шло от посылы мамы. Но это была только форма. Содержание она дать не могла. Да и многое мне препятствовало. Я долго не мог поступить в музыкальную школу. Хотя, может быть, именно этот факт и способствовал развитию моей независимой фантазии.

Еще задолго до поступления в музыкальную школу был куплен баян, и я часами выделывал на нем страшные «импровизации», которые вряд ли могли быть приятны чужому уху. Благо слушателем была одна моя бабушка, и ее, видимо, это не раздражало.

А еще я любил дирижировать. Жертвой моей практики была виниловая пластинка-гигант «Сильва», выпущенная в 1960-е, доставалось ей здорово. Крутил нещадно и, вооружившись карандашом, то бишь дирижерской палочкой, умучивал воображаемый оркестр.

С четвертой попытки в школу я все же поступил и проучился три года. Как мне думается, без особых успехов. Фантазии, которые бушевали в моем сознании, никоим образом не стыковались с гаммами, этюдами, арпеджио.

С Урала мы переехали на север Тюменской области. Поселок только строился. В нем было пятнадцать домов. Какая уж тут музыкальная школа! Я даже пропустил год обучения в общеобразовательной школе, потому что не могли набрать девятый класс.

Мама, зная мою заветную мечту, купила фортепиано. Его специально привезли из Тюмени, и оно было единственным в поселке.

Инструмент спасал меня от многих соблазнов, которые в этом возрасте весьма присущи.

Самостоятельно занимаясь, я все же достиг определенного уровня, что дало мне возможность хоть и не с первой попытки, но поступить в училище искусств на хоровое отделение. Там я уже с первого курса смог заявить о себе как о человеке играющем. И буквально сразу был приглашен в довольно солидный по тем

временам эстрадный коллектив «Прометей». И получил ставку пианиста!

Нот мне не давали. Я редко получал расписанные функции. И в отличие от духовиков не был поставлен в жесткие рамки партитур. Это тоже пробуждало фантазию. Правда, я не дорожил своим пребыванием в этом коллективе и через год ушел в новую молодежную группу, где оплаты не получал. У меня был один юношеский азарт. И шло развитие ВИА.

Вообще я не оценивал многое из того, что случайно давалось мне, шло прямо в руки.

Я приехал к профессору Казачкову в Казань. Уже в годах, но скорый на ходьбу, в беретике (таким я увидел его впервые), Семен Абрамович побеседовал со мной, проверил навыки и назначил урок. До начала экзаменов в консерваторию оставалась неделя.

После первого занятия последовало второе, и так каждый день. Казачков серьезно готовил меня к поступлению.

На последнем занятии пожал руку и сказал:

— Сдавай документы! Будешь учиться у меня.

Как когда-то Евсей Натанович Шапиро в Тюмени, так и сейчас профессор Казачков давал мне гарантированную путевку в специальность!

Какая-та непонятная пружина сработала во мне. Я, придя в гостиницу, вдруг собрал чемодан и уехал в Москву. Может, загорелось желание все же поступить на композиторское в Гнесинку? Трудно сейчас дать ответ...

Я подходил к этому знаменитому московскому вузу сквозь какофонию звучащих из всех окон инструментов и голосов. С каждым шагом во мне росло тревожное сомнение в собственных силах.

На консультацию педагога по композиции пришло человек десять. По легкому, непринужденному общению было ясно, что у будущих абитуриентов с преподавателем уже налажен какой-то контакт, что они его знают.

Я тихонько сел в сторонке. Педагог по очереди приглашал каждого к инструменту. Просил поиграть подготовленное.

Я пропустил всех.

— А вы, молодой человек, тоже поступаете?

Голос педагога заставил кивнуть и выдать:

— Да.

Я положил ноты на стол и на ватных ногах подошел к инструменту.

Конечно, я готовился. И специально к поступлению написал небольшую пьесу. Это было обязательным условием.

После игры педагог долго молчал, затем спросил:

— Что вы закончили?

Мое дирижерско-хоровое не звучало авторитетно. Сюда поступали с более сильной базой.

Он опять помолчал и раздельно проговорил:

— Да... Трудно будет. Несомненно, есть. Глубоко. Тащить это? Есть ли смысл, ведь вам не восемнадцать...

Да, то, что «сидело» во мне, было действительно глубоко. Оно во все годы вырывалось наружу помимо моей воли. Я не мог не писать. Если бы кто знал, какие стихи разворачивались в моем сознании! Я засыпал и просыпался с бушующими страстями оркестровых партий. Не хватало знаний и учителей. Меня кидали от педагога к педагогу. И вообще, видимо, считали не очень перспективным. Я карабкался большей частью сам. Покупал книги. Сидел за инструментом. А какие бои я выдерживал с пианистами за классы на четвертом этаже училища, где стояли рояли! Мне помогла во многом Елена Владимировна Раскина. Она приехала работать в наше училище после окончания композиторского факультета Уральской консерватории и пестовала меня. Вот такими были «мои университеты», и только чудо могло помочь поступить в Москве.

В тот раз чуда не произошло. Еще один шанс появился несколько позже. Возвратившись в Тюмень, я стал преподавать в общеобразовательной школе, применяя набиравшую популярность методику Дмитрия Кабалевского. Ему я послал нескольких своих детских песен, не очень-то рассчитывая на ответ. Но ответ пришел, очень короткий. Это был номер телефона и приписка: «Позвоните!»

Я позвонил и услышал знакомый по телеэкрану и радио голос мастера.

Мы начали разговор, и вскоре Дмитрий Борисович спросил, есть ли у меня возможность жить в Москве.

— Найдите возможность жить, — продолжал он, — тогда мы решим вопрос с вашим поступлением в Московскую консерваторию.

Посылая ноты, я ни словом не обмолвился о желании учиться дальше. Видимо, в характере композитора стойко проявлялся педагог. Ведь даже то, что он, бросив работу над сочинениями, ушел целиком в разработку новой методики для школ, понимая важность момента для страны, говорит о многом. Так и в моем случае. Он брался решать мои проблемы.

Это был еще один шанс, который, конечно же, в очередной раз был упущен. В Москву я не поехал.

Так уж суждено было мне шагать по судьбе — не оценивать предложенное, а потом выкарабкиваться самостоятельно.

Я дерзнул упрочить свое композиторское положение и добиться членства в Союзе композиторов. Несколько лет назад приехал в Екатеринбург в местное отделение Союза со своими песнями, со своим хоровым и инструментальным багажом. Договорился с концертмейстером для аккомпанирования романсов.

Собралась коллегия. Человек двадцать. Все мало-знакомые. Рассчитывать я мог только на поддержку Олега Яковлевича Ниренбурга, которому я когда-то показывал свои опусы, но, к сожалению, теперь его уже не было в живых.

Я раздал ноты. Торжественно разложил свои ярко оформленные сборники, их у меня на тот момент было пять. Когда все было представлено, начали говорить.

Но про меня мало. Больше между собой и о себе. Тон разговора постепенно повышался до фортиссимо и завершился несовершенным кадансом. Публика поругалась и разбежалась...

Председатель подошел ко мне, извинился, и, указывая на мои сборники, сказал:

— Зачем вам мы, у вас все есть!

Помню более давнюю свою поездку в Екатеринбург. Был большой композиторский форум, и мы, тюменские, Юрий Клепалов, Владимир Кайгородов и я были приглашены, а точнее сказать, напросились. Вот тогда-то я случайно открыл дверь одного кабинета и в тускло освещенном помещении увидел стеллажи, плотно забитые папками. Ленты на некоторых папках были завязаны по самые кончики, столько в них помещалось рукописей. Сквозняк от открытой двери принес щекощущий запах бумажной пыли.

Это была библиотека Союза композиторов.

Архив сильно впечатлил меня. Еще не был издан ни один мой сборник, но я тогда с неистовой дерзостью сказал себе, что мои ноты никогда не будут лежать невостребованными.

Если ты пишешь, тебя должны исполнять.

А писать, как говорят, в стол или для библиотеки — какая радость от этого?

Меня исполняют. И я безумно счастлив, но иногда задумываюсь: а был бы я, достигнув официальной высокой образованности, таким счастливым? Не знаю.

28 февраля 2013 года, в свой шестидесятилетний юбилей, я получил билет Союза композиторов России.

как я снимался в кино

Мы идем с мамой по солнечной набережной Ялты. Мне семь лет, я уминаю совершенно неведомый мне продукт — сахарную вату. Мне помнится, что она тогда была в форме кирпичиков, желтого или белого цвета. Это теперь она продается в виде шара на палочке.

Чей-то громкий голос привлекает наше внимание.

Набирают массовку для съемки фильма.

Наверняка у мамы появилось желание запечатлеть сына на экране, и она подвела меня к месту съемок.

Задача была простая: создать толпу людей. Для этого нас поставили с двух сторон, и по команде режиссера мы должны были идти навстречу друг другу.

Режиссер дает наставления:

— В камеру не смотреть!

Звучит команда. Мы делаем первые шаги, и вдруг я слышу мамин голос. Она окликает меня.

Я поворачиваю голову, а она стоит как раз рядом с камерой и улыбается. Я ей улыбаюсь в ответ.

— Стоп, — кричит режиссер, останавливая нас на полушаге. — Повторяю еще раз, в камеру не смотрим!

Нас вновь разводят по местам. Но до его команды мама успевает подбежать ко мне и говорит:

— Я встану чуть подальше. Ты не смотри на меня, просто помаши рукой.

Я так и делаю. Мы идем, и я машу.

Опять стоп. Это, видно, из-за меня.

Нас разводят. И вновь мама бежит ко мне, берет за руку и тащит в первый ряд, объясняя:

— Тебя совсем не видно в толпе, встань здесь! — И притыкает меня к краю первой колонны.

В очередной раз звучит: «Мотор!», и я, уже растерянный от команд режиссера и маминых наставлений, попадаю в какое-то другое измерение. Мы смешиваемся с идущей на нас встречной группой. Мне наступают на пятки, и я теряю сандалию. Тут же нахожу ее, выбираюсь из толпы и вновь слышу голос режиссера, призывающего всех встать на исходную позицию.

Но все уже кончено. Маме перестала нравиться затея со съемкой, и мы уходим, оставляя массовку без будущего артиста и режиссера.

По возвращении домой в Ирбит в нашем дворе из простого, неотесанного горбыля появилось нечто среднее между навесом и сараем, где и стали разыгрываться мои первые постановки.

А через много лет, уже живя в Тюмени, на местной студии я снял несколько детских музыкальных программ и видеоклипов.

Я часто задумываюсь о моих детских творческих исканиях — откуда они?

Дом на окраине небольшого уральского городка, простое дворовое окружение. Кино здесь редкость, а театр — в нем я, помню, может, два-три был за все детство. Первый проигрыватель и первые пластинки у меня появились лет в десять. Вот и весь мой мир.

Бабушку поющей я не помню. Мама иногда пела, гладя белье, но узнать песню можно было только по словам, с мелодией у нее не получалось.

Но надо сказать, что в моих творческих исканиях большую роль все-таки сыграла мама. Это она сама с небольшой помощью соседей-мужиков соорудила театр-сарай, угадывая мою тягу к творчеству. Я выхватываю из памяти моменты этого строительства — вываливают горбыль, мама поднимает очередную доску и прикладывает к уже прибитой, улыбается.

И, возможно, следуя своей нереализованной в детстве мечте, она хочет воплотить что-то самое заветное в своем сыне.

таежный запах леушинки

Мы приехали в Тюменскую область, как и многие, наверное, за «длинным» рублем.

Небольшой поселок Леушинка. Несколько рядов улиц с одноэтажными, на двух хозяев, домами. Центрального электроснабжения не было. Жизнь поселку давал дизельный солярный движок электростанции. Тарахтение движка было далеко слышно, и я, будучи подростком, занимаясь чем-то своим, нет-нет да прислушивался к его работе, словно к своему сердцу, радовался его размеренной четкости. Иной раз ритм машины давал сбой. И хорошо, если это случалось днем. Ночью чинить машину не всегда удавалось, и до утра поселок поглощала таежная тьма.

Приехав с Большой земли троечником, да еще и по точным предметам, в местной школе я поднялся до ударника.

Я полюбил математику и особенно геометрию. Казалось, что задачи решаются сами по себе. Успехи, впрочем, были не только у меня, у всего класса. Секрет хорошей учебы был прост. Наш педагог, увы, я забыл ее имя-отчество, условно делила урок на три части. В первой объясняла новый материал, вторая часть была отдана нам для самостоятельной работы, то бишь домашнего задания. Эти первые две части по времени пролетали незаметно. Выполняя задание, а обязательным условием было получить хорошую оценку, мы ждали третью часть. Она была порой не очень продолжительной, но увлекательной. Нам читали книгу. Это были всегда интересные приключения и обязательно с продолжением. Продолжения шли из урока в урок. А в журнале против наших фамилий рядом выстраивались четверки и пятёрки.

В Леушинке в 13 лет я впервые получил заработную плату за свою профессиональную работу. Я руководил хором.

Учителя готовили концерт и меня попросили аккомпанировать. А так как никто из коллектива толком не мог дать даже элементарный знак к вступлению, то этим пришлось заниматься мне, вчерашнему третьекласснику музыкальной школы с Большой земли.

Мы хорошо выступили, и мне подарили часы.

Хотели — деньги, но мама сказала, что лучше подарок.

В поселке прожили полгода. Родителям пришло предложение осваивать новые районы Севера.

Это короткое время мне дорого как память о моих внезапных школьных успехах, сопровождаемых ежесуточной работой движка электростанции, близким запахом тайги, первой полученной зарплатой и всем тем, что я ношу глубоко в сердце.

Не все ложится на бумагу, есть то, что ты можешь доверить только самому себе. Чем смог, я поделился...

тапер

Это был мой первый Новый год в поселке.

Кто-то прознал, что я играю на баяне, и меня, совсем еще пацана, пригласили на молодежную вечеринку.

Мама по такому случаю купила мне корочки — французские туфли. Необычайно легкие, для танцев и сцены.

Эти туфли я не взял с собой как вторую обувь, пошел в них ночью, по морозу, а было градусов тридцать.

Ноги скользили, я несколько раз падал. Обувь совершенно не была предназначена для ходьбы по снегу. Но ведь искусство требует жертв!

В клубе, обычной деревяшке, было тепло.

Принесли проигрыватель. Нашлось две или три пластинки. Их и крутили.

— Да ну эту музыку, надоела! — сказал одна из девушек, — пусть нам баянист поиграет.

Я стал играть.

— А эту знаешь, а эту... — посыпались заказы от девчат.

Что-то я знал, а какие-то названия слышал впервые, но играл все. Мне напевали, я тут же подбирал, перевирал, конечно. Но в целом старался держать мелодии правильно.

Опять включили радиолу.

— Выключайте, — потребовали уже мои почитатели, — играй, Валера!

И я играл. Часа четыре. Желание публики подогрело мой безудержный азарт. И остановился я только тогда, когда уже выбился из сил. Ремнем я до крови растер кожу запястья руки, тянувшей мех.

Под утро все стали расходиться.

Меня вызвалась проводить девушка, недавно приехавшая с Большой земли, учительница математики, а с этого вечера — моя поклонница.

Она бережно довела меня, отчаянно скользившего в модных корочках, до дома. А через какое-то время, когда я пришел в девятый класс, так же бережно уберегала меня от двоек, ставила тройки по математике. Это все, что она могла сделать в благодарность за мое искусство...

занавески

Наша неспешная провинциальная жизнь в один из февральских дней была потревожена внезапным появлением столичной гостьи, моей тетки Вали.

Она много лет не навещала свою маму, мою бабушку, радуя ее лишь редкими письмами, а меня — посылками, где обязательным дополнением к каким-то вещам были сладости. Пачки две вафель, зефир. Я этого не мог видеть в своем небольшом уральском городке.

Статная, высокая, улыбающаяся, она возникла на пороге в клубах морозного воздуха. И мне показалось, что воздух пахнет зефиром. Но это играло мое воображение. Подарков на этот раз не было.

Тетка приехала налегке. Да и особых денег, по-моему, у нее тоже не было. Мы пошли в магазин. Но это, скорее, была просто прогулка по местам ее детства.

У нее не было варежек и даже пуговиц на шубе. Она запахивала широкие поля шубы, прятала руки в рукава, получалось некое подобие муфты, и таким оригинальным способом спасалась от холода.

— Без пуговиц удобнее, — весело говорила тетка.

Она была полной противоположностью моей мамы. Жизнерадостная и беззаботная, она гостила у нас несколько дней. Но мы ее почти не видели. Она сразу же отыскивала каких-то дальних родственников, о существовании которых мы совсем не знали, и проводила время у них.

В день отъезда тетка подвела меня к шкафу и сказала:

— Я тут под полотенцами оставила отрез красного материала. Боялась, уж не застану маму в живых, вот и взяла на случай, для обивки...

Наверное, красный материал, идущий на всякого рода торжества, а также и на случай скорби, был, как и многие вещи в ту пору, дефицитом.

Тетка уехала, запахнув свою объемную, без пуговиц, шубу, и наша жизнь потекла в прежнем русле.

Бабушка болела, вставала редко.

Однажды утром, с трудом отпуская от себя сон, я почувствовал бабушкино дыхание. Чуть приоткрыл глаза, и их словно обожгло красным всполохом.

Стоя у кровати, бабушка держала в руках злополучный кусок материи и странно улыбалась:

— Рылась в шкафу, вот нашла. Хороший материал, — сказала она и, помолчав, добавила: — Занавесочки бы сшить, а то ходят люди, в окна заглядывают.

Видя, что я окончательно проснулся, переспросила:

— Внучок, как думаешь?

Я оторопело молчал, впившись глазами в кусок ткани, который поглотил все пространство.

Мне стало страшно. Холодный озноб охватил мое тело, и я, зарываясь в подушку и захлебываясь от спазма в горле, захрипел:

— Бабушка, уйди!

Сердце стучало мелкой дробью. Я отвернулся к окну. Утренний свет лился через тюлевые занавески, они расплывались в моих глазах от набежавших слез.

Бабушкины шаркающие шаги удалялись и затихали.

В поисках отца

Отец жил на соседней улице. Но мы никогда с ним не встречались, и у меня не возникало мысли зайти в его дом, хотя я часто ходил мимо, курсируя в музыкалку — туда и обратно. Видимо, мама упредила мой возможный вопрос, ведь отцы были у всех ребят во дворе. Я не помню, как она это преподносила, но понятие «отец» стало для меня некой условностью, обычным словом и не более.

Помню, как состоялся мой единственный приход к отцу.

Мне и до сих пор ясно видится его немного застенчивая улыбка, слышится их тихий с мамой разговор. Мама была в хорошем настроении. Помнится и мое нетерпение быстрее оказаться во дворе, где стоял мотоцикл. Мне очень хотелось ну хотя бы просто посидеть на нем. Родители угадали мое желание. Мы вышли, и отец, приподняв меня, помог сесть за руль и даже позволил немного «погазовать». Наверное, впервые в своей жизни он вот так близко общался со мной.

Любил ли он меня, считал ли своим сыном? Могу сказать одно, помощи не было, мама сама тянула меня, ну еще немного бабушка, хотя ее пенсия была так мала, что вряд ли могла существенно поддерживать.

Шло время. И как-то, просматривая оставшиеся от мамы несколько неизвестных мне фотографий (они лежали отдельно в небольшом конверте), я увидел среди них пожелтевший листок. Это была часть конверта. Аккуратным красивым почерком (я сразу понял, это Его почерк) был выведен адрес моей московской тетки, а в графе «кому» значилось: «Передать Шуре». Моей маме. Я долго вчитывался в незнакомую фамилию. Удивительно, спустя столько лет я примеривал на себя возможный вариант своей фамилии. И определил, что фамилия мамы и моего деда мне нравится больше.

Этот листок и фотографии всколыхнули душу. Мне захотелось, это была даже какая-то внутренняя боль, узнать о своем отце.

Вопросы бились в моем сознании, не давали покоя. Почему я за все годы обходил эту тему? Почему только сейчас она до назойливости стала мучить меня?

Я довольно быстро разобрался с фотографиями. Случай свел меня с женщиной, оказавшейся моей дальней родственницей, которая носила такую же фамилию, как и мой отец, и тоже жила когда-то в Ирбите, городе моего детства. Вот с ней-то я и решил выяснить, кто есть кто. Она показала снимки своей маме, обладавшей великолепной памятью, и та признала среди лиц моего отца: «На снимке Павел Михайлович, баянист. Был неплохим человеком, не какой-нибудь пьяница». А еще добавила, что у него есть родственники в деревне Трубино.

Я читал и радовался строчкам из нашей переписки с этими людьми. А фраза «не какой-нибудь пьяница» уже давала шанс думать о человеке положительно.

Воодушевленный письмом, я поехал по местам моего детства вместе с моим другом Юркой на его старенькой «Волге». Мы прикатили в Трубино.

Деревня — километров пять от Ирбита, одна улица. Старики и старухи. И все они то ли вправду, то ли нет, оказываются сразу же моими дальними родственниками. Мы заходим в дом к Лизавете. Ей восемьдесят лет, и она хорошо помнит отца. Но сказать что-то большее, чем «человек был хороший, не пил, не курил, хотя ходил играть на баяне свадьбы», не может.

Мы вновь выходим на улицу. Для деревенских наш приезд событие. Они обсуждают ситуацию уже в который раз, и вдруг я слышу, как одна женщина говорит:

— Постой! Ты же из Свердловска?

— Нет. Из Тюмени.

Женщина замолкает. Явно что-то не стыкуется в ее сознании. Она, да и остальные жители этой деревни не знают Валеру из Тюмени, они знают Валеру из Свердловска (Екатеринбурга). И Павел Михайлович — как раз отец того самого Валеры. О моем существовании они не знают.

Мне становится все понятно.

Встретившись с Павлом Михайловичем, мама полюбила его. Вскоре поняла, что будет ребенок. Но ей стало известно, что у отца есть еще одна женщина. И почти одновременно появились два мальчика. Обоим дали одно и то же имя. Будучи принципиальной, мама не могла допустить двойственного положения и осталась одна, взяв, по-видимому, слово с отца, что он никоим образом не будет вмешиваться в нашу жизнь. Отец сдержал слово.

Я недолго пребывал в размышлениях, послышался резкий скрип тормозов. Подъехала «девятка». С водительского места встала немолодая, но достаточно красивая женщина и направилась в нашу сторону.

— Моя дочь, — приветствовала Лизавета. И показала на нас с Юркой. — Вот родственники приехали.

Женщина перевела взгляд с одного на другого, а затем, остановив его на мне, сказала:

— Как дядя Паша, похож.

Я воспринял это сравнение как сигнал для продолжения разговора о моем отце, но подробностей не последовало.

Пока шла беседа, Юрка общался на лавочке с дедом. И вскоре обрадовал меня новостью — оказывается, мы с ним тоже родственники. Я уже все воспринимал всерьез и с нарастающим интересом.

Вечером мы выпили с Юркой крепкого чая за родственные отношения, а потом за дружбу, и стали собираться в Екатеринбург. Я понял, что там мне нужно искать своего кровного брата. Уж он-то наверняка расскажет о нашем отце.

В Екатеринбурге по линии мамы живут мои дядя и тетя. Останавливаюсь у них. По великой случайности нахожу адрес и телефон своего брата.

Тетка Вера берется за налаживание мостов с новыми родственниками. Волнуясь, набирает номер телефона. На другом конце провода отвечают, что такие здесь не живут. Переехали недавно.

— Может, вы знаете новый адрес? — спрашивает она. И молчание в ожидании ответа, кажется, длится очень долго. По крайней мере, я начинаю слышать тиканье часов на кухне.

— Перезвоните, — просит абонент, мы поищем номер.

— Нет, — не унимается тетка, — мы будем на проводе!

Мы ждем 5 или 10 минут. Тетка не отпускает трубку от уха, боясь пропустить сообщение. Наконец ее лицо начинает светиться, она выдыхает:

— Нашли!

Мы все участвуем в записи сообщения. И тетка, неловко прижимая трубку к плечу, удерживая упол-

зающий из-под карандаша листок, и я, придавливая кнопки сотового, и дядя черкает на полях газеты.

Тетка набирает узнанный номер. Несколько гудков. И мы слышим долгожданное:

— Да!

— Мужской голос, — бросает она нам и, немного растерявшись, продолжает уже в трубку: — Такое событие, вас нашел родственник...

Она не успевает договорить, ее перебивают:

— Сейчас позову маму.

К аппарату подходит жена брата, и вновь тетка выходит на тему большого исторического события.

— Вы опоздали, — заявляют на том конце провода.

— Как опоздали?..

— Он умер три месяца назад. И вообще, мы вам что-то должны?..

Тетка не ожидала такого поворота событий. Опасаясь, что разговор может прерваться в любой момент, пытается продолжить:

— Соболезнуем. Нет, ничего не должны. Мы просто хотели обрадовать вас. Мой племянник долго искал своего отца и хотел поговорить со своим братом.

— Опоздали, — еще раз послышалось в трубке, и пошли гудки...

Я так и не могу поверить в равнодушие, здесь другое. В этом, возможно, трагедия моего отца, принявшего столь жесткие условия мамы. Трагедия, как мне кажется, была и в отношениях с той семьей, ведь отец-то в конечном итоге жил один.

Теперь я могу только гадать об этом. Никто не даст ответ.

Я вновь в Ирбите у Юрки. Мы вспоминаем детство. Наша дружба оказалась намного крепче многих моих родственных отношений...

как воспитать свое сердце?..

Забежавшая с мороза собака сидела у дверей магазина, провожая взглядом выходящих. Теплое помещение давало ей шанс согреться и обратить на себя внимание. Ждала, что чей-то случайный взгляд, брошенный на нее, задержится дольше обычного, и произойдет чудо!

Глаза собаки цепляли покупателей. В каждом она надеялась встретить друга и с готовностью выражала согласие куда-то последовать, если позовут.

Хлопала дверь за очередным посетителем и гасила надежду на счастье.

И я ушел, как все, но болело сердце от жгучего взгляда собаки.

Идя по ночной морозной улице, думал о воспитании своего сердца. Какую прививку сделать от боли? Как закалить его?..

Неожиданно из темноты на меня обрушился чей-то хриплый голос:

— Мужик, дай шесть рублей. На бутылку не хватает!

Я отстранился от силуэта. Ничего, кроме брезгливости, во мне этот голос не вызывал. Меня по-прежнему провожал взгляд собаки, и болело сердце.

Как воспитать его?..

зоопарк

Передвижной зоопарк стоял в центре города. Ряд размалеванных вагончиков и погнутая карусель.

Меня привлекли верблюды. Они не были привязаны и мирно паслись у вагончиков.

Мое появление их заинтересовало.

Один подошел ко мне. Честно говорю, я испугался. Сразу вспомнился фильм. Оплеванным я быть не хотел.

— Не бойтесь, — услышал я голос молодой девушки. Она вышла из вагончика, приблизилась ко мне и, прочитав мои мысли, сказала: — В фильме все неправильно показано. Они очень мирные животные.

Я осторожно погладил гиганта. Но этого ему было мало. Он стал настойчиво тыкать мордой в мою руку.

— Просит чего-нибудь. Фу, Боря, фу.

Девушка оттащила верблюда от меня.

Мы разговорились.

Оказалось, это зимующий у нас тольяттинский зоопарк.

— Кочуете?

— Кочуем, уже год, как я с ними.

— Хватает корма?

— Пытаемся кормить хорошо. Люди иногда что-нибудь приносят.

Купив «копеечный» билет, я зашел на территорию и оказался в квадрате, окруженном вагончиками-клетками. Посетителей не было, и звери невольно смотрели в мою сторону. С разных сторон, через ржавые железные прутья, они разглядывали меня, кто безучастно, кто настороженно.

Как же мала территория их мира.

Я стоял совершенно не защищенный от этого навигающегося на меня скорбного взгляда зверей, и казалось, что я и сам нахожусь в такой же клетке.

Мне стало не по себе от этого жуткого неравенства условий, я-то мог уйти, и я поспешил к выходу. А верблюды Вася и Боря, корабли жаркой пустыни, остались жевать сено, переминаясь на скрипучем снегу...

мать

Метрах в двух от газетного киоска сидела собака и тянула шею к окошечку.

Был холодный зимний день, и кроме этой одинокой охранницы киоска с периодикой, никого не было.

Ветер рывками тербил неухоженную шерсть собаки.

Я подошел к окошку и попросил газету. Подав ее, киоскерша спросила:

— Что-то еще будете брать?

— Нет, — ответил я.

— Тогда покормлю подопечную.

Она зашуршала пакетом и через мгновение вышла на улицу.

Собака завиляла хвостом, привстала, и тут я разглядел набухшие, обвисающие почти до снега красноватые соски.

Женщина достала из пакета несколько кусков мяса и кинула животному. Перехватив мой вопросительный взгляд, ответила:

— Жалко, вот и ношу ей обрези. Она уже знает мою смену, встречает.

Да, только женщина поймет женщину.

Через несколько дней, проходя мимо, я заглянул в киоск.

— Как ваша подопечная?

— Да вот, что-то не приходит, уже два раза приносила покушать...

Я не часто бывал в том районе, но как-то по весне заглянул.

Наклонившись к окошечку киоска, спросил дружелюбно, по-свойски:

— Как ваша собачка?

— Вы о чем? — на меня смотрели ничего не выражающие глаза незнакомки.

Я извинился и ушел...

снегирь

В холодном автобусе мороз затянул узорчатым рисунком окно, оставив для таких, как я, любопытных, небольшой просвет в середине.

В него-то я и увидел двух девушек. Они стояли у дерева, и одна из них, привстав на цыпочки, тянулась рукой к высоким веткам дерева.

Приглядевшись, я увидел в ее руке фотоаппарат.

«Что она нашла там любопытного?» — подумалось мне.

Через мгновение, когда ярко-красное пятнышко блеснуло на ветке, я ахнул — снегирь!

Красногрудая птица явно позировала. Не боясь, сидела буквально в полуметре от аппарата.

Я смотрел на красавца через виньетку морозного рисунка своего стоявшего автобуса. Обледеневшее стекло как бы приближало и увеличивало объект, поэтому наверняка мое «фото» было интересней!

спасенные рояли

Голос в трубке дрожал, срывался от волнения. Мне звонила Галина Аверьяновна Соколова. Когда-то в далеких семидесятых мы с ней работали в тюменской школе № 17. Она вела начальные классы, я музыку. И вот звонок:

— Понимаете, они дали только два дня! Если не вывезти, то их просто выставят на улицу. Я случайно узнала об этом. Надо спасать! Я не знаю, кому еще можно позвонить, помогите!

Речь шла о роялях. Начался ремонт Дворца культуры, и инструменты приговорили к выбросу. Они занимали слишком много места и мешали строительным работам.

Я подошел к Дворцу культуры, некогда красивому и современному, теперь он был огорожен забором. Импровизированный склад-двор принял уже достаточное количество всевозможной «утвари» — реквизита, кресел, столов, стульев, и я с трудом протискивался к входной двери.

Из-под брезентового полога одиноко торчала ножка рояля. Чуть поодаль был и сам рояль. Перевернутый, клавиатурой вдавленный в землю, он одновременно вызывал жалость и страшил скорбным видом.

Я узнал этот инструмент. Он когда-то гордо украшал кабинет директора, заявляя всем входящим о своем царственном положении. Пусть не настроен и не на сцене, но зато в главном кабинете дворца!

Сторож, перехватив мой взгляд, изрек:

— Негоже, конечно, так... вот, прикрыл брезентом...

Я прошел внутрь здания.

Сбитая штукатурка оголила кирпичную кладку стен, и теперь из всех углов торчала крючковатая арматура, под ногами скрипело битое стекло, валялись провода. Несмотря на лето, в помещении было прохладно и сыро. Я прошел по коридору и оказался на сцене.

В кармане кулис, в тусклом пробивающемся через щель свете мелькнул отблеск полировки.

Плотно прижатые, словно согревая друг друга, стояли красавцы рояли. Я приподнял крышку одного из них, нажал клавишу. И чистейшее «ля» зазвучало в пыльном хаосе здания!

Инструмент не сдавался. Он готов был работать.

Второй инструмент также был в хорошем состоянии.

Я нашел начальника стройки. Четко давая задания рабочим, так же четко сказал мне:

— Дня два-три потерплю. Не больше. Потом не взыщите. Выставлю во двор!

Он говорил так, как будто только от меня зависело решение вопроса.

— Попробую пристроить, — гулкое эхо пустого здания повторило мою фразу, и мне подумалось, какую высокую меру ответственности я возложил на себя.

Я случайный свидетель. Не более того. Есть же хозяева. Есть руководство!

— Год говорю всем, заберите, — продолжал глава стройки, — сами видите...

Я стал звонить по «культурным» организациям, но разговоры были бессмысленны. Никто не хотел связываться с погрузочно-разгрузочными работами. Ссылки на Рахманинова (он же возил рояль с собой по всей Америке!) не убеждали. Оппоненты были глухи. Зато каждое произнесенное предложение в защиту роялей еще больше утверждало меня в необходимости спасения.

Я позвонил зав. кафедрой музыки Тюменского государственного университета Виктору Емельянову.

— Виктор Вадимович, университету нужен рояль?

— Конечно! Вам ли не знать, что мы экзамены вынуждены сдавать на электроклавинове.

— У вас будет инструмент!

— Кто-то продает?

— Нет, дарят.

Пауза тянулась очень долго, и после прозвучало:

— Вы шутите?

— Нет. Я серьезно. Но есть два условия. Обещайте, что выполните!

— Если это не розыгрыш, обещаю.

Я продолжал тянуть «детективную» историю:

— Забрать нужно как можно быстрее, это первое, и второе, забрать два инструмента!

Моя напористость и, безусловно, актуальность проблемы, а скорее нестандартность ситуации сыграли в пользу победы.

Через три дня мощный подъемный кран ставил рояли на платформу КамАЗа. А выгружали их уже в окно третьего этажа университета.

Еще пыльные, но уже готовые к игре инструменты стояли на сцене зала. Сергей Самсонов — пианист и настройщик, в рабочей одежде (он был одним из руководителей погрузочно-разгрузочных работ), не удержавшись, сел за инструмент, и рояль (как он ждал этих минут!), подчинившись профессиональным рукам пианиста, откликнулся звучанием шопеновского «Революционного этюда»!..

обнимая небо

Шло заседание праздничной комиссии перед Днем города. Одним из ярких моментов шоу предполагался выброс парашютистов, их приземление в центр стадиона перед сценой. В момент приземления, по замыслу организаторов, должен появиться я с песней Александры Пахмутовой «Обнимая небо...».

Думали, как интересней подать номер, и вдруг кто-то из крепких ребят-парашютистов предложил:

— А что если товарищ певец начнет свою песню прямо с полета?

Все удивились — каким образом? И выразительно посмотрели на говорившего.

Тот спросил меня:

— Ты будешь петь в радиомикрофон?

— Думаю, да.

— Надо обязательно в радио, тогда все получится...

Парень азартно потирал руки:

— Мы полетим вместе. Я зацеплю певца на «кенгуру». И когда мы будем подлетать к земле, еще в воздухе, он начнет песню.

В тишине все посмотрели на меня.

Во мне вдруг проснулись азарт и давнее желание испытать себя. В мыслях я уже парил над многотысячным стадионом, слабое дуновение включенного кондиционера стало казаться мне свистящим ветром на большой высоте. И я согласился.

Руководитель проекта Вячеслав Федорович Медведев скептически отнесся к такому предложению, но и возражать не стал.

Дома в красках я стал расписывать предстоящий полет.

— У тебя что, нет сына? — прервала мой словесный затяжной прыжок жена. И этой репликой наложила вето на мой полет.

Наступил праздничный день. Парашютисты один за другим мягко приземлялись в очерченный круг, а я, несостоявшийся романтик, «обнимал небо», как обычно, стоя на сцене, встречая взглядом приземлявшихся, а потом провожая улетающий самолет.

Через несколько лет, перебирая архив, я наткнулся на небольшой листок. Это было свидетельство аэроклуба о том, что мой сын совершил тренировочный прыжок с парашютом типа Д-6 с высоты 1000 метров на «отлично». Вот так, никому ничего не сказав, он самостоятельно поехал в аэроклуб и совершил прыжок. Без хвастовства, без лишних слов «обнял» небо за меня.

растревожу клавиши

Я нередко захожу по хоровым делам к Татьяне Владимировне Солодовниковой. Она руководит хоровым коллективом «Сибирята», а я, совершенно свободный художник, порой не очень обремененный спешными делами, вторгаюсь внезапно в ее кипучую жизнь.

Татьяна Владимировна при моем появлении улыбается, откладывает дела, если это только не репетиция с коллективом, и дружески предлагает пообщаться и выпить чаю.

Вот так когда-то я заходил на огонек к композитору Володе Кайгородову, папе Татьяны, и невозможно было уйти от него, не выпив чаю.

— Тебе сколько мешков? — спрашивал он, доставая большую зеленую коробку грузинского пакетированного чая. Пакетики были спрессованы по два, и он называл их мешками.

Я обычно соглашался на один. Он же, не изменяя своей привычке, клал в стакан два, и немного подтрунивая надо мной, хитро улыбаясь, просил:

— А давай сегодня по два?!

Даже в ситуации постоянного дефицита я предпочитал крупнолистовой индийский чай, но с Володей за разговором и грузинский пакетированный был очень вкусным.

Как-то Володя буквально с порога, не дав мне пройти, предложил прогуляться по старой Тюмени.

Окутав тайной этот «поход», он шел и постоянно приговаривал:

— Сейчас, сейчас, увидишь.

Мы подошли к особняку. Добротный двухэтажный дом конца позапрошлого века, судя по табличке, был историческим памятником.

Володя со значимостью в голосе произнес:

— Теперь это офис Музыкального общества.

— Ого! — только сумел выдохнуть я, подумав, какая у нас хорошая и правильная власть.

Мы зашли внутрь. Велись отделочные работы, и мы с большой осторожностью ступали по дощатому настилу. Володя достал план перестройки здания и стал увлеченно рассказывать о предстоящих делах.

— А теперь, — он на секунду замолк, — самое главное!

Мы вошли в довольно просторную комнату.

— Это будет наш небольшой концертный зал.

В неясном освещении блеснула полировка, и я воскликнул:

— Рояль?!

— Да, — Володя по-мальчишески радовался, — представляешь, заходим, а он тут нас ждет. Ты поиграй, поиграй.

Он поднял пыльную крышку, и от стройного ряда белых, может быть, только с небольшим налетом желтизны клавиш, комната показалась светлее.

Боясь услышать фальшь, я осторожно нажал клавишу.

— Смелее, — услышал я голос Володи за спиной.

Страхивая вековую пыль с молоточков и струн, обретая свое обычное состояние, инструмент запел.

— Его никто не настраивал, — не унимался Володя, — а он жил и столько лет ждал!

Мы шли обратно по старым улочкам Тюмени и говорили, и мечтали, и даже пели. Но не суждено было сбыться нашим мечтам. Строительство прекратили, здание отдали более нужным и значимым организациям.

С Тamarой Павловной, супругой Володи, мы дружились несколько позже, когда Володи уже не стало.

Она начинала растить своих первых «сибирят», и я что-то писал для них, выступал в общих концертах.

У меня сохранились несколько фотографий тех лет. Вот я за роялем на концерте, что-то поем вместе, вот мы кружимся в вальсе с Тamarой Павловной. Она любила мой «Атлантический циклон», и я помню, спев куплеты, на проигрыш, не предупреждая, закружил ее.

Легкий, светлый человек, в то же время деловой и принципиальный, она сумела много лет назад создать первую в Тюмени хоровую студию.

Теперь это музыкальная школа, а ведет ее уже дочь талантливых супругов Татьяна, с которой мы нынче встречаемся, пьем чай, говорим, мечтаем и поем, как когда-то с Володей.

А одна песня у нас особенная. В память о родителях Тани мы ее написали с поэтессой Антониной Марковой, она называется «Растревожу клавиши»:

*Я раскрою старенький рояль,
Растревожу клавиши упрямо.
Им дарили радость и печаль
До меня и бабушка, и мама...*

ВСТРЕЧИ С ПОЭТАМИ

ВЛАДИМИР СТЕПАНОВ

Я долго плутал по садовому клязьминскому кооперативу. Номеров на домах не было, а если и попадались, то не на всех.

Тогда я решил искать по значимости дома. Ну, поэты же должны жить в добротных домах! Но все дома были примерно одинаковые, чуть лучше, чуть хуже, и никаких «золотых» крыш в круге моих поисков я не увидел.

За неприметным забором копался странного вида мужик в фуфайке, и я все не решался спросить у него, как мне найти «такой-то» дом. Но спрашивать больше было не у кого, и я его окликнул.

Мужчина повернулся на мой голос и молча указал на дом, стоявший на его участке.

— А поэт Степанов здесь живет? — продолжил я.

Он кивнул:

— Это я.

Я с недоверием смотрел на мужчину, все еще пытаюсь сопоставить явившийся здесь непонятный, совершенно не поэтичный образ и строчки стихотворения, которые и привели меня сюда.

*Этот ветер выдумал листья,
Захотелось им прошелестеть.
Эти лужи выдумали тучи,
Чтоб с земли на небо посмотреть.
Это солнце выдумали птицы,
Им запеть хотелось поскорей.
Выдумали радугу на небе
Семь моих цветных карандашей.*

Поэт, написавший такие строчки, представлялся мне другим.

Наверное, я очень долго внедрял эти несовмести-

мые, с моей точки зрения, образы один в другой, что мужчина не выдержал и крикнул:

— Заходи, чего стоишь!

К моменту моего знакомства я уже написал несколько песен на стихи Владимира Степанова. «Семь моих цветных карандашей» наверняка была лучшей, и мне хотелось выразить слова признательности за прекрасные строчки и, конечно же, попросить поделиться новым материалом.

После дружеской беседы Владимир Александрович в буквальном смысле вывалил на стол увесистую стопку своего архива. Это были отдельные листы с порой плохо пропечатанным текстом.

— Не удивляйся, — отреагировал поэт, видя мою неудавшуюся попытку с ходу прочитать текст, — это четвертые или пятые экземпляры копирки. Первые я отдаю в издательство. Покопайся, поразбирай, может, что для себя найдешь, и я покопаюсь — пойду на огород.

Уже намного позже я узнал, что Владимир Александрович наследует тягу к земле от отца, известного агронома и цветовода, и поэтому его обращение к природе, к ветру, что «выдумали листья», к солнцу, которое «выдумали птицы» и запели, неслучайно. Запел и я, просмотрев в тот день его архив. Я тогда выбрал стихотворений двадцать, на эти тексты в дальнейшем написал песни и хоровые произведения, среди них «Моряк Чап», «Рыжий пес», «В лесу осиновом».

Недавно, просматривая свой архив, обнаружил степановский листок, на который раньше не обратил внимания, и написал, как мне кажется, красивую мелодию для хора.

ВЛАДИМИР ОРЛОВ

Не имея тени сомнения, что поступаю бестактно, увидев Владимира Орлова, я сразу отрапортовал ему:

— Композитор из Тюмени, здравствуйте, я написал на ваши стихи песни.

Возможно, я бы никогда и не сделал подобный шаг, если бы не случай оказаться в Крыму.

Нашу небольшую делегацию областное управление культуры направило в Феодосию на конференцию. Уже пахло развалом Советского Союза, но, как видно, корни строя еще крепко держались за почву. Нас набралось со всей страны довольно много. Каждому хотелось выступить. Устав от постоянных дискуссий, я решил выбраться на денечек к Орлову в Симферополь. В Союзе писателей Украины мне подсказали адрес, ну а дальше все просто: автовокзал, автобус и заветный дом, где, конечно же, меня не ждали.

Тем не менее встретили хорошо.

Может, магическое слово «Тюмень» было всему виной. Очень часто удивлялся тому, что услышав название города, люди добавляли значимо:

— А... это там, где белые медведи.

Вот и Владимир Орлов тоже намекнул.

Я ничего не имел против.

У поэта были больные ноги. Он с трудом передвигался из комнаты в комнату. На прогулку практически не выходил.

Было видно, что жена, очень приятная и тактичная женщина, все свое время целиком посвящала ему.

Орлов быстро уставал, и несколько раз беседа прерывалась. На это время мы с его женой уходили на кухню, покуривали, и она делилась со мной воспоминаниями, то горестными, то радостными. Я понимал, что ей было необходимо выговориться и открыть правду вот только такому случайному человеку.

Ближе к вечеру, после отдыха, поэт попросил меня показать опусы.

Мне казалось, что «Кораблик» — это моя удача.

*Мой журавлик знакомый
В небе делает круг.
Он впервые от дома
Улетает на юг.
Он кружит надо мною,
Я не плачу, терплю.
Я кораблик построю
И флажок прикреплю!
Так плыви, мой кораблик,
Паруса накрень.
Ты узнай, как журавлик
Там живет без меня!*

Я сел за инструмент.

Играя первый куплет (он идет медленно и лирично), я чувствовал, что нахожусь на правильной волне. Поддержка автора вдохновляла, я приободрился и, что называется, по полной, на хорошей динамике, замочил темповой и джазовый припев.

Что тут началось! Волна превращалась в шторм. Орлов бушевал.

— Как ты посмел так написать, — кричал он, — это же лирическое стихотворение!

Я сидел, съезжившись, и не знал, как реагировать.

— Ну что там еще у тебя, что ты еще испортил?! Давай показывай! — голос был довольно жестким.

Да, иной раз поэты ревностно относятся к своим стихам, поэтому я не стал более рисковать, а решил поиграть песни, написанные на стихи других поэтов.

И когда я показал несколько сочинений, он дружески похлопал меня по плечу и сказал: «Умеешь писать!»

На прощанье поэт подарил мне, с едва различимыми буквами, наверное, четвертую или пятую копию своей знаменитой сказки «Золотой цыпленок».

— Эту пьесу ставят везде, — напутствовал он, — пиши свой вариант и предлагай театрам.

И я написал свой вариант. Но, действительно, ставят так много, да и мультик появился, что я не захотел вгрызаться в идею постановки. Может, придет время...

борис марьев

В 1972 году перед своим первым учебным курсом я заехал в Свердловск. Уж очень мне хотелось найти поэта Бориса Марьева, на чьи стихи я написал свою «Тюмень».

В Союзе писателей Урала мне дали номер телефона, и я позвонил.

На той стороне провода ответили: «Да, любопытно», — и пригласили приехать.

Я зашел в совершенно непримечательный дом, а потом в такую же простую квартиру.

Марьев встретил меня у порога с широкой, светлой улыбкой.

Расставив руки, он сгреб меня в объятия, и мне сразу стало казаться, что мы с ним знакомы давно.

Я-то действительно его знал давно по стихам. Когда-то случайно прочитал его авторскую книжку «Вьюга». Рубящие строки, по Маяковскому, сильно взволновали тогдашнюю мою, подростковую, максималистскую душу, и я полюбил его творчество. Несколько раз пел у себя в поселке написанную на его стихи песню.

*Баяли, в Тюмени — тундра да пельмени,
Баяли, Тюмень — темень да таймень.
А Тюмень легла ребром —
Зданья аж до самолета!
А Тюмень зажгла неон —
Расставаться неохота!
А за нею, за Тюменью, по болотам и лесам,
Нефть клокочет в нетерпенье — сто фонтанов
к небесам!*

.....

*Там ровесники, чумазы,
Рубят синюю тайгу,
И гудят победно «МАЗы»,
Пробиваясь сквозь пургу.
Я романтикой оброс,
Пью стаканами мороз!*

Марьев познакомил меня со своей женой, и оба они сразу попросили меня спеть.

— Не могу так, — сопротивлялся я, нужен инструмент, — это не капелла, а эстрадная песня.

— Ну, хоть немножко, — не унимались они.

И даже аргумент, который выдвинула жена поэта, что на стихи Бориса композиторы не писали песен, не подействовал.

— Можно пойти в какую-нибудь школу, — предложил я.

— Зачем в школу, — удивился Марьев, — мы можем поехать на вторую квартиру, там у нас есть инструмент, правда, не очень настроен.

Трамвай, поскрипывая и звеня, долго вез нас на другую квартиру. Меня расспрашивали о семье, да и о Тюмени тоже. Хотя на тот момент город еще не стал мне родным, я ведь только-только поступил на первый курс.

Мы зашли в квартиру. Скорее, это был кабинет. Я впервые видел столько книг. Полки шли до самого потолка, и было только одно свободное место там, где стоял инструмент, но книги лежали и на нем.

Инструмент, действительно, был неважно настроен, но тем не менее максимально выдержал напор моей игры.

Меня похвалили. Наверное, мне в то время и нужно было только это. Доброе слово.

timoфей белозёров

Случай этот был давний, еще в советскую пору. Волею случая я оказался в Омске.

Я знал, что в этом городе живет замечательный поэт Тимофей Белозёров, покоровивший меня чудесными строчками, на которые невозможно было не написать песню.

*В родной моей сторонюшке, на краешке земли,
Купаются воробушки в серебряной пыли,
В поневах ходят бабушки, неспешно говорят,
Играют дети в ладушки и кукол мастерят.
В родной моей сторонюшке курлычут журавли,
И клонятся подсолнушки за краешек земли.*

Эти строчки дали вдохновение не только на песню, но и на целую музыкальную программу, которую сняла Тюменская студия телевидения с участием моего детского хора.

Я позвонил на квартиру. Ответил женский голос, это была жена поэта. Она с грустью ответила, что поэта уже нет. Но любезно согласилась на встречу.

— Все, что касается Тимы, — сказала она, — мне дорого, приезжайте.

И вот я в гостях.

Меня сразу же усаживают за инструмент, и я пою.

На своих плечах я вдруг ощущаю легкое прикосновение ее рук, слышу тихое всхлипывание.

Я закончил играть и не смел нарушить наступившую паузу.

Женщина погладила меня по голове и тихо попросила:

— Сыграйте еще...

Я играл, а она неслышно ходила по комнате и шептала: «Если бы Тима был жив, если бы был жив...»

иван бардин

Очень часто материалом для песен становились стихи из детских журналов. Так появились «Шалуны», «Колдунья», «Танк герой».

Автора «Танка» Ивана Бардина я искал много лет. Мне так хотелось взглянуть в глаза мальчишки, написавшего в 10 лет (публикация 1986 года) такие сильные, искренние строчки:

*На бетонном пьедестале танк застыл,
Он в боях за нашу землю ранен был.
Сколько вмятин и царапин на броне,
Он сражался по-геройски на войне.
О боях забыть не может танк никак,
До сих пор ночами снится шум атак.
Я ладошкой поглажу по броне,
Пусть немножко он забудет о войне.*

Помню, когда впервые читал стихотворение, у меня по спине прошел озноб. Невозможно было сдержать нахлынувшее вдохновение, и я тут же набросал мелодию.

Выступая перед школьной аудиторией, я часто задаю вопрос: какие строчки вдохновляют? И ребята безошибочно говорят «...я ладошкой поглажу по броне...».

А как поют эту песню мальчишки! По выражению одного учителя музыки, «тельняшки рвут».

И вот случайно в 2012-м нашел поэта, позвонил ему.

Теперь Иван Бардин именитый поэт у себя в Самарской области.

Я рассказываю ему о своем тогдашнем состоянии, восхищаюсь его талантом. Надо же в 10 лет так глубоко и мудро!

Иван дослушивает мой монолог и... развенчивает сказку.

Оказывается, все было не так.

Стихотворение он написал в 20 лет. Послал подборку в журнал «Пионер» с припиской, что сочинять начал с 10 лет.

Ну, а дальше все на совести «внимательного» редактора, который увидел только десятилетний возраст.

Хотя, если честно, то я благодарен этому безвестному редактору.

Иногда нужно, чтобы легенда оставалась.

елена григорьева

Читая очередную подборку в «Пионере», я наткнулся на несколько стихотворений Елены Григорьевой:

*Стихи мои странны,
Хотя не заумны
И не пространны.
А просто они
Ни на что не похожи,
Да я и сама
Удивляюсь им тоже.
Придут осторожно,
Заденут словами:
«Ты нас не пиши,
Мы получимся сами...»*

Находясь проездом в Москве, я позвонил поэтессе.

Был вечер. Мы разговаривали по телефону, и Елена Александровна все удивлялась, неужели на ее стихи можно написать песню.

— Пропойте хотя бы строчку по телефону, — просила она меня.

Ну вот, опять, думал я, мне предлагается усредненный вариант. Пропеть, конечно, можно, а как же гармония?

Мы условились на завтра.

Я занялся своими делами, но через час-полтора раздался звонок. На проводе вновь была Елена Александровна:

— Валерий, знаете, я что-то не могу успокоиться. Вы не могли бы приехать сейчас?

Уже наступила ночь, в мой гостиничный номер проглядывали звезды.

Нужно ехать в центр. Елена Александровна живет на Малой Бронной. Я хорошо знаю этот район. Памятник Пушкину, ну а с недалекого времени район знаменит еще и первым рестораном быстрого питания «Макдональдс».

Бывая в Москве, я всегда заглядывал на огонек к Елене Александровне. Она меня и познакомила с творчеством Инны Гамазковой, Розы Асылбаевой, а еще я открыл для себя не только детскую поэтессу, но и серьезного поэта-философа.

Откройте и вы.

*Кто говорит
со мною в тишине?
Господь?
Или душа,
сокрытая под клетью?
Иль это голос сердца моего —
та точка, зернышко,
откуда я расту,
где бьется жизнь,
готовая к бессмертью?..*

анатолий марласов

Мое возвращение из Москвы с моим первым изданным сборником совпало с каким-то большим собранием, которое организовало областное управление культуры. Это был 1993 год.

Я напросился на выступление, потому как ожидался приезд представителей всех районов юга и севера области. Знаковое событие, между прочим, потому как пройдет немного лет, и область поделят, появятся округа ХМАО и ЯНАО, Тюмени останется только юг. И у каждого из поделенных будут свои приоритеты, свои управления и свои большие собрания.

Мне хотелось воспользоваться появлением такой массы высоких чиновников и, как говорится, показать себя, вернее, только что вышедший в свет мой нотный сборник.

Мне дали слово. Я выступал ярко. Но моя патетика задела, увы, только одного человека. По окончании собрания он подошел и представился — поэт Анатолий Марласов.

Он протянул мне два листочка:

— Старик, почитай, может, напишется...

Написалось сразу.

Это были «Зеленый домик» и «Белый конь».

Уже позже выяснилось, что Анатолий Михайлович всем музыкантам щедро раздавал свои рукописи. Поэтому вариантов этих песен, думаю, множество.

Были и свои варианты у поэта, которые он тихонечко наигрывал на семиструнке.

Что касается моих мелодий, то их, оказалось, любят. С большим вдохновением поют и взрослые, и дети. Удивительно слышать, как взрослый стих ностальгического порядка пробивает сознание ребенка и он поет: «Домик зеленый, с крышею белой, рядом смо-родина. Ты меня слышишь или не слышишь, малая Родина...».

Работая на радио, я пригласил Анатолия Михайловича в прямой эфир.

Как он читал свои стихи! По памяти, вдохновенно!

Обычная речь, за внятностью которой он не всегда следил, становилась упругой, с четкими согласными, динамичной!

*А мне-то
И надо немного,
И этим богата душа —
К зеленому солнцу дорога
И зернышко карандаша.
Стихи,
Как тревожные маги,
Меня обступают, дыша,
А мне-то и надо —
Бумаги
И зернышко карандаша.
Не требую высшей награды,
Без низшей живу не спеша.
Мне Родину только и надо...
И зернышко карандаша...*

были бы помыслы чисты

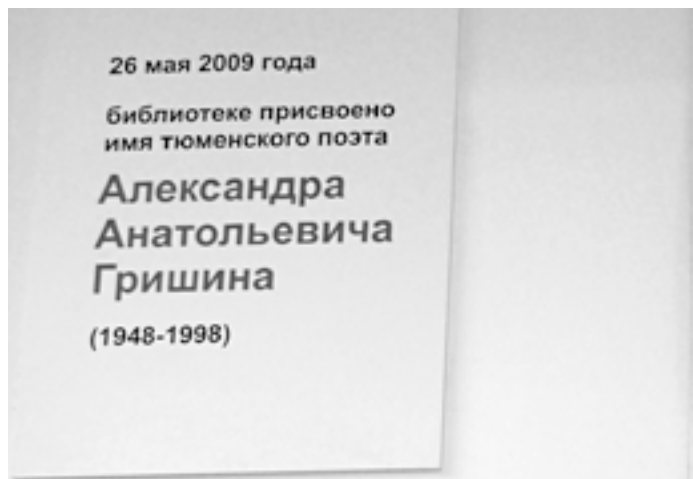
Пишут самые юные... В этой небольшой подборке ребят из Тюмени искорки творческого поиска. Судя по темам, которые отражаются в их сочинениях, можно сделать вывод, насколько серьезно и неравнодушно ребята относятся к тому, что они встречают в своей повседневной жизни. В основе их восприятия — светлая вера в доброе начало, в ценность человеческих поступков. Не нарочито, а вполне естественно звучит оптимистическая нота. А значит, от самого человека во многом зависит, какими могут быть сегодняшний день, завтрашнее утро и вообще будущее.

Сочинения эти мы получили от наших друзей-библиотекарей. Уже третий раз подряд Централизованная городская библиотечная система Тюмени при поддержке Департамента культуры администрации города Тюмени проводит конкурс под названием «Гришинские проталины» в память о поэте Александре Гришине, который стоял у истоков рождения приложения «Проталина» к газете «Тюменские известия». Это приложение выросло в самостоятельное издание — журнал «Проталина», он теперь выходит в Екатеринбурге, и его читают в России и за ее пределами.

В этом году в конкурсе участвовали 125 авторов, и было прислано более 200 работ. Торжественная церемония награждения проходила в стенах Библиотеки-филиала № 2, носящей имя Александра Гришина. Куратор конкурса — Антонина Маркова, председатель жюри — Ольга Данилова-Пушкарь.

«Проталина» публикует на своих страницах некоторые работы конкурсантов. С надеждой, что они всегда будут серьезно подходить к своему творчеству, упорно и неутомимо будут искать верные слова, когда захотят с кем-то поделиться своими чувствами и мыслями. Далеко не все становятся поэтами, но поэзия всегда воспитывает душу.

ПОЛИНА МОГУТОВА.

14 лет

БОЖИЙ ДАР

Стоял теплый мартовский день. В воздухе пахло весной, весело чирикали воробьи, солнышко уже хорошо пригревало, кое-где снег почти растаял, и на улице было так хорошо, что идти домой совсем не хотелось.

Лена шла из школы и слушала звуки весны. В последнее время она стала замечать, что понимает, о чем говорят птицы. Это получилось совсем неожиданно. Гуляя по улице, Лена услышала, что веселые синички делились друг с другом радостью о найденной во дворе дома кормушке, непоседы воробьи кричали всему миру о том, что скоро весна, а большие вороны говорили о трудной прошедшей зиме.

Лена не поверила своим ушам. Она была обыкновенной, и никаких особенных талантов у нее никогда не было. Очень хотелось бы поделиться с родителями, но они, вечно занятые на работе, так, наверное, и не поняли, что она хотела сказать. Лена начала разговор со своей подругой Светой, но та стала смеяться и ответила, что такого не может быть. Лена подумала так: не хотят верить — и не надо. И решила, что это будет ее тайной.

Каждый день, проходя по весеннему городу, она узнавала свежие птичьи новости. Вот синички радо-

вались теплым денькам, вот голуби пытались попить из лужи, затянутой ледком, и ругались, что никак не хочет зима сдаваться и пускать весну. Все это было так интересно!

Еще с одним человеком давно хотелось поделиться и рассказать о неожиданном даре, но Лена стеснялась. Однажды, гуляя в парке и слушая птичьи голоса, она увидела красивую женщину, катившую инвалидную коляску. В ней сидел мальчик примерно ее возраста. Что-то было необычное в их поведении. Долго стояла Лена и смотрела на них. И вдруг она поняла, что ее удивило. И мама, и сын были очень счастливы, они радовались и грязным лужам под ногами, и весеннему солнышку, и деревьям, и птицам. И радость их была искренней, настоящей. Это особенно удивляло, когда и здоровые-то люди бывали хмурые, злые, раздражительные.

Эти встречи в парке повторялись. Сын и мама всегда были в хорошем настроении. Однажды, когда снег на улице уже растаял и земля совсем просохла, Лена увидела, что мама с мальчиком играют в мяч, и мальчик радуется и весело смеется. Лена очень захотела поиграть с ними. Она попросила разрешения, и мама пригласила ее. Так они и познакомились.

Мальчика звали Денис. Оказывается, у него внезапно заболели ноги, а потом и совсем отнялись. Раньше он увлекался спортом, но болезнь украла у него шанс стать чемпионом. Но она не смогла отнять у мальчика радости, оптимизма и веры, что он сможет победить болезнь.

Сегодня, гуляя с Денисом и его мамой в парке, Лена решила поделиться с ними своей тайной. Когда она призналась, что знает все секреты птиц, Денис заулыбался и сказал, что только добрые и чистые сердце и душа могли позволить ей получить такой Божий дар. А в ответ на ее признание сказал, что у него тоже есть для нее сюрприз. И он попытался встать. Конечно, у него не совсем это получилось, руки дрожали, и ноги плохо слушались. Денис чуть-чуть привстал и снова рухнул в коляску, но его глаза светились такой радостью, а мама Дениса не могла сдержать слез. И Лена вдруг почувствовала, что эти люди, недавно совсем чужие, стали для нее родными.

Много времени ребята теперь проводили вместе. Лена отлично училась в школе и могла помочь Денису с уроками, поддерживала, говорила, что все у него будет хорошо. Да и Денис каждый день делал упражнения, начал понемногу вставать, и это у него получалось все лучше и лучше. Часто гуляя с Денисом в парке, Лена рассказывала, что же нового сообщали ей птицы. Ребята много разговаривали о школе, о каких-то своих детских секретах и удивлялись тому, как они хорошо понимают друг друга.

Вокруг бушевал май, пели птицы, скоро должны были начаться каникулы, и друзья были счастливы. А рядом проходили люди и никак не могли понять, чему же радуются девочка и мальчик, сидящий в инвалидном кресле.

Прошло пять лет. Денис полностью поправился, они с Леной часто бывают в парке, который когда-то познакомил их. Скоро у них выпускные экзамены и прощание со школой. Впереди — целая жизнь. Все у этих ребят будет хорошо, потому что у них есть главное — доброе и чистое сердце и душа, способная радоваться. А это, наверное, и есть главный Божий дар.

софия паникарова, 10 лет

рассказы умного кота

дача

Каждый хозяин хотя бы раз в жизни был на даче. Если не на своей, то на даче у знакомых. Я тоже бывал с хозяйкой на даче. Раз своей у нас нет, то мы ездим на Людину. Сейчас я расскажу обо всем...

Там, на даче, есть небольшой домик. В доме две комнаты и кухня. На кухне газовая плита, простой умывальник, потрескавшиеся по краям тарелки. В углу венчик. В зале столик, у стенки буфет, на тумбе — радио. В спальне стоят две кровати, зеркало и комод. На полу

лежит ковер, большой узорчатый ковер. Возле дома красуется зеленый огород.

В самой деревне течет речка, по берегам которой расположились луга, поляны, ручьи, леса... Красота... Когда прогуливаешься, то видишь птиц на деревьях, по земле ходят куры, петухи, на лугу много коров и овец, собаки лениво спят в будке, а люди или на работе, или в огороде...

Я в этой деревне чувствую себя свободным котом. Мне тут очень нравится... Хорошо у Люды на даче!

говорящая коробка

Галя сидела на диване, уставившись в какую-то черную коробку. Я подошел поближе и увидел, что коробка еще и разговаривает! Вот это да, подумал я. В руках у Гали была незнакомая странная штука. Стоило Гале нажать на кнопку (которая на этой штуке), коробка сразу говорила тише или громче. Или же вместо женщины, которая громко пела, в коробке появлялся серьезный дядька. Я тоже с интересом смотрел в эту коробку.

Как-то раз мне нечего было делать, и я ходил за хозяйкой по пятам. Она говорила по телефону и, когда прощалась, я слышал слова: «Ладно, я пойду смотреть ТЕЛЕВИЗОР».

Я, услышав незнакомое слово, насторожился. Где же у нас этот телевизор, возник у меня в голове вопрос. Галя пошла в зал, я за ней, она села на диван и включила коробку.

Ну, тогда я и понял, что такое телевизор!

мой новый друг

Сегодня я познакомился с Меркурием. Нет, вы не думайте, с планетами я не разговариваю. Просто у Люды так собаку зовут.

Он сидел в углу и смущался. Но я, как интеллигентный кот, первым подошел к нему и начал разговор:

— Добрый день, — сказал я.

— Здравствуй, — нисколько не смущаясь, ответил он.

— Как тебя звать-величать? — спросил я.

— Меркурий. А тебя? — бодро задал вопрос Мерк.

А я не стал вести разговор при всех и ответил:

— Давай-ка пойдем куда-нибудь из коридора. Например, в спальню Гали.

— Давай, — согласился Меркурий.

Мы прошли в спальню и там побеседовали. Он был очень хороший. Мы с ним подружились. Но наступила пора прощания. Хозяйки наговорились.

— Пока, — сказал я ему.

— Пока, — ответил он мне.

Вы считаете странным, что я зову его Мерк? А ничего странного. Мерк — это сокращение Меркурия, а то уж больно длинное у него имя.

♥ анжелика ТОКМЕНИНА, 16 лет

память деду

Я вижу дедушку солдатом,
В пылу фашистского огня
Он грудью прикрывал комбата
И, может, думал про меня...

Глотая пот, и кровь, и слезы,
Он шел, захватчиков тесня,
От пули падал у березы
И, может, думал про меня...

В палате белой медсанбата,
Где стоны, смерти пелена,
«Я доживу, — кричал, — ребята!»
И, может, думал про меня...

♥ ВИТАЛИЙ УШАКОВ, 15 лет

о прошлом

По земле ползут туманы,
Много верст — а люда нет,
В небе ходят караваны
Из созвездий и планет.

Одичалые собаки
Скорбно воют на луну,
В беспробудном полумраке
Ищут, бедные, весну.

Опустело все селенье,
И в окошках свет погас,
Звуки молкнут, все — в забвенье,
Петуха не слышен глас.

Убаюканно скучая,
Тихо дремлет старый дом,
И, покрыв окно вуалью,
Запустенье дышит в нем.

Без тепла, уюта спален
Дом совсем уже продрог,
В одиночестве печален
И в печали — одинок.

И крестьянин, не иначе
Потерявшись здесь зазря,
«Отче наш» пропев, ускорит
В те места, где есть заря.

Но назад на самолете,
А потом уже пешком,
«Нет» сказав своей работе,
Ты вернешься в этот дом.

В дом, что ждал тебя покорно
Много тысяч долгих лет,
Что стоял во тьме упорно,
Не надеясь на рассвет.

Ты войдешь в него, и снова
Солнце в небе зацветет,
Замычит в полях корова,
И начнется ледоход.

♥ МАРИЯ КУТРУНОВА, 13 лет

рыбакам лорбы

Рыбаки деревушки Лорба,
Свою жизнь вы прожили гордо.
И в жару, и в лютую стужу
Вы все знали, что Родине нужно.
Вы чинили саипы и сети,
Старики в основном или дети.
А рыбачки пешней и ботажкой
Добывали чебак слишком тяжко.
И на фронт очень скромно писали,
Что консервы «Частик» послали.
Всем бойцам, где б они не бывали,
Вы Победы, здоровья желали.
И даже в войну, в лихолетье
Вы за все в жизни были в ответе.

Татьяна кулешова

полет неспешный и высокий

иллюстрации автора

Татьяна Кулешова родилась в 1961 году в селе Манчаж Артинского района Свердловской области. Росла, училась, работала в поселке Арти, живет здесь и сегодня.

В 2002 году училась в екатеринбургской художественной школе им. П.П. Хожателева, в мастерских художников Юрия Ужегова и Александра Вохменцева. С 2004 года участвует в городских, персональных, региональных, всероссийских художественных выставках.

А дальше ей слово:

— Я родилась и выросла в обычной рабочей семье. Отец был комбайнером, отчим — бульдозеристом, мама — сначала дояркой, потом шлифовальщицей на производстве ложек на Артинском механическом заводе.

А я, сколько себя помню, мечтала быть художником. И сочиняла что-то тоже с детства — ходила по лугам, по лесам и пела песни. О чем, не помню, но слова были мои. Что видела — о том и пела.

Но сама к себе я шла очень долго, много было сделано ошибок, много набито шишек. Уже после сорока лет, когда две дочери стали студентками, я окончательно осознала, что так больше не могу. Бросила работу, оставила дом и в 2002 году поехала в Екатеринбург искать Учителя. Я хотела стать художником еще с большей силой, чем в детстве.

Было очень трудно, но все получилось. И дети встали на ноги, и я начала серьезно заниматься рисованием и участвовать в выставках. В 2015 году меня приняли в Союз художников России.

А стихи записываю тогда, когда они приходят сами. В Екатеринбурге было издано четыре книжки стихов, в 2015 году стала лауреатом Литературного конкурса по УрФО за книгу стихов «Вдоль счастья». Есть у меня и книжки стихов для детей, лежат «в столе» сказки...

Согретые огнем рябины
Притихли. Крыши иней ждут.
И так обидно, что умрут
Под утро чудо-георгины.

Не спорить с инеем цветам.
Но жить да жить корням и травам.
И не иссякнет красота
Под этим небом — вечно правым.

...А там, где вдоль тихих дорог
Шелками лежат ковыли,
Луна — просто желтый цветок
Над синей поляной земли.

На траве, отчаянно зеленой,
Загорелась синяя роса,
Синяя, как взгляд неутоленный,
Синяя, как ливень отдаленный,
Синяя, как синие глаза...

Светла осенняя аллея,
И свет высок.
Тоской вселенского болею —
Болит висок.

И каждой осенью сгораю,
Как лес и сад.
И золотые тропки рая
Приводят в ад.

Играла жизнь на скрипочке,
На скрипочке души...
За то, что нот не ведала,
Суда ты не верши.

Не ведала, не видела,
Не знала лет и зим...
Ах, скольких я обидела
Незнанием своим!
Но не прошу прощения,
Смычок не отдаю...
На скрипочке, на скрипочке
Играю жизнь свою.

В объятьях колкого тумана,
Где звук шагов, как скрип пера,
Все выглядит немного странно,
Как будто не было «вчера».
Все родилось сегодня утром,
И наша девочка Земля,
Не зная, как ей будет трудно,
Смеется, сердце веселя.

Пьет олененок из ручья,
С ним рядом мама-олениха.
И так вокруг светло и тихо,
И так завидую им я.

Где тот ручей, чтоб мне напиться?
Где мама? Где сама я есть?
...Течет прохладная водица,
Несет свою простую весть —

Как олененок неумело
Пил и подрагивал губой,
Как олениха-мать глядела
На лес холодно-голубой...

Вдоль дороги,
Вдоль дороги
Серебристая полынь.
Вдоль дороги
Склон пологий,
А за ним — леса да синь.
Вдоль дороги
Теплый вечер,
Тонких бабочек полет...
А в конце дороги встреча,
Может быть, произойдет.

Ветер листья зло срывает
И бросает прямо в дождь...
Я-то знаю, как бывает,
Если к краю подойдешь.

Я-то помню ту минуту,
Как стояла на краю,
Как Господь послал мне чудо —
Руку протянул твою...

Время, верно, лечит раны.
Стали дни, как сны, легки.
Ни о чем просить не стану,
Но... не отнимай руки!

Грустно догорают георгины.
Лето пролетело. Жизнь прошла.
Жизнь была нескладной и недлинной...
Но зачем-то ведь она была?

Что останется? Не так уж мало —
Дети и стихи. Совсем не зря
Я жила — сгорала, догорала,
Как цветок в начале сентября.

Тяжелого неба откинулся край,
А там голубое сиянье!
Наверное, где-то и вправду есть рай,
Коль есть на земле покаянье.

На город каменный смотрю,
А вижу своды золотые,
И говорю слова простые,
И небеса благодарю
За хрупкость снов,
За краткость слов,
За снега светлое паденье,
За звонкое несовпадение
Капелей и колоколов.

По дорогам, белым от печали,
По дорогам, черным от дождя,
Бродим одинокими ночами,
Из своих квартир не выходя.

И ни слова... Боже мой! Ни слова
В эти ночи не произноси.
Слушай сердце. Ничего иного
Не зови, не жди и не проси...

Я ненавижу эту дверь,
Что за тобой закрылась.
Осталось мне одной теперь
Перебирать, что было.

Раскладывать по временам
Слова, улыбки, взгляды
И знать, что все отныне там,
Где мы с тобою рядом.

Девочки мои!
Веточки мои!
Вам досталось деревце тонкое.

Как сберечь мне вас,
Оградить от бед?
Если я сама на ветру стою!

Если ветер тот
До земли пригнет,
А потом опять гордо
Выпрямит...

Где мне силы взять,
Чтобы устоять?
Чтобы вас спасти, мои милые...

Стихи мужские о России,
Стихи мужские о войне...
А я, по-девичьи, бессильно
Все о тебе да обо мне.

Мужские песни о суровом —
О льдах, о северной реке...
А я, по-бабьи, бестолково
Все о любви да о тоске.

Мужские сказки беспощадны —
В них ночь темна и нож остер...
А я, по-женски, безоглядно
Снегуркой прыгаю в костер.

пассажир в чужом поезде

Виктор Говорков был в группе поиска, он азартно, не жалея времени и сил, старался помочь «Проталине» в вечном поиске и авторов, и жизненных возможностей устоять в условиях равнодушного отношения к Книге, к Слову.

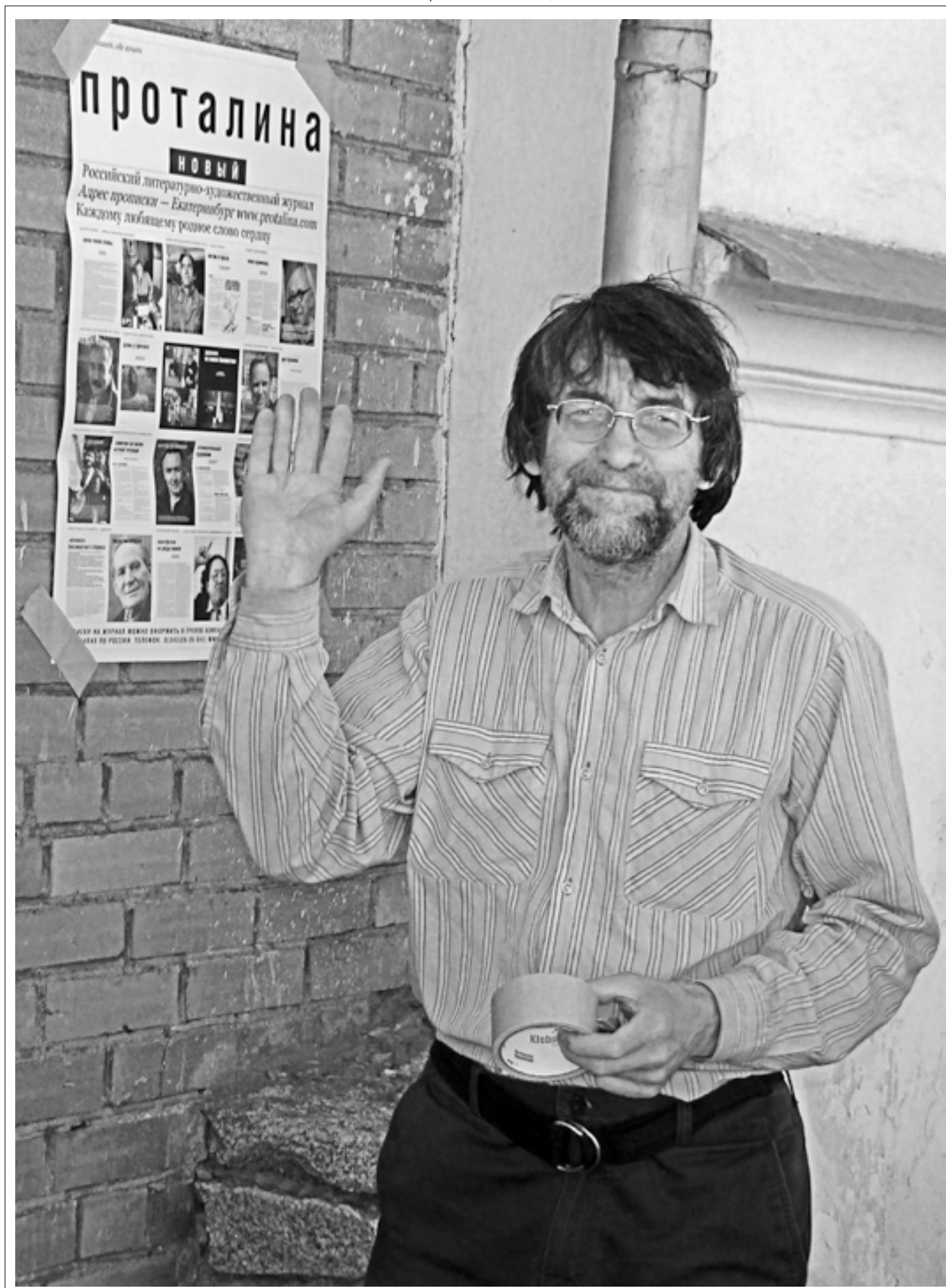
Он был с нами с первых выпусков журнала. Брался за любое дело, способствующее знакомству «Проталины» с читателями. Ему удавалось находить действительно интересных художников и поэтов. А главное, он фанатично верил, что судьба «Проталины» должна быть светлой и долгой.

Жил он в Екатеринбурге на Сортировке. Нетерпеливый характер гнал его зачастую пешком в самые отдаленные районы города, и везде было у него какое-нибудь дело. Он был безотказен в помощи. Кому-то он приносил лекарства и продукты. Два года он ухаживал за тяжелобольным человеком, который совершенно не был ему близким. Виктор об этом никому не докладывал. Его часто видели на улицах куда-то летящим то с сумкой, то с папками. Нередко он давал приют людям, которые временно не имели крыши, в своей квартире. Кого-то он провожал или встречал.

Виктор, в сущности, был одинок, но он никогда не был один и ценил общение, сам шел к людям. И когда он о ком-то тепло говорил, то называл этого человека «друг», он вообще верил в человеческую доброту, несмотря на то, что очень мало видел в жизни доброты и тепла по отношению к себе. Он о себе вообще мало заботился. Уже будучи тяжелобольным, он утверждал, что все нормально закончится, что все будет хорошо. Он перенес тяжелую операцию, инсульт и успел восстановиться, но за последние полтора года его истерзали новые недуги, которые уже не отпустили. Виктор Говорков умер 7 августа 2015 года в возрасте 69 лет.

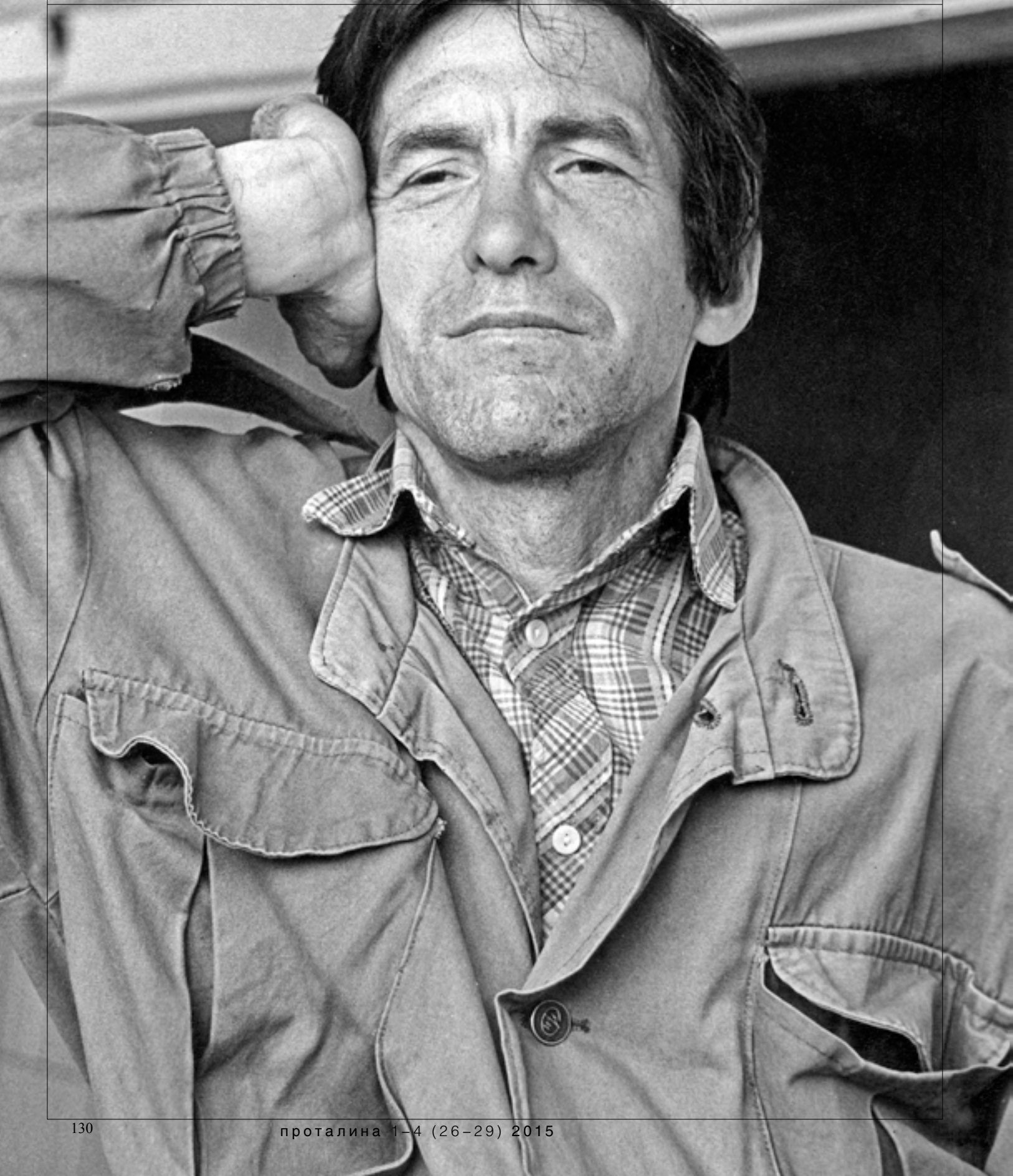
У нас остались его рукописи — стихи, рассказы и сказки. Подборку из этих материалов мы даем на страницах журнала.

Редакция журнала «Проталина»

ВИКТОР ГОВОРКОВ

без названия

Мне руки оттянули холщовые сумки. В одной — картошка, в другой — овощи и крупы. В поисках продуктов приходится порой совершать большие переезды по городу и пребывать в качестве мешочника. В трамвай в давке залезть успел (с частым дыханием), а вот когда пришла пора вылезти, тут оказалось, что я негабаритный. Оказывается, у меня есть продолжение тела в виде поотставшей немного в левой руке сумки. Всю жизнь я выскакивал ловко, не отягощенный ничем. Теперь эти денечки кончились. Сумку прижало захлопнувшимися дверями. В отчаянии пойманного в силки я заорал, а в ответ услышал: «Побольше рот разевай!» — от водительши трамвая, прокричавшей мне это в распахнувшиеся вновь двери. Сумку свою я все-таки освободил.

Пока я добирался до дома, меня стала обступать вечерняя тьма. Дело в том, что здесь раньше были зажженные лампочки. А сейчас только потухшие. И не видны, как днем, рекламные призывы: «Прикоснись к источнику!» Под источником фирмы и фирмочки подразумевают разное: воздух, воду, пищу и электрический свет — и все это они рекламируют. Можно подумать, что без их подсказки мы бы не знали, что нам необходимо. Пусть не обольщаются, все приемлем, все потребляем! Так почему же нет лампочек на улицах? Вернее, нет зажженных, а только потухшие.

Жизнь шумит, продолжается. Если ничего не видно, то ведь можно слышать и слушать, через слух жизнь тоже воспринимается.

Но в мой адрес появилось много окрика. Что-то во мне людей раздражает. Я уж не буду вспоминать реплику водительши трамвая, но я расскажу, как на днях меня обругали примерно так же, хотя и другими словами. Шел я к трамвайной остановке, уже никуда не торопясь и совершенно без сумок, и задумчиво смотрел на пасмурное небо. Тут откуда ни возьмись подкатил трамвай, из него повыскакивали люди, чтобы разбежаться кто куда. На остановке стало тесно, какой-то мужик ко мне обернулся и зло крикнул: «Не картинная галерея!» И я поневоле задумался о том, что, видимо, не вписываюсь в общую картину. Проворства не хватает, отстаю от других, и сумки мои отстают.

Хочу заметить, что мое отношение к этим зарисовкам строится свободно. Как отношение художника-портретиста к бродяге: торопливые наброски натуры, пока натура далеко не ушла.

Стало заметно, что сейчас многие увлекаются эксплуатацией всяческих источников. Даже литературных. У себя дома я недавно обнаружил, что у меня есть «Золушка-М». Это, оказывается, некое средство для чистки ковров и обивки мягкой мебели — приобретение моих домашних. Я взглянул на это средство и почему-то мне вслед Шарлю Перро, автору знаменитой

сказки о Золушке, захотелось провозгласить: «Золушка-М, я забочусь о тебе даже больше, чем о своих родных дочерях», «Золушка-М, прибери в доме, вычисти посуду, перебери пшено!»

Вы думаете, почему у детдомовских девочек короткие волосы, как после тифа? Чтобы не устраивать размывания в казенных условиях, не тратить на них лишнего мыла. Убирается из жизни всякая бытовая дотошность. Впрочем, я уже начинаю повторяться.

листья с одной ветки

В детстве удивительная духовная жизнь — но, как правило, недоступно ребенку ее выразить творчески (за редким исключением), а когда человек, став взрослым, уже может это сделать — однако уже недоступна, невозвратима сама эта духовная жизнь. Хотя не для всех...

Как-то один читатель не понял мое выражение «железный лист пути». Я имел в виду железнодорожный путь, железнодорожное полотно. И я объяснил тому читателю, что не только можно писать по листу бумаги, что дорога — это тоже лист, железный лист, по которому можно писать поездами. Читатель подивился. А я сказал: да, да, можно писать и кораблями по синему морю, и сенокосилками по душистому полю, можно писать новой линией электропередач и новым газопроводом, строитель пишет новыми домами, а астроном — новыми звездами.

В личной любви, по-моему, на какой-то, пусть даже короткий момент, получает выражение высшая форма любви — это любовь ко всем людям. А разве не так? Разве, когда тебя любят и ты любишь, — не становимся мы добрее к окружающим нас людям? К сожалению, это часто обусловлено личным счастьем.

Можно прекрасно разбираться в поэтических красотах и в серьезной музыке, но не воспринимать чужую боль как свою. А это, я считаю, важнее.

Не думая о других, ты тем самым не думаешь о себе. Стараясь хашнуть у других, ты тем самым ущемляешь себя; неминуемо происходят потери в личности.

В работе писателя за словом стоит совесть. Если у писателя, грубо говоря, совести нет, то в его слове

чувствуешь фальшь. Вся жизнь человеческих отношений — это единая субстанция, единый океан, где каждый твой поступок на тебя же и влияет. Если двинешь волну от себя, она все равно откатит к тебе...

Я теряю физическое здоровье, когда пишу.
Такого, я думаю, не бывает, когда просто царапаешь по бумаге.

Настораживает, когда поэт не отказывает себе ни в чем, кружится в вихре жизненных удовольствий и в то же время говорит: «У меня улыбка Будды».

Настораживает, когда такой поэт говорит, что с физическим здоровьем у него все в порядке, что он его не теряет.

Я сожалею о многих вечерах, когда мне разморённо, счастливо и по-детски хотелось спать, но у меня была забота дописать какое-то стихотворение или рассказ. Забота?! И я перемогал себя, я перебирал слова, мучительно борясь со сном, который постепенно превращался в пробоину. Ночь была пробита. О ночь, которая поначалу еще жила во мне, которая так счастливо начиналась! Прости! Хотя... вы понимаете, разве я убивал только ночь? О, если бы я легко и просто лег спать, если бы пошел навстречу своему естеству! Мне сейчас кажется, что в сокровенном смысле для меня это бы значило больше.

Или лес... Или просто солнечный чудесный день... Но обязанность что-то написать или дописать отнимала у меня день и лес. Природа призывно сияла за окнами, но я хронически терял ее для себя. И вот такую природу, такой лес уже никогда не вернуть. И тот я, который бы раскрылся среди той природы (если бы я среди нее был) — тот я уже неосуществим. Повторяю, мне жаль.

Поэзия — это история чувств.

Уехала ты,
а куда — не знаю.
Дайте мне справку!
Я в адресный стол,
только знают — уехала.
Дайте мне справку!
Номер поезда, что тебя увез,
напрасно искать в картотеке.
Дайте мне справку!
Все падающие листья были без номера.
Дайте мне справку!
Все равно, что послать цветы переводом.
Дайте мне справку!
Ночью сделать налет на музыкальную школу,
чтобы там поиграть на рояле.

Тогда думы мои о тебе, наверное,
все услышат.

Дайте мне справку!

Я в милицию, в розыск, а мне вопрос:
в каких я с тобой отношениях?

Это сам бы хотел я выяснить.

Дайте мне справку!

Друг-астролог развел руками:

«Я предсказываю только будущее».

Что же, выходит, все у нас в прошлом?

Дайте мне справку!

То, что встречались,

ни в одном документе записи не сделать.

Канцелярские крысы! Дайте хоть справку!

Я яблоки другу в больницу принес.

Однако в смущении он извинился,

но яблоки взять у меня отказался.

«Пусть будет тебе не в обиду, — сказал он, —
но ими меня завалили, ей-богу!

И теща, и мать, и жена нанесли...»

Ну что тут поделать? Я ехал обратно

и яблоки всем просто так раздавал.

Запомнил особенно я конопушку

двенадцати лет или, может, чуть больше,

которая рядом со мною сидела

в маршрутке и яблоко грызла мое.

Пока на трамваях, автобусах ехал,

учебник листал и, засунув его

в портфель кое-как, продвигался на выход,

кому-то звонил, на колене своем

какую-то просьбу записывал вкось,

опять на трамвай, на автобус садился,

знакомых встречал или так... из окна

едва успевал им рукою махнуть,

и что-то читал я и что-то писал

(наверное, было местами неплохо),

и что-то я делал, кого-то любил,

садился и снова куда-то я ехал,

вот так я не яблоки только одни,

вот так я для всех раздавал свои дни.

Земля летит во Вселенной.

Одна ее половина светом облита.

Это навстречу тянутся руки двоих.

Это пассаты баклану достичь

помогают желанного берега.

Другая ее половина

тонет во мгле.

Это двое руки поднять навстречу

не могут.

Это у чайки в борьбе с одичавшим

морем устало крыло опустилось.

Жизни две половины!
За черту постоянно уходите
света
и тьмы.

Свою жизнь утверждают многие криком.
Они думают: в крике они правы.
А сочувствие в душу
приходит тихо,
как журчание соков,
идуших в стебли травы.

В некрасивой речи своей
хочу быть услышан.
Я зову по лощине
бегущий поток и траву.
Я зову человеческий слух —
даже если я косноязычен.
Из прибрежных кустов
веткой каждой зову.

Я не знаю, как вам объяснить,
но в каждом бурьяне
в чистоте своей
непричесанно дышит любовь.
Только люди в погоне за благами —
в вечной брани!
И поэтому сердце мое
содержит крапивный ров.

Трескучий январь.
Как студено и ломко!
В синюю высь вскинута кисть
лапы березовой.
Пальцы ее я пожал бы, да вот
боюсь, что осыплется снег,
прижатый морозом.

в парке

Вот уже вдоволь дождями омылась
поздняя-поздняя осень!
Словно живого, скажите на милость,
Вижу чугунного лося.

Он, испещренный кустарником голым,
Ветви надлобные поднял.
Листья-стручки увядающим хором
Шепчутся: поздняя, поздняя...

Солнца мягкое прикосновение
золотыми лучами-пальчиками
породило веселые зайчики
и осеннее пожелтение.

По Господнему произволению
осыпается лист с тополей.
И, как строчка стихотворения,
Вереница летит журавлей.

...Моей жизни сумасшедший поезд —
он так разогнал мое сердце,
что уж поздно мне будет
прыгать сейчас под откос.
Все же где эта спасительная,
говорю вам,
где эта дверца?
Только где-то зловеще в тамбуре
хлопают двери вразнос.

Он помчался куда-то в ничто,
он пустым стал, летучий поезд,
чтоб просторней мне было гулять
без людей
из вагона в вагон.
Осужденный, покинутый всеми,
я вселился в старинную повесть,
где из залы в залу
кто-то шел по следам
и в красном был он.

Кто же ты, машинист,
судьбы моей мрачный гончий?
Почему ж захватил ты меня одного
и куда же меня ты везешь?
Будет жизнь на Земле в новом веке?
Но сейчас моей жизни помочь бы...

елена минакова

свободное трепыхание в искусстве

В данное время живу в Екатеринбурге. По профессии журналист. С 2007 года — редактор журнала «Проталина». Несмотря и вопреки всевозможным трудностям, наш журнал получает высокие награды конкурса «Патриот России», но это только благодаря нашим преданным друзьям и помощникам, а помощники у нас и авторы, и наши безымянные спонсоры. Трудности продолжают нарастать, а мы продолжаем не сдаваться.

Встречи с талантливыми и бескорыстными людьми — поддержка наших помыслов и дальнейшей борьбы за журнал.

Не все прилетели соколы. Вернулись только семеро. Сели на пустынном песчаном берегу, сложив крылья, и дремлют. То ли это ловчие птицы из дружины князя, то ли вольные хищники? То ли с подвига возвратились, то ли после разбоя?..

Виктор таинственно улыбается. Он думает. Он вспоминает. На какое-то мгновение он не с нами, не здесь, в стенах своей мастерской, где темно, тесно и сыро даже в пригожий майский день.

На голове у Виктора медный лавровый венок, символ триумфа и достоинства, в глазах «лукавинки». Он, знающий разгадку тайной истории про соколиную охоту, неутомимый выдумщик, повелитель металла, не замечает тесноты своего обиталища, не страдает от своего порою долгого одиночества. Очарованный Виктор колдует над столом, где бытуют его соколы. Он всегда с ними в контакте, всегда в полете. Они всегда рядом. Вот и сейчас этот же стол накрывается предметами трапезы. Виктор поясняет: «Пришел человек — надо накормить, — и тут же смущенно добавляет: Я за тридцать лет так привык к одиночеству, что даже растерялся».

В нем соединено трудносочетаемое: торжественность гостеприимства и печаль, задумчивость и живость, угадывается внутреннее благородство и смирение.

Стол заботливо украшен букетиком скромных одуванчиков, ветками благоухающей черемухи. А еще сюда

подоспела из духовки запекшаяся картошечка, рядом хрустящая редиска и любисток — зеленый пучок «натурального продукта».

Пока Виктор орудует с кипятильником, осматриваюсь. На подоконнике целая «самобранка» — минералы всевозможных размеров и цветов. Благо, совсем близко стройка дороги, выйдешь поутру, а тут на тебе — камень, сам просится в руки. Среди каменных цветков буйствует журавельник — росточки герани, розовые и алые, заботливо «настрижены» и рассажены хозяином мастерской по разным баночкам и стаканчикам. Но вот вдруг за зарешеченным окном мелькнули чьи-то спешащие ноги, и вернулся привычный заоконный пейзаж: низ кузова автомобиля, кусты, лоскут неба, фрагмент старого двора.

Интересно и даже неправдоподобно его вступление в Союз художников России. Он, Виктор Петрович Мирошников, явился в это братство в 2001 году, уже имея мастерскую, которую сам долго доводил до ума. По его словам, редкий случай: «Еще в советское время возникло такое движение — выселение из подвалов, я тут и случился», — объясняет он чудо своего обретения. Двухэтажный дом, хотя и кирпичный, смахивает чем-то на барак, таких здесь много. Место это формировалось еще во времена «визовского самстроа».

Тихая травяная екатеринбургская улочка Чердынская в Верх-Исетском районе стала Мирошникову его землей обетованной. Во дворе ярится злая собака, пугает прохожих. Но злым нравом она в свою хозяйку, это всем известно. Под окнами раскинулась черемуха — готовый букет, приветствующий каждую весну. Чье-то художество на стене, начертано: «Зая».

Художник, который прибыл на смену выселенным из подвалов, живет здесь уже тридцать лет.

Железная «парадная» дверь подъезда, а за ней еще одна. Круто вниз ведут не очень надежные с виду ступени. Если отчаянно махнуть рукой, то сработает датчик движения и «да будет свет»! Если попытка не удалась, на этот случай в секторе обзора датчика установлен «возбудитель» — Виктор изготовил его из пенопласта, проволоки и гвоздей и находчиво укрепил на нитках под потолком подвала. Система простая, но надежная: не обязательно шарить руками по стенкам в темноте, достаточно потянуть за ниточки. Под потолком же пристроился и велосипед.

Здесь, в цокольном этаже, к слову, кроме Виктора, еще два ювелира в соседстве...

Встречая гостя, хозяин рекомендует себя: «Двоечник из Казахстана». И радушным жестом просит пройти в его апартаменты. Чего только тут не увидишь! И металлические обрезки, и всякий инструментарий, и самодельные станки.

Спальное место у Виктора двухэтажное, да еще и с инкрустацией на верхней передней стенке пианино, добытой где-то по случаю, которая служит кровати эффективным изножьем. «Второй этаж» занимают картины Виктора, его живописные холсты, нескончаемая серия под названием «Тысяча этюдов при заходящем солнце».

На снимках:

1–11. Мастерская художника

4

5

Искусствоведы видят в нем тонкого мастера кузнечных дел. Но сам он утверждает: «Нет, я не кузнец и я не ювелир — я художник! Причем работаю в двух направлениях — с кистью и молотком». С молотком Виктор дружит с детства, «долго стучал им», и считает его поистине волшебным инструментом, которым порой можно сделать то, что не пропишешь кистью или карандашом. В работе с ним оживает внутренняя энергия.

Весь свой путь он одолевал «самоуком», шаг за шагом. Он сам создал свою художественную лабораторию, где занимается ковкой цветного металла, пайкой, плавлением, шлифовкой, полировкой, а также обработкой стекла и камня. Сам добывал нужные книги. Неугоми-мо постигал природу материала, с которым работал. На сегодняшний день у него больше двухсот работ по металлопластике, в основном это композиции, в которые автор стремится вложить «философию, юмор и даже злую сатиру». Виктор, по его словам, никогда не думал стать художником, спокойно занимался бытовым трудом, был сантехником и даже обзавелся служебной комнатой, а кисть взял в руки, только когда ему исполнилось 33 года.

Судя по воспоминаниям, постоянными его спутниками были Отчаяние и Смирение. Виктор говорит: «Меня в детстве затюкали, и я обрел смирение. Может, поэтому я многого добился».

Родился Виктор в 1947 году в казахском городе Акмолинске, а детство его прошло в маленьком местечке южнее нынешней столицы края, города Астаны, в совхозе Челкарский, на берегу небольшого, неглубоко «по грудь» озера, где и плесы, и карасей полно — только успевай хватать. В хозяйстве были корова, свинья, бычок — не голодали. Отец-рыбак пристрастил парнишку к свободе и труду. Отец ставил сети, задача сына была вынимать рыбу. Вставал он с зарей, шел на озеро с ружьем. Садился в лодку и вел ее туда, где прятались стайки водоплавающих. Вспоминает: «Я шестом — р-раз, оттолкнулся. Лодка пошла... У меня лодка бесшумно идет. Только выхожу из-за кустов — хлесь-хлесь, вот и накормил семью! У нас всегда были дичь и рыба». В 8-м классе Виктор учился три года! Повесили на него ярлык гадкого утенка-двоечника. Весь набор учебников заменила ему одна папочка с десятком тетрадей. Не было даже портфеля. Сидел обычно на последней парте. На вопрос: «Мирошников, будешь отвечать? — заявлял: Нет. — Садись, два». Где-то в 7-м классе прочитал Виктор «Историю СССР» от корки до корки и исправно отвечал на уроках истории. В остальном он имел какие-то свои суждения. Например, на уроке геометрии удивлялся, зачем надо доказывать, что треугольник равнобедренный. Чего доказывать, если это так видно?! В детстве он «маленько лунатил». Приглядывала за ним бабушка. Несмотря на то что у нее был всего один глаз, она все им видела. Ловила беглеца и с молитвой укладывала.

Мама наставляла: «Витя, учись! Не будешь учиться, пойдешь быкам хвосты крутить. Не получится из тебя ни тракториста, ни комбайнера». Ошиблась мама. Вик-

тор и трактористом стал, и комбайнером, и всю жизнь чему-то учился.

Выйдя из школы, направился он в училище механизации сельского хозяйства. Сманили ребята, потому что там платили стипендию 50 рублей. Поучился год, получил диплом тракториста-комбайнера, вернулся в совхоз, сел на трактор с чугунным катком. В Казахстане сильные ветра буквально развеивали посевные земли. Была разработана целая технология, чтобы прикатать плодородный слой к почве. Вот Виктор и утюжил целину. Перед отправкой в армию успел закончить еще и курсы шоферов, поработать на автобазе. Выросший на деревенских харчах, он хорошо был подготовлен к испытаниям на военной службе. Оказался в Тбилиси, но служба там была какая-то неопределенная, три раза в год выезжали на «учения», обслуживали штаб округа.

После армии вернулся Виктор в совхоз, где ему дали машину-водовоз, чтобы возить для скота воду из речки. Бывало, ломается машина в пути, и приходилось парню идти через пургу, благо валенки и крепкие штаны у него были. Тогда-то он и закалился.

На Урал его сманили знакомые ребята: «Приезжай в Свердловск, там определишься». Ну что, ни образования, ни ума, но все-таки решил, что поедет. Приехал, осмотрелся и устроился на завод «Уралкабель» автопогрузчиком. Жил на квартире «в частном секторе». И закрутилось: от звонка до звонка в заводском цехе, а вечером выйдешь в город и не знаешь, куда деваться. Потянуло Виктора на свободные харчи, и устроился он на работу сантехником. Потом услышал, что на ВИЗе, в ЖКО «Ленина, 5», сантехнику могут дать жилье. Отправился работать туда и получил комнату. К тому времени он, не оставляя основного дела, закончил технологический техникум по специальности «обувное производство», тогда же он женился.

Это был романтический порыв. В группе из тридцати человек было всего три парня. Рассказывает: «Обстановка не для слабонервных. Сидишь — уши красные и весь горишь. Такая вот энергетика действуют, кругом девчата. Один парень — Яша, тучный. Второй — Петя, невысокий, он как признак интеллигентности (все же в мастера готовился!) носил в нагрудном кармане авторучку и расческу. И я сижу под перекрестными взглядами. В конце концов, с перепугу женился». Но все это вылилось в невеселую семейную жизнь, которая тянулась 15 лет.

Еще во время учебы в техникуме он нашел «слесарку», куда можно было приходить что-то постругать, изладить. Там он сделал первую люстру — с орнаментами, чеканкой, а между тем наступала пора сдавать экзамены. Он снова метался между творчеством и учебой.

Уже в очень сознательном возрасте Виктор, наконец, оказался в стенах Вечерней художественной школы имени П.П. Хожателева. Сам Павел Петрович в то время преподавал «перспективу и композицию». Там Виктор получил диплом и «классическое понятие», остальное добирал все тем же «самоуком». Взятая

ходить на горку писать небо при заходящем солнце. Ходил зимой, летом, где-то 500 из задуманных 1000 этюдов написал, часть выставил в Музее молодежи. Два этюда купили, пять были подарены... Это говорит о щедрости натуры художника и о его скромном положении. Пришлось автору отложить воплощение своего замысла до лучших времен, которые, как ошибочно думается, наступают только на пенсии. К тому же «металл отвлекал», требовал внимания.

Виктор снова и снова замечает: «Кузнец такого не делает, потому что он не ювелир, а ювелир не сделает, потому что он не кузнец». Он — творец, который смотрит на свое произведение, как на живое дитя. И видятся ему разные каверзы судьбы. Это зачастую отражается в вариациях названий. У композиции с пернатыми тоже два названия. Одно — «Соколы горизонта», другое трагическое: «Не все вернулись соколы». И так можно рассуждать, и так.

Он признает: творчество высасывает человека. И ничего с этим не поделаешь. По законам Социума и Вселенной иного в искусстве не бывает. Главное дело художника — творить. А если ты не готов творить бескорыстно, то ничего путного не родишь. У христиан есть понятие «должен пострадать...». Прими это как данность и смирись. И не повторяй ошибок тех, кто возносится, потому что за этим обязательно последует падение.

Сделано много. А что нажито? «Болячки», с которыми постоянно приходится бороться. В перестройку доводилось голодать, перебиваться рисовой кашей без молока и масла. Было, когда город надоел. Решил тогда Виктор уехать. Сманил с собой приятеля-музыканта. Устроился на кордоне где-то между Златоустом и Карабашем на Южном Урале лесником. На работу на лыжах ходил, сено косил, дрова рубил, на лошади ездил. А когда почувствовал, что окреп, потянуло его обратно «на угробление» в мастерскую.

Художник этот неистощим на выдумку и внутренне загорается разными идеями. Целых 15 лет он был «убежденным христианином», даже примкнул к старообрядцам, крестился, освоил реставрацию икон. Его работы становились деталями модельной одежды, представленной местным Домом моды. На озере Шарташ под Екатеринбургом в одном театрализованном представлении про языческих богов в день летнего солнцестояния он получил роль Рода — высшего божества славян. Виктор обтесал и украсил топазами и бутылочным стеклом кленовый посох, изготовил корону, пояс и даже хитон.

Свои произведения в металле он подразделяет на серии: «Комнатные растения», «Иероглифы», «Транспортные перевозки», «Дальние страны и континенты», «Плач о России». Судьба их, по существу, еще не определена, хотя они уже побывали на 15 персональных выставках в разных уральских городах. Около десятка работ купили музейные знатоки для коллекций. Просили многие, но за бесценок. Бывало, уступал, «глаза закрыв». Иногда сразу делал для продажи, но в процессе понимал, что

8

9

10

11

расстаться не может, потому что получается выставочное изделие и в сувениры не годится.

Недавно предложили Виктору «халтуру» для интерьера одного из банков. Солидный заказ за хорошие деньги. Художник полгода бился. Боролся сам с собой... и отказался, душа его не принимала официоза, он даже заболел тогда.

Неожиданно забрезжила возможность представить работы где-нибудь аж в самом Лондоне. Там нынче живет дочь Виктора со своей семьей, она пригласила отца в гости. Однако подумалось ему, что сейчас, когда самолеты стали совсем ненадежными, лучше не рисковать дорогими «железками», и он побоялся, что они могут погибнуть по дороге и никто их больше не увидит.

Виктор изобрел свой персональный орден «За трепыхание в искусстве». И в его кругу сразу объявились желающие обладать таким знаком отличия. Автор назначил за него цену 30 тысяч рублей, и пока что он сам единственный обладатель этого ордена.

Следом задуманы были и другие ордена, и работа увлекла. Появились: «Узреть Вселенную», «Привет музыкантам», «Натуральный блондин Коля Басков» — всего одиннадцать штук. Подумалось, почему бы не издать календарь, на каждый месяц года — по ордену. На этом календаре возможно и заработать. Как только осознал «заработать», сразу стало гаснуть вдохновение. Двенадцатый автор до сих пор не может закончить.

О том, что хорошие деньги, как всегда, идут мимо, бог Род с улицы Чердынской не больно печалится, по его словам, ему это как-то «очень все равно». От голода, мол, не падает, и то ладно. Как художника, Виктора печалит несуразность городской застройки, огорчает, что не на чем глазу отдохнуть в зонах отдыха, все однообразно, задумано по стандарту, расстраивает, что торжествуют халтура и безвкусица. А ведь могло бы где-нибудь у бассейна в парке стоять какое-то «Чудо-юдо». «Памятник экономическому кризису» мог бы встать у крыльца любого из министерств. «Памятник комсомолу» — где-нибудь на центральной площади. «Елочка» из серии «Плач о России» с култыпками вместо веток — к примеру, в Ботаническом саду. «Железки» Мирошникова, если их воплотить в «натуральную величину», вполне могли бы стать проектами для парковой скульптуры, фонарей, интерьеров зданий.

Виктор мечтает о собственном уголке земли, где бы он мог свободно и полно выразить свои задумки. А почему бы не помечать! Там бы нашли место «Забывший шарф», «Мама змея, детеныш змееныш и папа под каблуком», Аленка, Зина и теща — «Русские женщины», герой композиции «Выпал из гнезда».

Ну, а я бы на свой вкус выделила работу «Спокойный полет к солнцу». Она выглядит так: преодолев миллионы «парсеков», реет гордо, без видимых усилий, буре-вестник. Крылья его взвихрены. Хвост как у ракеты. Но идущий к цели невозмутим. Он спокоен и летит от Земли к Солнцу.

На снимках:

12–15. Ордена Мирошникова

16. Не все вернулись соколы

17. Спокойный полет к солнцу

18. Елочка.

Из серии «Плач о России»

19. Светофор. Российские дороги

20. Тяжелая поступь социализма

Из серии «Плач о России»

21. Медовый месяц

22. Сакура

23. Русские женщины. Аленка, Зина, теща

24. УрГУ. Философский факультет

25. Человек с горячим сердцем. Автопортрет

26. Тень

27. Бесконечный ветер

28. Северный ветер

29. Сказка о рыбаке и рыбке

30. Неимоверное усилие

31. Чудо-юдо

32. Забывший шарф

33. Кузнечик на прогулке

13

14

15

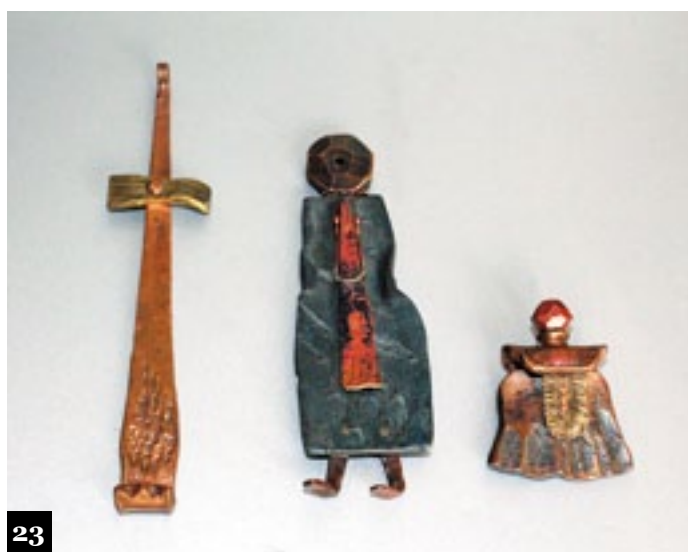
16

17

18

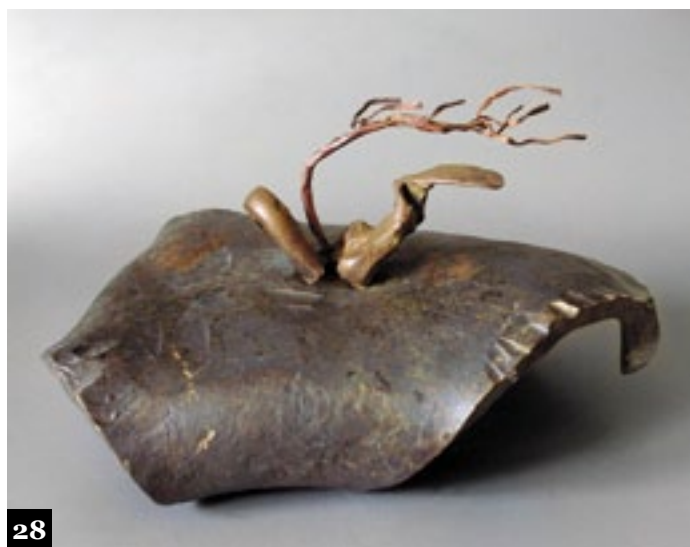
25

27

26

28

29

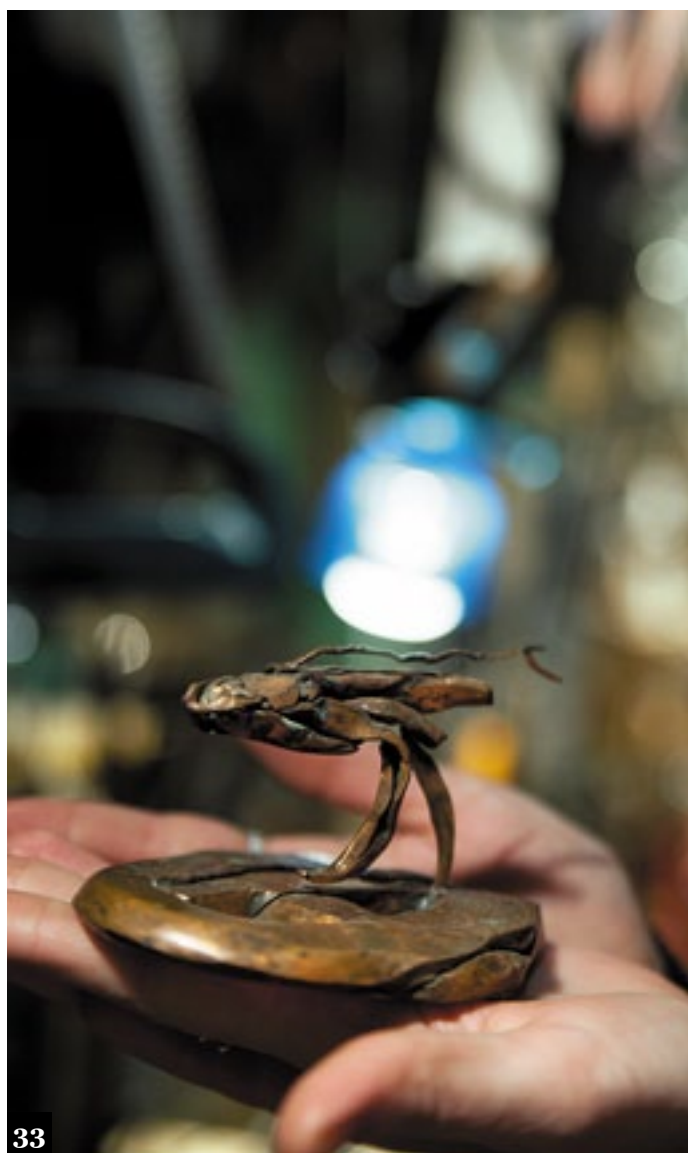
30

31

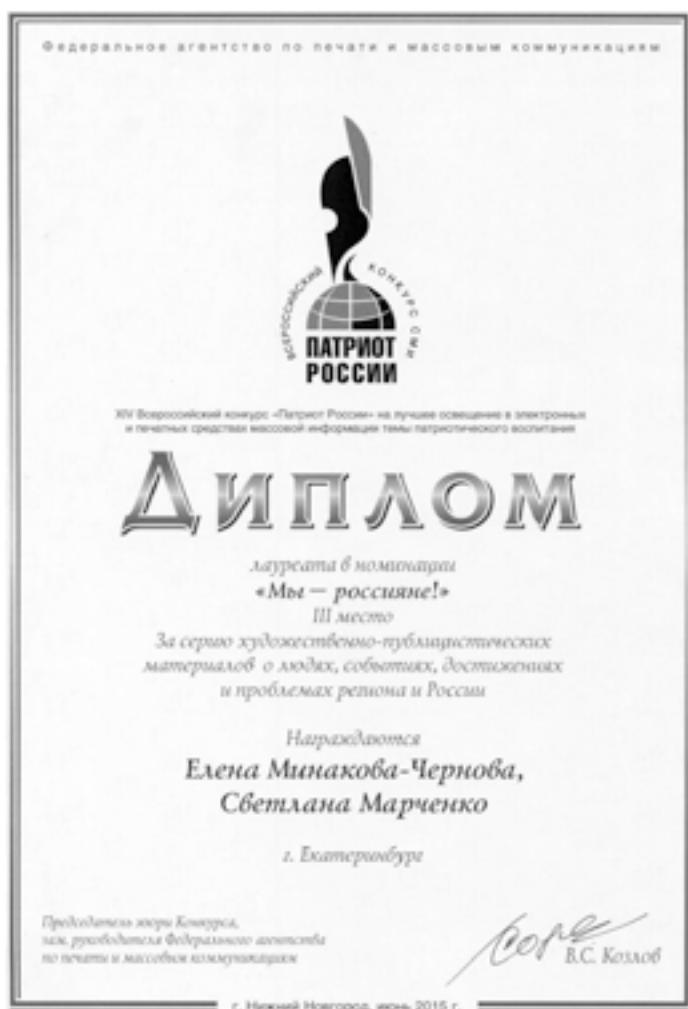
32

33

XIV всероссийский конкурс сми «патриот россии»

впечатления от встречи с нижним новгородом

«Проталина» удостоилась очередной высокой награды. В седьмой раз журнал высоко отмечен жюри Всероссийского конкурса «Патриот России» на лучшее освещение в электронных и печатных средствах массовой информации темы патриотического воспитания.

30 июня 2015 года в Нижнем Новгороде состоялось торжество по случаю вручения знаков отличия этого конкурса. «Проталине» вручен диплом лауреата в номинации «Мы — Россияне» — «За серию художественно-публицистических материалов о людях, событиях, достижениях и проблемах региона и России».

Ранее церемонии награждения победителей проводились в городах: Москва, Екатеринбург, Великий Новгород, Волгоград, Омск, Воронеж, Белгород, Уфа. Нынче это торжество прошло второй раз в Нижнем Новгороде. Конкурс организуется Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям (Роспечать) при участии Министерства обороны РФ, Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве РФ (Росвоенцентр) в соответствии с государственной программой «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2011—2015 годы».

По общему мнению, конкурс является самым массовым по количеству творческих работ. Нынче в нем участвовали представители 69 субъектов Российской Федерации, на федеральный этап поступили и были рассмотрены экспертным жюри 1 584 журналистские работы от 502 СМИ. Кроме того, впервые на конкурс представлены работы из США и Федеративной Республики Германии. Предложенные материалы рассматривались по категориям «Телевидение», «Радио», «Газеты», «Журналы», «Интернет-проекты».

Награды конкурсов подтверждают, что мы работаем в нужном и полезном для России направлении.

Полная информация о победителях, а также аналитические обзоры по каждой из номинаций конкурса доступны на сайте Международного пресс-клуба www.pr-club.com.

Татьяна Кулешова

*Вдоль дороги,
Вдоль дороги
Серебристая полынь.
Вдоль дороги
Склон пологий,
А за ним — леса да синь.
Вдоль дороги
Теплый вечер,
Тонких бабочек полет...
А в конце дороги встреча,
Может быть, произойдет.*

*Согретые огнем рябины
Притихли. Крыши иней ждут.
И так обидно, что умрут
Под утро чудо-георгины.*

*Не спорить с инеем цветам.
Но жить да жить корням и травам.
И не иссякнет красота
Под этим небом — вечно правым.*